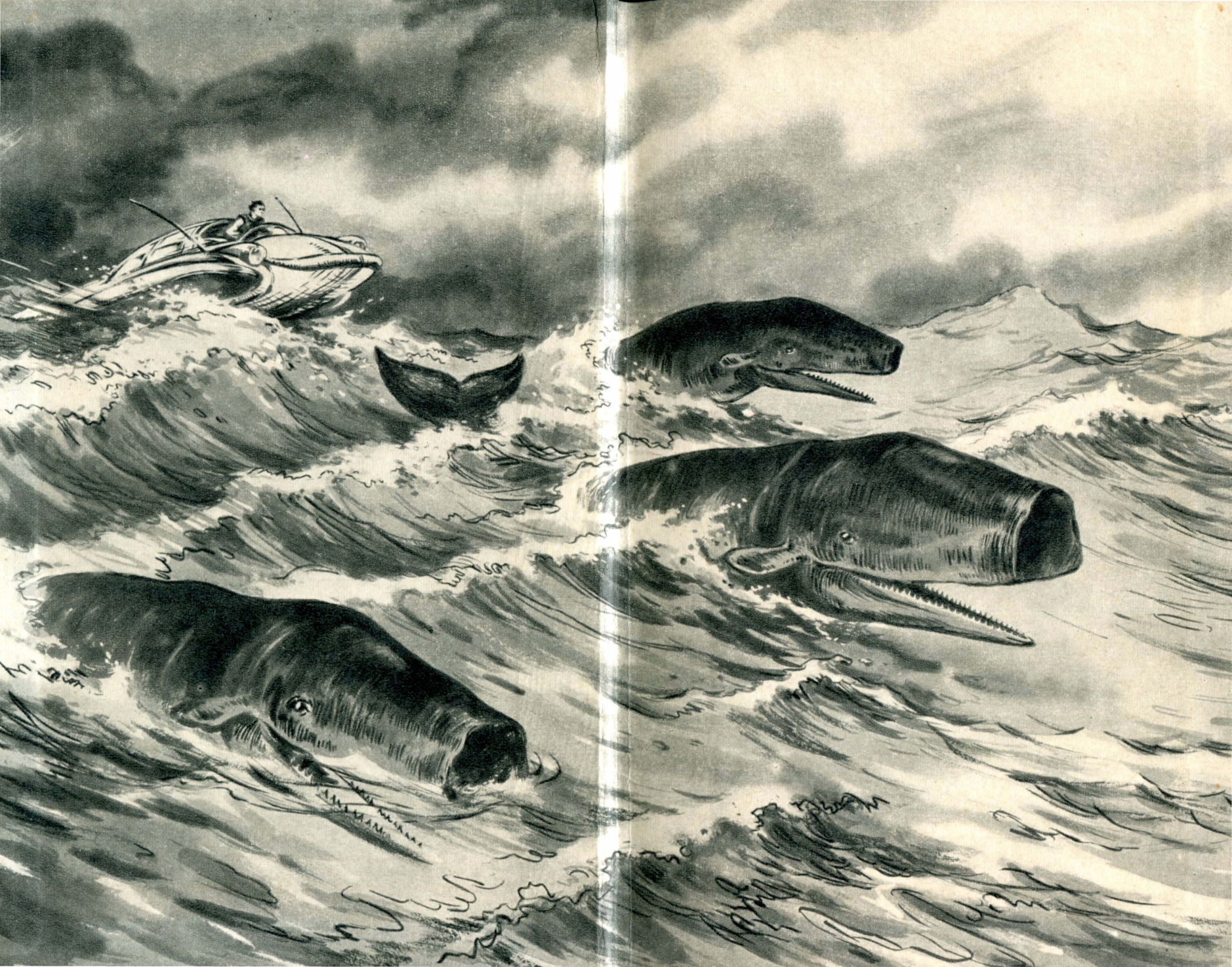

А.СТРУГАЦКИЙ
Б.СТРУГАЦКИЙ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДЕТГИЗ • 1962

(Ш)

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1962

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

А.СТРУГАЦКИЙ, Б.СТРУГАЦКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(П О Л Д Е Н Ь . 22^й В Е К)

Фантастическая повесть

РИСУНКИ

Г. МАКАРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Будем ли мы такими?

Много столетий человечество мечтало о необыкновенных странах, в которых счастливо и безбедно живут люди. Об этом рассказано в сотнях книг. Но, как бы ни назывались эти книги и эти страны, их обычно именовали утопиями; на греческом языке это означало «место, не существующее нигде». Ведь люди не знали туда пути и не знали, как, даже в будущем, завоевать мир всечеловеческого счастья.

В наши дни уже нельзя писать утопии: мы нашли дорогу в будущее, завоеванное в суровой борьбе, полной тяжких испытаний и жестоких утрат. Мы не мечтаем о коммунистическом обществе; мы строим его своими руками.

Каким же будет это общество, что создается гением, трудом и вдохновением нашего народа?

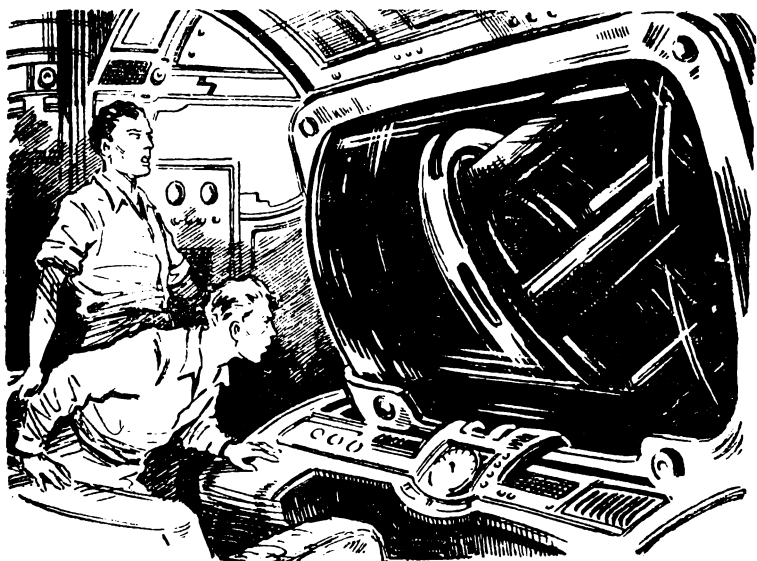
Книги, в которых раскрывается облик грядущего, уже появились. Это «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова, «Магелланово облако» польского писателя-коммуниста Станислава Лема и другие. Таким книгам близка повесть братьев А. и Б. Стругацких «Возвращение». Ее герои — люди двадцатого века: астролетчики, учителя, охотники, ученые.

Во многих из них читатели узнают себя — свое вдохновение, свое упорство, свою жажду подвига, потому что люди грядущих веков будут похожи на нас, будут почти такими же, как мы, и в то же время будут иными. Их труд будет разнообразнее, чувства богаче — ведь ничто не будет мешать им или ограничивать их. Как и в наше время, они будут видеть счастье не в отдыхе, а в подвиге, будут искать трудностей, чтобы испытать напряжение всех сил в жестокой иногда борьбе, ведь во все времена и века без труда нет человека.

Эта книга — не всеобъемлющее исследование коммунистического будущего и не трактат о коммунистическом обществе. Это лишь ряд отдельных эпизодов, не всегда тесно связанных друг с другом, мозаика, в которой, может быть, и не хватает многих кусков, но все же позволяющая разглядеть рисунок целиком. Так некогда в ранний предутренний час рассвета солнце уже золотит вершины гор, но влажная мгла еще лежит в долинах, по-ночному еще шумит лес, но уже слышны голоса птиц, приветствующих утро...

Так ли будет на самом деле, или не совсем — на это невозможно ответить: каждый по-своему представляет себе будущее нашей планеты. Да и сами авторы книги вряд ли считают себя пророками. Для них — и для нас всех — повесть «Возвращение» это повод для раздумий, для романтических мечтаний, для хорошего, доброго спора. И чем больше мыслей пробудит эта книга, тем жарче будет спор, и это хорошо — ведь в спорах, как известно, рождается истина.

Кирилл Андреев

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДВОЕ С „ТАЙМЫРА“

ПЕРЕСТАРОК

Когда помощник вернулся, диспетчер по-прежнему стоял перед экраном, нагнув голову, засунув руки в карманы чуть ли не по локоть. В глубине экрана, расчерченного координатной сеткой, медленно ползла яркая бслая точка.

— Где он сейчас? — спросил помощник.

Диспетчер не обернулся.

— Прошел над Мадагаскаром, — сказал он сквозь зубы. — Девять мегаметров.

— Девять мегаметров... — повторил помощник. — А скорость?

— Почти круговая... — Диспетчер обернулся: — Ну что ты мнешься! Ну, что там еще?

— Ты, пожалуйста, успокойся, — сказал помощник. — Что уж тут сделаешь... Он задел Главное Зеркало.

Диспетчер шумно выдохнул воздух и, не вынимая рук из карманов, присел на ручку кресла.

— Мер-завец! — пробормотал он.

— Ну зачем же так... — сказал помощник неуверенно. — Что-нибудь случилось... Неисправное управление...

Они помолчали. Белая точка ползла и ползла, пересекая экран наискосок.

Диспетчер сказал:

— Как он смел входить в зону станций с неисправным управлением? Это же подло... И почему он не дает позывные?

— Он подает что-то...

— Это не позывные. Это абракадабра.

— Это все-таки позывные, — тихо сказал помощник. — Все-таки вполне определенная частота...

— «Частота, частота»!.. — сказал диспетчер сквозь зубы.

Помощник нагнулся к экрану, близоруко вглядываясь в цифры координатной сетки. Потом поглядел на часы и сказал:

— Сейчас он пройдет станцию Гамма. Посмотрим, кто это.

Диспетчер угрюмо молчал. Что можно сделать еще, думал он. Все сделано. Прекращены все полеты. Запрещены все финиши. Объявлена тревога на всех возлеземных станциях. Турнен готовит аварийные роботы...

Диспетчер нашарил на груди микрофон и сказал:

— Турнен, что роботы?

Турнен не спеша отозвался:

— Я рассчитываю выпустить роботов через пять-шесть минут. Когда они отстартуют, я вам дополнительно сообщу.

— Турнен, — сказал диспетчер, — я тебя прошу, не копайся, пожалуйста. Поторопись.

— Я никогда не копаюсь, — ответил Турнен с достоинством. — Но и торопиться напрасно не следует. Я не задержу старт ни на одну лишнюю секунду.

— Пожалуйста, Турнен, — сказал диспетчер. — Пожалуйста!

— Станция Гамма, — сказал помощник. — Даю максимальное увеличение...

Экран мигнул, координатная сетка исчезла. В черной пустоте возникла странная конструкция, похожая на перекошенную садовую беседку с нелепо массивными колоннами. Диспетчер протяжно свистнул и вскочил. Этого он ожидал меньше всего.

— Ядерная ракета! — воскликнул он с изумлением. — Двадцатый век...

— Да-да, — нерешительно проговорил помощник. — Действительно... Я такое где-то видел...

Диковинная конструкция с торчащими из-под купола пятью толстыми трубами-колоннами медленно поворачивалась. Под куполом дрожало лиловое сияние — колонны казались черными на его фоне. Диспетчер медленно опустился на подлокотник кресла. Конечно, это была старинная ядерная ракета. Точнее, ядерный планетолет. Фотонный привод, двуслойный параболический отражатель из мезовещества, водородные двигатели. Полтора столетия назад было много таких планетолетов. Их строили для освоения планет. Солидные, неторопливые машины с пятикратным запасом прочности. «Они долго и хорошо служили, — подумал диспетчер, — но последние из них были демонтированы еще до моего рождения...»

— Действительно... — бормотал помощник. — Изумительно... Как в кино... Оранжереи! — закричал он.

Через экран слева направо быстро прошла широкая серая тень.

— Оранжереи, — прошептал помощник.

Диспетчер зажмурился. «Тысяча тонн, — подумал он. — Тысяча тонн — и такая скорость... И хрупкие конструкции внеземных плантаций... Боже мой, боже мой, где же роботы!...»

Помощник сказал хрипло:

— Прошел. Неужели прошел?.. Прошел!

Диспетчер открыл глаза.

— Где роботы? — заорал он.

У стены на пульте селектора вспыхнула зеленая лампочка, и спокойный, мужественный голос произнес:

— Говорит звездолет «Арго». Капитан Келлог вызывает Главную Диспетчерскую. Прошу финиша на базе Пи-Экс Семнадцать...

Диспетчер, наливаясь краской, открыл было рот, но

не успел. В зале телепроектора загремело сразу несколько голосов:

— Назад!..

— «Арго», финиш воспрещен!..

— Капитан Келлог, назад!..

— Главная Диспетчерская капитану Келлогу. Немедленно выйти на любую орбиту четвертой зоны. Не финишировать. Не приближаться. Ждать.

— Слушаюсь, — растерянно отозвался капитан Келлог. — Выйти в четвертую зону и ждать.

Диспетчер, спохватившись, закрыл рот. Было слышно, как в селекторе женский голос убеждал кого-то: «Объясните же ему, в чем дело... Объясните же...» Затем зеленая лампочка на пульте селектора потухла, и все смолкло.

Изображение на экране померкло. Снова появилась координатная сетка, и снова в глубине экрана поползла яркая мерцающая искра.

Раздался голос Турнена:

— Аварийный дежурный диспетчеру. Могу сообщить, что роботы уже стартовали.

В ту же секунду в правом нижнем углу экрана появились еще две светлые точки. Диспетчер нервно-зябко потер ладони.

— Спасибо, Турнен, — пробормотал он.

Две светлые точки — аварийные роботы — ползли по экрану. Расстояние между ними и ядерным перестарком постепенно уменьшалось.

Диспетчер смотрел на ползущую между четкими линиями сетки мерцающую точку и думал, что странный планетолет вот-вот войдет во вторую зону, где густо расположены космические ангары и заправочные станции; что на одной из этих станций работает дочь; что зеркало Главного рефлектора внеземной обсерватории разбито; что этот корабль движется словно вслепую и сигналов он то ли не слышит, то ли не понимает; что каждую секунду он рискует погибнуть, врезавшись в одну из многочисленных тяжелых конструкций или попав в стартовую зону Д-космолетов. Он думал, что остановить слепое и бессмысленное движение этого корабля будет очень трудно, потому что он дико и беспорядочно меняет скорость и роботы могут протаранить его, хотя роботами управляет, наверное, сам Турнен...

— Станция Дельта, — сказал помощник. — Даю максимальное увеличение.

Снова на черном экране появилось изображение неуклюжей громады ядерного планетолета. Вспышки плазмы под его куполом стали неровными, неритмичными, и казалось, что это огромное чудовище судорожно перебирает черными толстыми ногами. Рядом возникли смутные очертания аварийных роботов. Они приближались осторожно, отскакивая при каждом рывке ядерной ракеты.

Диспетчер и помощник глядели во все глаза. Диспетчер, вытянув шею до отказа, шептал:

— Ну, Турнен... Ну... Ну, голубчик... Ну...

Роботы задвигались быстро и уверенно. Цепкие титановые щупальца с двух сторон протянулись к ядерной ракете и вцепились в растопыренные столбы-колонны. Одно из щупалец промахнулось, попало под купол и разлетелось в пыль под ударом плазмы («Ай!» — шепотом сказал помощник). Откуда-то сверху свалился третий робот и вцепился в купол растопыренными блестящими манипуляторами. Ядерная ракета медленно пошла вниз. Мерцающее сияние под ее куполом вдруг погасло.

— Ф-фу... — пробормотал диспетчер и вытер лицо рукавом халата.

Помощник нервно засмеялся.

— Как кальмары — кита, — сказал он (когда-то он работал в Океанской охране). — И куда же его теперь?

Диспетчер спросил в микрофон:

— Турнен, куда ты его ведешь?

— Я веду его на наш ракетодром, — сказал Турнен не спеша. Чувствовалось, что он слегка задыхается. Диспетчер вдруг ясно представил себе его круглое, лоснящееся от пота лицо, освещенное экраном.

— Спасибо, Турнен, — сказал он с нежностью. Он повернулся к помощнику: — Дай отбой тревоги. Выправь график, и пусть возобновляют работу.

— А ты? — жалобно спросил помощник.

— Я лечу туда.

Помощнику тоже хотелось туда, но он только сказал:

— Интересно, из Музея космогации ничего не пропало? — Дело близилось к более или менее благополучному концу, и он был теперь настроен довольно благодуш-

но. — Ну и вахта! — сказал он. — У меня до сих пор поджилки трясутся...

Диспетчер пощелкал клавишами, и на экране открылась холмистая равнина. Ветер гнал по небу белые равные облака, рябил темные лужицы между кочками, поросшими чахлой растительностью. В маленьком озерце барахтались утки. Давно здесь не опускались звездолеты, подумал помощник. Ракетодром был почти заброшен с тех пор, как звездоплавание перешло на Д-технику. Д-корабли стартовали только в Пространстве.

— Кто же это все-таки? — сказал диспетчер сквозь зубы.

— Скоро узнаешь, — с завистью ответил помощник.

Утки неожиданно поднялись и редкой стайкой помчались прочь, изо всех сил размахивая крыльями. Облака закрутились воронкой, смерч воды и пара поднялся из центра равнины. Исчезли холмы, исчезло озерцо, понеслись в облаках бешеного тумана вырванные с корнем чахлые кустики. Что-то огромное и темное мелькнуло на мгновение в клубящейся мгле, что-то вспыхнуло алым заревом, и видно было, как холм на переднем плане задрожал, вспучился и медленно перевернулся, как слой дерна под лемехом мощного плуга.

— Ай-яй-яй! — проговорил помощник, не сводя глаз с экрана.

Но он уже не видел ничего, кроме быстро проплывающих белых и серых облаков пара.

Когда вертолет опустился в сотне метров от края исполинской воронки, пар уже успел рассеяться. В центре воронки лежал на боку ядерный корабль, толстые трубы реакторных колец его непривычно глупо и беспомощно торчали в воздухе. Рядом лежали, зарывшись наполовину в горячую жидкую грязь, вороненные туши аварийных роботов. Один из них медленно втягивал под панцирь свои механические лапы. Над воронкой дрожал горячий воздух.

— Нехорошо! — пробормотал кто-то, пока они выбирались из вертолета.

Над головами мягко прошуршали винты — еще несколько вертолетов пронеслись в воздухе и сели неподалеку.

Он поднял голову, и все увидели его лицо...

— Пошли, — сказал диспетчер, и все потянулись за ним.

Они спустились в воронку. Ноги по щиколотку уходили в горячую скользкую жижу. Они не сразу увидели человека, а когда увидели, то разом остановились.

Он лежал ничком, раскинув руки, уткнув лицо в мокрую разрыхленную горячую землю, прижимаясь к ней всем телом и дрожа, как от сильного холода. На нем был странный костюм, измятый, словно изжеванный, неприличного вида и расцветки, и сам человек был рыжий, ярко-рыжий, и он не слышал их шагов. А когда к нему подбежали, он поднял голову, и все увидели его лицо, бело-голубое и грязное, пересеченное через губы багровым шрамом. Кажется, этот человек плакал, потому что его синие запавшие глаза блестели, и в этих глазах была сумасшедшая радость и страдание. Его подняли, подхватив под руки, и тогда он заговорил.

— Доктора, — сказал он глухо и невнятно: ему мешал шрам, пересекающий губы. Сначала никто не понял его, никто не понял, какого доктора ему нужно, и только через несколько секунд все поняли, что он просил врача.

— Доктора, скорее... — сказал человек. — Штурману Кондратьеву очень плохо...

Он переводил расширенные глаза с одного лица на другое и вдруг улыбнулся:

— Здравствуйте, праправнуки...

От улыбки затаившийся шрам открылся, и на губах повисли густые красные капли, и все подумали, что этот человек улыбался в последний раз очень давно. В воронку, скользя и спотыкаясь, спускались люди в белых халатах.

— Доктора, — повторил рыжий и обвис на поддерживавших его руках, запрокинув бело-голубое грязное лицо.

ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

Четверка обитателей 18-й комнаты была широко известна в пределах Аньюдинской школы. Это было вполне естественно. Такие таланты, как совершенное искусство подражать вою гигантского ракопаука с планеты Пандора, способность непринужденно рассуждать о девяти способах экономии горючего при межзвездном перелете и

умение одиннадцать раз подряд присесть на одной ноге, не могли остаться незамеченными, а все эти таланты не были чужды обитателям 18-й.

История 18-й началась еще тогда, когда их было всего трое и у них не было еще ни отдельной комнаты, ни своего учителя. Но уже тогда Генка Комов, известный более под именем «Капитан», пользовался неограниченным авторитетом у Поля Гнедых и Александра Костылина. Поль Гнедых — он же Полли или даже Либер Полли — был известен как большой личной хитрости человек, способный на все. Александр Костылин был, несомненно, добродушен и стяжал себе славу в битвах, связанных с применением не столько ума, сколько физической силы. Он терпеть не мог, когда его звали попросту Костылём (и не скрывал этого), но охотно отзывался на кличку «Лин». Генка Капитан, в совершенстве изучивший популярную книгу «Трасса в Пространстве», знал много разных полезных вещей, был, судя по всему, способен без труда починить фотонный отражатель, не меняя курса космолета, и неутомимо вел Лина и Полли к славе. Так, например, широкую известность получили испытания нового вида топлива для ракет, проведенные под его руководством в школьном парке. Фонтан густого дыма взлетел выше самых высоких деревьев, а грохот взрыва могли слышать все, кто находился в этот момент на территории школы. Это был незабвенный подвиг, и долго еще после этого Лин щеголял длинным шрамом на спине и везде ходил голый по пояс, так что шрам был открыт взорам завистников. Именно эта тройка возродила древние игры африканских племен — прыжки с деревьев на длинных веревках, заменяющих (как показал опыт — недостаточно) лианы. Они же ввели в употребление сварку пластика, из которых была сделана одежда, и неоднократно использовали это умение для обуздания невыносимой гордости старших товарищей, которым было разрешено плавание в масках и даже с аквалангами. Однако все эти подвиги хотя и покрывали их славой, но не приносили желанного удовлетворения, и тогда Капитан решил принять участие в работе кружка юных космонавтов, открывавшей блестящие перспективы кручения на перегрузочной центрифуге и возможность добраться до таинственного датчика космогационных задач.

С огромным изумлением Капитан обнаружил в кружке своего сверстника — Михаила Сидорова, по ряду причин именуемого также Атосом. Атос казался Капитану человеком надменным и пустоголовым, но первая же серьезная беседа с ним показала, что он несомненно по своим качествам превосходит некоего Вальтера Сароняна, находившегося тогда с тройкой в полуприяТЕЛЬСКИХ отношениях и занимавшего четвертую койку в только что выделенной 18-й комнате.

Исторический разговор выглядел примерно так. «Что ты думаешь о ядерном приводе?» — осведомился Генка. «Старьё», — кратко отвечив Атос. «Согласен», — сказал Капитан и посмотрел на Атоса с интересом. — «А фотонно-аннигиляционный?» — «Так себе», — сказал Атос, грустно покачав головой. Тогда Генка задал ему свой коронный вопрос: какие системы представляются более обещающими — гравигенные или гравизащитные. «Я признаю только Д-принцип», — высокомерно объявил Атос. «Гм», — сказал Генка. — «Ладно, пойдем в восемнадцатую, я познакомлю тебя с экипажем». — «Это с твоими-то ослами?» — поморщился Атос-Сидоров, но пошел.

Через неделю, не вынеся угроз и насилия, из 18-й с разрешения учителя бежал Вальтер Саронян, и на его месте водворился Атос. После этого Д-принцип и идея межгалактических перелетов воцарились в умах и сердцах 18-й прочно и, казалось, навсегда. Так возник экипаж суперкосмолета «Галактион» в составе: Генка — капитан, Атос-Сидоров — штурман и кибернетист, Либер Полли — ВМ-оператор, Сашка Лин — бортинженер и охотник. Экипаж исходил светлыми надеждами и чрезвычайно конкретными планами. Были созданы генеральные проекты суперкосмолета «Галактион», разработан устав и принят совершенно секретный знак, по которому члены экипажа должны были узнавать друг друга, — особым образом сложенные пальцы на правой руке. Угроза близкого и неминуемого вторжения нависла над туманностями Андромеды, Мессье 33 и другими. Так прошел год.

Первый удар нанес Лин, бортинженер и охотник. Со свойственным ему легкомыслием он спросил у отца, прилетевшего в отпуск с внеземного завода безгравитационного литья, с каких лет принимают в космолетчики. Ответ был столь ужасен, что 18-я отказалась ему поверить.

Хитроумный Полли подговорил своего младшего брата-малька задать тот же вопрос кому-нибудь из учителей. Ответ был тот же. Покорение галактик откладывалось на практически бесконечный срок — лет на десять. Наступила короткая эпоха смятений, ибо новость сводила к нулю тщательно разработанный проект «Цветущая сирень», согласно которому 18-я в полном составе должна была тайно погрузиться на борт межпланетного танкера, идущего на Плутон. Капитан рассчитывал объявиться через неделю после старта и автоматически слить свой экипаж с экипажем танкера.

Следующий удар был менее неожиданным, но зато гораздо более тяжелым. Именно в эту эпоху смятений экипаж «Галактиона» вдруг как-то сразу осознал — узнал он об этом гораздо раньше, — что в мире наибольшим почетом пользуются, как это ни странно, не космолетчики, не глубоководники и даже не таинственные покорители чудовищ — зоопсихологи, а врачи и учителя. В частности, выяснилось, что в Мировом Совете — шестьдесят процентов учителей и врачей. Что учителей все время не хватает, а космолетчиками хоть пруд пруди. Что, не будь врачей, плохо бы пришлось глубоководникам, а отнюдь не наоборот. Все эти, а также и многие другие того же рода разрушительные сведения были доведены до сознания экипажа ужасающе будничным образом: на самом обыкновенном телевизионном уроке по экономике и, что самое страшное, ни в малейшей степени не были опровергнуты учителем.

Третий и окончательный удар нанесли сомнения. Бортинженер Лин был пойман Капитаном за чтением «Курса простудных заболеваний в детском возрасте» и в ответ на резкий выпад нахально заявил, что намерен впредь приносить людям конкретную пользу, а не сомнительные сведения из жизни космических пространств. Капитан и штурман были вынуждены применить крайние меры убеждения, под давлением которых отступник признал, что детский врач из него все равно не получится, тогда как в качестве бортинженера или, на худой конец, охотника у него еще есть шансы стяжать себе бессмертную славу. На протяжении экзекуции хитроумный Либер Полли сидел в углу и молчал, но с той поры взял за правило при малейшем нажиме шантажировать экипаж бессвязно-язвительными угрозами типа «сбегу в ларингологии» или

«пусть учитель скажет, кто прав». Сашка Лин, слушая это, завистливо сопел. Сомнения разъедали экипаж «Галактиона». Сомнения грызли душу Капитана.

Помощь пришла из Большого Мира. Группа ученых, работавших на Венере, закончила и предложила на рассмотрение Мирового Совета практический проект дистилляции атмосферного покрова Венеры с целью ее дальнейшей колонизации. Мировой Совет рассмотрел проект и одобрил его. Очередь была за пустынями Венеры, за большой страшной планетой, которую надо было сделать Второй Землей. Мир взрослых взялся за дело — строились новые машины, аккумулировались мощности, население Венеры стремительно росло. А в 18-й комнате Аньюдинской школы под любопытствующими взорами экипажа капитан «Галактиона» лихорадочно работал над проектом плана «Октябрь», сулящего невиданный размах идей и выход из тяжелого кризиса.

Проект был закончен через три часа после опубликования призыва Мирового Совета и представлен на рассмотрение экипажа.

План «Октябрь» поражал краткостью и насыщенностью информацией:

1) за четыре декады изучить производственно-технические данные стандартных атмосферогенных агрегатов;

2) по истечении указанного срока ранним утром — чтобы не беспокоить дежурного по школе — покинуть школу и добраться до Аньюдинской ракетной станции, где в неизбежной сумятице при посадке проникнуть в грузовой трюм какого-нибудь корабля возлезаемых сообщений и затаиться до финиша;

3) там видно будет.

План был встречен возгласами «Виу-вирулли!» и одобрен тремя голосами при одном воздержавшемся. Воздержавшимся был благородный Атос-Сидоров. Глядя на далекий горизонт, он с необыкновенным презрением отозвался о «поганных агрегатах» и о «бредовой затее» и сказал, что только чувства товарищества и взаимопомощи удерживают его от резкой критики плана. Однако он готов не возражать и даже берется обдумать некоторые аспекты ухода, что никак, впрочем, не следует понимать как согласие на отказ от Д-принципа ради каких-то зловонных дистилляторов. Капитан промолчал и отдал приказ приниматься за дело. Экипаж принялся за дело.

...В 18-й комнате Аныюдинской школы шел урок географии. В экране учебного стереовизора полыхала молниями палящая туча над Парикутином, мелькали свистящие лапилли, и из кратера высывался красный язык лавового потока, похожий на наконечник стрелы. Речь шла о науке вулканологии, о вулканах вообще и непокоренных вулканах в частности. Среди серых нагромождений застывшей неведомо когда магмы белели аккуратные купола вулканологической станции Чипо-Чипо.

Перед стереовизором сидел Сашка Лин и, не сводя глаз с экрана, лихорадочно объедал ногти на правой и на левой руке попеременно. Он опоздал. Утро и половину дня он провел на спортплощадке, проверяя высказанное вчера учителем предположение, что максимальная высота прыжка должна относиться к максимальной длине прыжка приблизительно как единица к четырем. Лин прыгал и в длину и в высоту до тех пор, пока не потемнело в глазах. Тогда он вынудил заняться этим делом нескольких малышей и загонял их совершенно, но полученный материал показывал, что предположение учителя близко к истине. Теперь Лин наверстывал упущенное и смотрел те уроки, которые экипаж уже выучил утром.

Генка Капитан за своим столом у передней прозрачной стены комнаты сосредоточенно копировал чертеж двухфазной кислородной установки средней мощности. Либер Полли лежал на своей кровати (что делать днем не рекомендовалось), притворяясь, что читает пухлую книгу в унылой обложке: «Введение в эксплуатацию атмосферогенных агрегатов». Штурман Атос-Сидоров стоял у своего стола и думал. Это было его любимое занятие. Одновременно он с брезгливым интересом наблюдал за действиями Лина, поглощенного географией.

За прозрачной стеной под ласковым солнцем желтел песок и шумели стройные сосны. Над озером торчала сверкающая вышка для прыжков с длинным гибким трамплином.

Голос преподавателя принялся рассказывать, как был погашен вулкан Стромболи, и Сашка Лин забылся совершенно. Теперь он объедал ногти на обеих руках одновременно. Благородные нервы Атоса не выдержали.

— Лин, — сказал он, — перестань глотать.

Лин, не оборачиваясь, досадливо передернул плечами.

— Он голоден! — оживившись, заявил Поль.

Он поднялся на кровати, чтобы развить тему, но тут Капитан медленно повернул лобастую голову и посмотрел на него.

— Ну чего, чего... — сказал Поль. — Я же читаю. «Производительность АГК-11 составляет шестнадцать кубометров озонированного кислорода в час. Метод стратификации позволяет...»

— Про себя! — посоветовал Атос.

— Вот уж тебе он, по-моему, не мешает, — сказал Капитан железным голосом.

— По-твоему — нет, по-моему — да, — сказал Атос-Сидоров.

Взгляды их скрестились. Поль с наслаждением наблюдал за развитием инцидента. «Введение в...» надоело ему до последней степени.

— Как хочешь, — сказал Капитан. — Только я не собираюсь один за всех вас работать. А ты, Атос, вообще ничего не делаешь. И вообще пользы от тебя, как от козла.

Штурман презрительно усмехнулся и не считал необходимым отвечать. В этот момент экран погас, и Лин повернулся, затрепав стулом.

— Ребята! — сказал он. — Виу, ребята! Поехали туда.

— Поехали! — вскричал Поль и вскочил.

— Куда — туда? — спросил Капитан зловеще.

— На Парикутин! На Мон-Пеле! На...

— Хватит! — заорал Капитан. — Все вы подлые предатели! Мне с вами надоело возиться! Я ухожу один, а вы убирайтесь, куда вам охота. Понятно?

— Фи, Капитан! — произнес Атос с большим изысством.

— Сам ты фи, понял? Одобряли план, вопили «виу-виу», а теперь кто куда? А мне с вами вообще надоело возиться. Я уж лучше договорюсь с Наташкой или с этим болваном Вальтером, понятно? А вы все катитесь колбасой. Чихал я на вас, и все!..

Капитан повернулся спиной и стал яростно копировать чертеж. Наступило тяжелое молчание. Полли тихонько улегся и принялся старательно изучать «Введение в...». Атос поджал губы, а тяжеловесный Лин поднялся и, сунув руки в карманы, прошелся по комнате.

— Генка, — сказал он нерешительно. — Капитан, ты... это... Брось, чего ты?

— Отправляйтесь на свой Мон-Пеле, — пробормотал Капитан. — На свой Парикутин. Обойдемся...

— Капитан... Как же это?.. Вальтеру нельзя рассказывать, Генка!

— Очень даже можно... И скажу. Пусть он болван, да хоть не предатель...

Не вынимая рук из карманов, Лин пробежался по комнате.

— Ну чего ты, Капитан? Ну, вот Полли уже зубрит!

— «Полли, Полли!» Хвастун твой Полли. А на Атоса я вообще чихал. Подумаешь, штурман «Галактиона»! Трепло.

Лин обратился к Атосу:

— Ты правда, Атос, чего-то... Нехорошо, знаешь... Мы все стараемся...

Атос изучал лесистый горизонт.

— Что вы все раскудахтались? — вежливо осведомился он. — Если я сказал — иду, значит, я иду. Я, моему, еще никогда не врал. И еще никого не предавал.

— Это ты брось, — грозно сказал Лин. — Капитан говорит верно. Ты бездельничаешь, и это, знаешь, свинство...

Атос повернулся и прищурился.

— А ну-ка, ты, деляга, — сказал он. — Почему «Зубр» хуже АГК-7 в условиях азотистого избытка?

— А? — растерянно сказал Лин и посмотрел на Капитана.

Капитан чуть поднял голову.

— А какие есть девять пунктов про эксплуатацию «Айрон Три»? — спрашивал Атос. — А кто первый изобрел окситан? Не знаешь, трудяга! А в каком году? А?

Это был Атос — великий человек, несмотря на многочисленные свои недостатки. В комнате стояла благоговейная тишина, только Поль Гнедых яростно листал страницы «Введения».

— Мало ли кто чего изобрел первый, — неубедительно пробормотал Лин и беспомощно уставился на Капитана.

Капитан встал. Капитан подошел к Атосу и ткнул его кулаком в живот.

— Молодчага, Атос, — заявил он. — Я, дурак, думал, что ты бездельничаешь.

— «Бездельничаете!»!.. — сказал Атос и ткнул Капитана в бок. Он принимал извинение.

— Виу, ребята! — провозгласил Капитан. — Держать курс на Атоса! Фидеры на цикл, звездолетчики! Бойтесь легенных ускорений. Берегите отражатель. Пыль сносит влево. Виу!

— Виу-вирулли! — взревел экипаж «Галактиона».

Капитан повернулся к Лину.

— Бортинженер Лин, — сказал он, — какие есть вопросы по географии?

— Нету, — отрапортовал бортинженер.

— Что у нас еще сегодня?

— Алгебра и труд, — сказал Атос.

— Вер-рно! Поэтому начнем с борьбы. Первая пара будет: Атос — Лин. А ты, Полли, иди приседай, у тебя ноги слабые.

Атос принялся готовиться к борьбе.

— Не забыть бы спрятать материалы, — сказал он. — Пораскидали всё, учитель увидит.

— Ладно, все равно завтра уходим.

Поля сел на кровати и отложил книжку.

— А тут не написано, кто изобрел окситан.

— Эл Дженкинс, — сказал Капитан не задумываясь. — В семьдесят втором.

Учитель Тенин пришел в 18-ю, как всегда, в четыре часа дня. В комнате никого не было, но в душевой обильно лилась вода, слышалось фыркание, шлепанье и ликующие возгласы: «Виу, виу-вирулли!» Экипаж «Галактиона» мылся после занятий в мастерских.

Учитель прошелся по комнате. Многое было здесь знакомым и привычным. Лин, как всегда, раскидал одежду по всей комнате. Одна его тапочка стояла на столе Атоса и изображала несомненно яхту. Мачта была сделана из карандаша, парус — из носка. Это, конечно, работа Поля. По этому поводу Лин будет сердито бурчать: «Не воображай, что это очень остроумно, Полли...» Система прозрачности стен и потолка расстроена, и сделал это Атос. Клавиша поставлена у него в изголовье, и, ложась спать, он с ней играет. Он лежит и нажимает ее, и в комнате то становится совсем темно, то появляется ночное небо и луна над парком. Обычно клавиша портится,

если Атоса никто не остановит. Судьба Атоса сегодня — чинить систему прозрачности.

На столе у Лина бедлам. На столе у Лина всегда бедлам, и тут ничего не поделать. Это именно тот случай, когда бессильны и выдумки учителя, и весь мощный аппарат детской психологии.

Как правило, все новое в комнате связано с Капитаном. Сегодня у него на столе чертежи, которых раньше не было. Это что-то новое, значит, об этом надо подумать. Учитель Тенин очень любил новое. Он присел к столу Капитана и принялся рассматривать чертежи.

Из душевой доносилось:

— А ну подбавь холодненькой, Полли!

— Не надо! Холодно! Простужусь!

— Держи его, Лин, пусть закаляется!

— Атос, дай терку...

— Где мыло, ребята?

Кто-то с грохотом валится на пол. Вопль:

— Какой дурак кинул мыло под ноги?!

Хохот, крики «виу».

— Страшно остроумно! Как вот врежу!..

— Но-но! Втяни манипуляторы, ты!..

Учитель просмотрел чертежи и положил их на место. Увлечение продолжается, подумал он. Теперь кислородный обогатитель. Мальчики здорово увлеклись Венерой. Он встал и заглянул под подушку Поля. Там лежало «Введение в...» «Введение» было основательно зачитано. Учитель задумчиво перелистал страницы и положил книгу на место. Даже Поль, подумал он. Странно.

Теперь он видел, что на столе Лина нет боксерских перчаток, которые валялись там регулярно и непременно изо дня в день в течение двух последних лет. Над кроватью Капитана не было фотографии Горбовского в вакуум-скафандре, а стол Поля был пуст.

Учитель Тенин понял все. Он понял, что они хотят удрать, и он понял, куда они хотят удрать. Он понял даже, когда они хотят удрать. Фотографии нет — значит, она в рюкзаке Капитана. Значит, рюкзак уже собран. Значит, они уходят завтра утром, пораньше. Потому что Капитан любит делать все обстоятельно и никогда не откладывает на завтра то, что можно сделать сегодня. Кстати, рюкзак Поля наверняка еще не готов: Поль предпочитает все делать послезавтра. Значит, они уходят

завтра и уходят через окно, чтобы не беспокоить дежурного. Они очень не любят беспокоить дежурного.

Учитель заглянул под кровати. Рюкзак Капигана был упакован с завидной аккуратностью. Под кроватью Поля валялся рюкзак Поля. Из рюкзака торчала любимая рубашка Поля — без ворота, в красную полоску. В стенном шкафу покоится с величайшей тщательностью сплетенная из простынь лестница — несомненно, творение Атоса.

Так... Значит, надо думать. Учитель Тенин помрачнел и повеселел одновременно.

Из душевой выкатился Поль в одних трусах, увидел учителя и прошелся колесом.

— Неплохо, Поль! — воскликнул учитель. — Но не гни ноги, мальчик!

— Виу! — завопил Поль и прошелся колесом в обратную сторону. — Учитель, космолетчики! Учитель пришел!

Он всегда забывал поздороваться.

Экипаж «Галактиона» ринулся в комнату и застрял в дверях. Учитель Тенин смотрел на них и думал... ничего не думал. Он очень любил их. Он всегда любил их. Всех. Всех, кого вырастил и выпустил в Большой Мир. Их было много, и лучше всех были эти. Потому что они были сейчас. Они стояли руки по швам и смотрели на него так, как ему хотелось. Почти так.

— Ка те те у эс те ха де, — просигналил учитель. Это означало: «Экипажу «Галактиона». Вижу вас хорошо. Нет ли пыли по курсу?»

— Те те ку у зе це, — вразноголосицу ответил экипаж.

Они тоже видели хорошо, и пыли по курсу почти не было.

— Облачиться! — командовал учитель и уставился на свой хронометр.

Экипаж с треском кинулся облачаться.

— Где мой носок?! — заорал Лин и увидел яхту. — Не воображай, что это остроумно, Полли... — проворчал он.

Облачение длилось 39 секунд с десятymi, последним облачился Лин.

— Свинство, Полли, — ворчал он. — Остроумец!..

Потом все сели кто куда, и учитель сказал:

— Литература, география, алгебра, труд. Так?

— И еще немножко физкультуры, — добавил Атос.

— Несомненно, — сказал учитель. — Это видно по тво-

ему опухшему носу. Кстати, Поль до сих пор сгибает ноги. Саша, ты должен показать ему.

— Ладно, — сказал Лин с удовольствием. — Но он туповат, учитель.

Поль ответил немедленно:

— Лучше быть туповатым в колене, чем тупым, как полено!..

— Три с плюсом, — учитель покачал головой. — Не слишком грамотно, но идея ясна. Годам к тридцати ты, может быть, и научишься острить, Поль, но и тогда не злоупотребляй этим.

— Постараюсь, — скромно сказал Поль.

Три с плюсом не так уж плохо, а Лин сидит красный и надутый. К вечеру он придумает ответ.

— Поговорим о литературе, — предложил учитель Тенин. — Капитан Комов, как поживает твое сочинение?

— Я написал про Горбовского, — сказал Капитан и полез в свой стол.

— Чудесная тема, мальчик! — сказал учитель. — Будет очень хорошо, если ты справился с ней.

— Ничего он с ней не справился, — заявил Атос. — Он считает, что в Горбовском главное — умение.

— А ты что считаешь?

— А я считаю, что в Горбовском главное — смелость, отвага.

— Полагаю, ты неправ, штурман, — сказал учитель. — Смелых людей очень много. Среди космолетчиков вообще нет трусливых. Трусы просто вымирают. Но десантников, особенно таких, как Горбовский, — единицы. Прошу мне верить, потому что я-то знаю, а ты пока нет. Но и ты узнаешь, штурман. А что написал ты?

— Я написал про доктора Мбога, — сказал Атос.

— Откуда ты узнал о нем?

— Я дал ему книжку про летающих пиявок, — объяснил Поль.

— Отлично, мальчики! Все прочли эту книгу?

— Все, — сказал Лин.

— Кому она не понравилась?

— Всем понравилась, — сказал Поль с гордостью. — Я выкопал ее в библиотеке.

Он, конечно, забыл, что рекомендовал ему эту книгу учитель. Он всегда забывал гакие мелочи, он очень лю-

бил «открывать» книги. И он любил, чтобы все об этом знали. Он любил гласность.

— Молодец, Поль! — сказал учитель. — И ты, конечно, тоже написал о докторе Мбога?

— Я написал стихи!

— Ого, Поль! И тебе не страшно?

— А чего бояться? — сказал Поль небрежно. — Я читал их Атосу. Он ругал только по мелочам. Так... чуть-чуть.

Учитель с сомнением посмотрел на Атосу:

— Гм! Насколько я знаю штурмана Сидорова, он редко отвлекается на мелочи. Посмотрим, посмотрим.... А ты, Саша?

Лин молча сунул учителю толстую тетрадь. На обложке растопырилась чудовищная клякса.

— Званцев, — объяснил он. — Океанолог.

— Это кто? — спросил Поль ревниво.

Лин посмотрел на него с ужасающим презрением и промолчал. Поль был сражен. Это было невыносимо. Более того: это было ужасно. Он представления не имел о Званцеве, океанологе.

— Ну, славно, — сказал учитель и сложил тетради вместе. — Я прочту и подумаю. Поговорим об этом завтра...

Он сразу пожалел, что сказал это. Капитана так и перекосило при слове «завтра». Мальчику очень противно лгать и притворяться. Не надо их мучить, следует быть осторожнее в выражениях. Мучить их не за что, они же не задумали ничего плохого. Им даже ничего не грозит: их не пустят дальше Аньюдина. Но им придется вернуться, а вот это по-настоящему неприятно. Вся школа будет смеяться над ними. Ребятишки иногда бывают злы, особенно в таких вот случаях, когда их товарищи вообразят, что могут что-то, чего не могут все. Он подумал о великих насмешниках из 20-й и 72-й и о веселящихся мальчиках, которые прыгают с гиком вокруг плененного экипажа «Галактиона» и разят насмерть...

— Кстати, об алгебре, — сказал он. (Экипаж улыбнулся. Экипаж очень любил это «кстати». Оно казалось им восхитительно нелогичным.) — В мое время лекции по истории математики читал один очень забавный преподаватель. Он становился у доски, — учитель стал показывать, — и начинал: «Еще древние греки знали, что

$(a + b)^2$ равно a^2 плюс $2ab$ плюс... — учитель заглянул в воображаемые записи, — плюс... э-э-э... b^2 ...

Экипаж залился смехом. Матёрые космолетчики са-мозабвенно глядели на учителя и восторгались. Этот человек казался им великим и простым, как мир.

— А теперь смотрите, какие любопытнейшие вещи происходят иногда с $(a + b)^2$, — сказал учитель и сел, и все столпились вокруг него.

Начиналось то, без чего экипаж жить уже не мог, а учитель не захотел бы, — приключения чисел в Пространстве и Времени. Ошибка в коэффициенте сбивала корабль с курса и кидала его в черную бездну, откуда нет возврата человеку, поставившему плюс вместо минуса перед радикалом; громоздкий, ужасающего вида полином разлагался на изумительно простые множители, и Лин огорченно вопил: «Где были мои глаза? Как просто-то!»; звучали странные торжественно-смешные строфы Кардано, описавшего в стихах свой способ решения кубических уравнений; изумительно таинственная вставала из глубины веков загадочная история Великой Теоремы Ферма...

Потом учитель сказал:

— Хорошо, мальчики. Теперь я вижу: если вы сведете все ваши жизненные проблемы к полиномам, они будут решены. Хотя бы приближенно...

— Хотел бы я свести их к полиномам, — вырвалось у Поля, который вдруг вспомнил, что завтра его здесь не будет и с учителем придется расстаться, может быть, навсегда.

— Я тебя понимаю, товарищ ВМ-оператор, — ласково сказал учитель. — Самое трудное — правильно поставить вопрос. Остальное сделают за вас шесть веков развития математики... А иногда можно обойтись и без математики. — Он помолчал. — А что, мальчики, не сразиться ли нам в «четыре-один»?

— Виу! — взвыл экипаж и кинулся вон из комнаты, потому что для сражения в «четыре-один» нужен был простор и мягкая почва под ногами.

«Четыре-один» игра тонкая, требующая большого ума и отличного знания старинных приемов самбо. Экипаж вспотел, а учитель разорвал куртку и здорово поцарапался. Потом все сели под сосной на песок и принялись отдыхать.

— Такая вот царапина, — сообщил учитель, рассматривая ладонь, — на Пандоре вызвала бы аварийный сигнал. Меня бы изолировали в медотсеке и утопили бы в вирусофобах.

— А если бы вас кусанул за руку ракопаук? — сладко замирая, спросил Поль.

Учитель посмотрел на него.

— Ракопаук кусает не так, — сказал он. — Ему руку в пасть не клади. Между прочим, сейчас профессор Карпенко работает над интереснейшей вещью, по сравнению с которой все вирусофобы — детская игра. Вы слышали про биоблокаду?

— Расскажите! — экипаж наострил уши.

Учитель стал рассказывать про биоблокаду. Экипаж слушал так, что Тенину было жалко, что мир слишком велик и нельзя рассказать им сейчас же обо всем, что известно и что неизвестно. Они слушали не шевелясь и глядели ему в рот. И все было бы очень хорошо, но он помнил, что лестница из простыни ждет в шкафу, и знал, что Капитан — Капитан уж во всяком случае! — тоже помнит это. «Как их остановить? — думал Тенин. — Как?» Есть много путей, но все они нехороши, потому что надо не просто остановить, надо заставить понять, что нельзя не остановиться. И один хороший путь был. По крайней мере, один. Но для этого нужна была ночь, и несколько книг по регенерации атмосфер, и полный проект «Венера», и две таблетки спорамина, чтобы выдержать эту ночь... Нужно, чтобы мальчики не ушли сегодня ночью. Даже не ночью — вечером, потому что Капитан умен и многое видит: видит, что учитель кое-что понял, а может быть, понял все. Пусть не ночь, думал учитель. Пусть только четыре-пять часов. Задержать их и занять на это время. Как?

— Кстати, о любви к ближнему, — сказал он, и экипаж снова порадовался этому «кстати». — Как называется человек, который обижает слабого?

— Тунеядец, — быстро сказал Лин. Он не мог выразиться резче.

— Трусить, лгать и нападать, — проговорил Атос. — Почему вы спрашиваете, учитель? С нами этого не бывало и не будет.

— Да. Но в школе это случается... иногда.

— Кто? — Поль подскочил. — Скажите, кто?

Учитель колебался. То, что он собирался сделать, было, в общем, дурно. Вмешивать мальчишек в такое дело — значит многим рисковать. Они слишком горячи и могут все испортить. И учитель Шайн будет вправе сказать что-нибудь малоприятное в адрес учителя Тенина. Но их надо остановить и...

— Вальтер Саронян, — сказал учитель медленно. — Я слышал об этом краем уха, мальчики. Это все надо тщательно проверить.

Он смотрел на них. Бедный Вальтер! У Капитана бродили желваки на щеках. Лин был страшен.

— Мы проверим, — сказал Поль, недобро щурясь. — Мы будем очень тщательны...

Атос переглядывался с Капитаном. Бедный Вальтер!..

— Поговорим о вулканах, — предложил учитель.

И подумал: «Трудновато будет говорить о вулканах. Но это, кажется, единственное, чем можно задержать их до темноты. Бедный Вальтер! Да, они проверят все очень тщательно, потому что Капитан очень не любит ошибаться. Потом они будут искать Вальтера. Все это потребует много времени. Трудно найти четырнадцатилетнего паренька после ужина в парке, занимающем четыреста гектаров. Они не уйдут до вечера. Я выиграл свои пять часов, и... о бедная моя голова! Как вместишь ты четыре книги и проект в шестьсот страниц!..»

И учитель Тенин принялся рассказывать, как в восемьдесят втором году ему случилось принять участие в замирении вулкана Стромболи.

Вальтер Саронян был настигнут в парке у пруда. Это было в одном из самых дальних уголков парка, куда рискнет забраться не всякий малек, и поэтому о существовании пруда знали немногие. Пруд был проточный, с темной глубокой водой, где между длинными зелеными плетями кувшинок, тянувшимися со дна, стояли, шевеля плавниками, большие желтые рыбы. Местные охотники называли их «блямбами» и расстреливали из самодельных ружей для подводной охоты.

Вальтер Саронян был абсолютно гол, если не считать маски для ныряния. В руках у него был пневматический пистолет, стреляющий зазубренным прутком, на ногах — красно-синие ласты. Он стоял в горделивой позе и обсыхал, задрав маску на лоб.

— Для начала сделаем его мокрым, — прошептал Поль.

Капитан кивнул. Полли затрещал кустами и глухо кашлянул басом. Вальтер сделал именно то, что сделал бы каждый из них на его месте. Он надвинул маску на лицо и, не теряя времени, прыгнул в воду без малейшего всплеска. По темной поверхности прошли медленные волны, и листья кувшинок плавно поднялись и опустились несколько раз.

— Неплохо сделано, — заметил Лин, и все четверо вышли из кустов и стали на берегу, вглядываясь в темную воду.

— Он ныряет лучше меня, — сказал объективный Поль, — но не хотел бы я сейчас поменяться с ним местами.

Они сели на берегу. Волны ушли, и листья кувшинок успокоились. Низкое солнце светило сквозь сосны. Было немножко душно и тихо.

— Кто будет говорить? — осведомился Атос.

— Я, — с готовностью предложил Лин.

— Дайте его мне, — сказал Поль. — А вы будете на подхвате...

Угрюмый Капитан кивнул. Все это ему не нравилось. Близилась ночь, и ничего еще не было готово. Сегодня уйти не удастся, это ясно. Потом он вспомнил добрые глаза учителя, и ему совсем расхотелось уходить. Учитель как-то сказал им: «Все самое плохое в человеке начинается со лжи».

— Вот он! — пробасил Лин. — Плывет...

Они сидели полукругом у самой воды и ждали. Вальтер плыл очень красиво и легко, и пистолета у него уже не было.

— Привет восемнадцатой! — сказал он, вылезая из воды. — Здорово вы меня обвели... — Он остановился по колено в воде и принялся ладонями обтирать тело.

Поль начал.

— Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, — ласково сказал он.

Вальтер снял маску и вытаращил глаза.

— Чего? — сказал он.

— Поздравляем тебя с шестнадцатилетием, дружок, — повторил Поль еще ласковее.

— Чего-то я тебя плохо понимаю, Полли. — Вальтер

улыбнулся несколько принужденно. — Ты всегда так умно говоришь...

— Верно, — согласился объективный Поль, — я умнее тебя. Кроме того, я гораздо больше читаю. Итак?

— Чего — итак?

— Ты не сказал «спасибо», — пояснил Атос, стоявший на подхвате. — А ведь мы пришли тебя поздравить.

— Да что вы, ребята! — Вальтер переводил взгляд с одного на другого, силясь понять, что им надо. Совесть его не была чиста, и он начинал опасаться. — Какие-то поздравления... У меня день рождения месяц назад был, и не шестнадцать, а четырнадцать...

— Как так? — Поль очень удивился. — Тогда я не понимаю, причем здесь маска.

— И ласты, — сказал Атос.

— И пистолет, который ты спрятал под тем берегом, — сказал Лин, поступавший так же неоднократно.

— Четырнадцатилетние не лезут под воду в одиночку, — сердито сказал Капитан.

— Подумаешь! — Вальтер преисполнился презрения. — Уж не пойдете ли вы к моему учителю?

— Какой дурной мальчик! — воскликнул Поль, поворачиваясь к Капитану. (Капитан не отрицал.) — Он хочет сказать, что донес бы, если бы поймал меня в таком виде. А? Он не просто нарушитель, он...

— «Нарушитель, нарушитель»!.. — проворчал Вальтер. — Сами вы, что ли, не охотились... Подумаешь, подстрелил пару блямб...

— Да, мы охотимся, — сказал Атос. — Но всегда вчетвером. И никогда в одиночку. И всегда говорим об этом учителю. И он верит нам...

— Ты лжешь своему учителю, — сказал Поль. — Значит, ты можешь солгать кому угодно, Вальтер. Но мне нравится, что ты оправдываешься!

Капитан зажмурился. Старая добрая формула — она резала его на части сейчас: «Лжешь учителю — солжешь кому угодно». Зря мы ввязались в это дело с Вальтером. Зря. Мы не имеем права...

Вальтеру было очень неудобно. Он проговорил просительно:

— Дайте мне одеться, ребята... Холодно. И... ведь это же не ваше дело. Это дело мое и моего учителя. Верно ведь, Капитан?

Капитан разлепил губы:

— Он прав, Полли. И он уже готов: он оправдывается.

Поль важно согласился:

— О да, он готов. Совесть его трепещет. Это был психологический этюд, Вальтер. Я очень люблю психологические этюды.

— Провались ты с ними! — проворчал Вальтер и попытался добраться до одежды.

— Тихо! — сказал Атос. — Не торопись так. Это была пре-ам-бу-ла. А теперь начнется амбула.

— Дайте мне, — сказал могучий Лин, поднимаясь.

— Нет, нет, Лин, — сказал Поль, — не надо. Это грубо. Он не поймет.

— Поймет, — пообещал Лин. — У меня поймет.

Вальтер резво прыгнул в воду.

— Вчетвером на одного! — крикнул он. — Эх, вы! Со-о-весь!..

Поль подскочил от ярости.

— Вчетвером?! — завопил он. — Валька-малёк был вчетверо слабее тебя! Нет — впятеро, вшестеро! А ты лупил его по шее, грубая скотина! Мог бы найти Лина или Капитана, если у тебя чесались лапы, горилла!..

Вальтер был бледен. Маску он нацепил, но еще не опустил на лицо, и теперь растерянно озирался, ища выхода. Ему было холодно. И он понял.

— Стыдно, Вальтер! — сказал великолепный Атос. — По-моему, ты трусишь. Стыдно. Выйди. Ты будешь драться со всеми по очереди.

Вальтер поколебался и вышел. Он знал, что это такое — драться с 18-й, но он все-таки вышел и принял стойку. Он чувствовал, что расплачиваться придется, и знал, что это лучший способ расплатиться. Атос неторопливо потащил рубашку через голову.

— Постойте! — завопил Поль. — Останутся синяки! У нас есть и другое дело!

— Это верно, — сказал Атос и задумался.

— Пустите меня, — попросил могучий Лин. — Я буду краток.

— Нет! — Поль быстро раздевался. — Вальтер! Ты помнишь, что самое дрянное на свете? Я напому тебе: трусить, врать и нападать. Слава богу, ты не трус, но остальное ты забыл. А я хочу, чтобы ты запомнил это накрепко. Я иду, Вальтер! Тверди заклинания!

— Я иду, Вальтер! — сказал Полли. — Тверди заклинания!

Он собрал одежду Вальтера, лежащую в кустах, и прыгнул в воду. Вальтер проводил его беспомощным взглядом, а Атос запрыгал по берегу от восторга.

— Полли! — кричал он. — Полли, ты гений! Что ж ты молчишь, Вальтер? Тверди, тверди, горилла: трусить, лгать и нападать!

Капитан хмуро следил за Полли, плывущим по-собачьи. Полли создавал массу шума и оставлял за собой пенистый след. Да, он хитроумен, как всегда. Тот берег зарос жуткой крапивой, и голый Вальтер будет искать там свои штаны и прочее. Искать в темноте, потому что солнце заходит. Так ему и надо. Но кто накажет нас? Мы совсем не ангелы, мы лжем. Это немногим лучше, чем нападение.

Полли возвращался. Он, задыхаясь и плюясь, вылез на берег и сразу заговорил:

— Вот, Вальтер! Иди и оденься, горилла. Я плаваю хуже тебя и ныряю хуже, но я не хотел бы поменяться с тобой местами сейчас!

Вальтер не смотрел на него. Он молча надвинул маску на лицо и вошел в теплую, парную воду. Впереди был берег, заросший жуткой крапивой.

— Запомни, ты! — крикнул Поль вслед. — Трусить, лгать и нападать! Нападать, Вальтер! Нет хуже этого!.. Крапива помогает при плохой памяти...

— Да, — сказал Атос, — раньше ею пороли. Одевайся, Либер Полли, простудишься...

Было слышно, как на том берегу Вальтер, шипя от боли сквозь зубы, ворочается в зарослях.

Когда они вернулись к себе в 18-ю, был уже поздний вечер, потому что после расправы с Вальтером Лин, чтобы отдохнуть и рассеяться, предложил сыграть в Пандору, и в Пандору было сыграно с большим вкусом. Атос, Лин и Капитан были охотниками, Полли — гигантским ракопауком, а парк — джунглями Пандоры, непроходимыми, болотистыми и жуткими. Подвернувшаяся кстати Луна изображала ЕН9 — одно из солнц Пандоры. Играли до тех пор, пока гигантский ракопauк, бросившись с дерева на охотника Лина, не разодрал во всю длину свои штаны из сверхпрочного тетраканэтилена. Тогда пришлось идти домой. Дежурного беспокоить не хотелось,

и Капитан предложил было пробираться через мусоропровод — великолепная идея, сверкнувшая среди его мрачных раздумий подобно молнии, — но потом решили воспользоваться тривиальным окном мастерской.

Они ворвались в 18-ю с большим шумом, обсуждая на бегу ослепительные перспективы, открывающиеся в связи с идеей мусоропровода, и увидели учителя, сидевшего за столом Атоса с книгой в руках.

— А я штаны распорол, — растерянно сказал Поль. Сказать «добрый вечер» он, конечно, забыл.

— Неужели?! — восхитился учитель. — Тетраканэтиленовые?

— Ага! — Поль немедленно возгордился.

Лин желчно завидовал.

— Мальчики, — сказал учитель, — а ведь я не знаю, как их чинить!

Экипаж облегченно заорал. Они все знали — как. Они все жаждали показать, рассказать и починить.

— Давайте, — согласился учитель. — Только штурман Сидоров не будет чинить штаны, он будет чинить систему прозрачности. Судьба к нему жестока.

— Подумаешь! — сказал Атос, которому было не привыкать.

Все занялись делом. Капитан тоже занялся делом. Ему почему-то стало весело. Завтра не уйти, думал он. Пока соберемся... Идея побега уже не казалась ему такой привлекательной, но не пропадать же знаниям, накопленным за четыре декады.

— ...Есть проблемы замечательные и важные, — рассказывал учитель, ловко орудуя высокочастотной насадкой, — есть проблемы великие, как мир. Но есть еще проблемки не большие, но на редкость увлекательные. На днях я прочел одну старую-старую книгу, очень интересную. Там было, в частности, сказано, что до сих пор не решена загадка «блуждающих опней». Знаете — на болотах? Ясно, что это какие-то хемилюминисцентные вещества, но какие? Сернистый фосфор, может быть? Я соединился с Информарием, и что же? Эта загадка не раскрыта и сейчас!

— Почему?

— Дело в том, что очень трудно поймать этот «блуждающий огонек». Он подобно Истине мерцает вдали и не

дается в руки. Лепелье пытался построить киберсистему для охоты за огнями, но у него ничего не вышло...

У учителя Тенина невыносимо болела голова. Ему было нехорошо. За последние четыре часа он прочел и усвоил четыре книги по регенерации атмосфер, а проект «Венеры» выучил наизусть. Для этого пришлось прибегнуть к гипноизлучателю, а после гипноизлучателя надо обязательно лечь и хорошенько выспаться. Но хорошенько выспаться не придется. Может быть, и не следовало так перегружать мозг, но учитель не хотел рисковать. Он должен был знать о Венере и о проекте в десять раз больше, чем вся четверка вместе взятая, иначе не стоило и возиться.

Он ждал момента, чтобы перейти к главному, и рассказывал об охоте за блуждающими огнями, и видел, как широко раскрываются ребячьи глаза, и в них бьется и клокочет пламя великой фантазии, и ему было, как всегда, удивительно хорошо и радостно видеть это, хотя голова раскалывалась на части...

...А мальчишки уже шли по хлюпающей трясине в восхитительных настоящих болотных сапогах, и вокруг была ночь, и тьма, и туман, и таинственные заросли, и из чрева болота вырывались облака отвратительных испарений, и было очень опасно, и страшновато, и нужно было не бояться. Впереди маячили синеватые языки блуждающих огней, загадку которых надо было позарез — теперь это совершенно ясно — раскрыть, и на груди у каждого из охотников висел миниатюрный пульт, управляющий верными ловкими киберами, ковыляющими по трясине. А киберов этих следовало придумать, и поскорее, и непременно, а то скоро осушат последние болота и придется остаться с носом...

К тому моменту, когда штаны и система прозрачности были приведены в порядок, ни штаны, ни система прозрачности больше никого не интересовали. Поль задумал поэму «Блуждающие огни» и, натягивая штаны, бормотал уже вылившуюся у него строку: «Гляди — в тени болотные огни». Капитан и Атос независимо друг от друга обдумывали проект болотного кибера, годного для скоростных перемещений по топкой местности и реагирующего на хемилюминисценцию... Лин просто сидел раскрыв рот и думал: «Где были мои глаза? Елки-палки!» Он твердо решил провести остаток жизни на болотах,

Учитель подумал: «Пора. Только не заставлять их лгать и притворяться. Вперед, Тенин!» И он начал:

— Кстати, капитан Комов, что это за уродливая схема? — он ткнул пальцем в чертеж обогатителя. — Ты меня огорчаешь, мальчик. Замыслил хорошо, но выполнение на редкость неудачно!..

Капитан вспыхнул и кинулся в бой...

В полночь учитель Тенин вышел в парк и остановился возле своего птерокара. Огромный плоский блок школы лежал перед ним. Все окна первого этажа были темными, а наверху кое-где еще горели огни. Горели в 20-й, где сейчас пятерка знаменитых насмешников беседовала, наверное, со своим учителем, Сергеем Токмаковым, в прошлом врачом. Горели в 107-й — там метались тени, и было ясно, что кто-то кого-то лупит подушкой по голове и намерен лупить до тех пор, пока неслышный и невидимый поток инфралучей не заставит заснуть самых беспокойных, а случится это через две минуты. Горели во многих комнатах самых старших — уж там-то решались проблемы поважнее блуждающих огней и как реконструировать порванные тетраканэтиленовые штаны. И горели в 18-й...

Учитель забрался в кабину птерокара и стал смотреть на знакомое окно. Голова неистовствовала. Хотелось лечь и закрыть глаза и положить на лоб что-нибудь холодное и тяжелое. «Мальчики вы мои, — подумал он, — неужели я вас не остановил? Ах, как это трудно, как тяжело, и не всегда уверен, прав ли ты, но в конце концов оказываешься всегда прав. И как все это замечательно, и радостно, и жить без этого нельзя...»

Свет в 18-й погас. Значит, можно идти спать. Спать хочется, но жалко. «Я, наверное, не все им сказал, что мог бы и что стоило... Нет, все. Скорей бы утро! До чего же мне скучно без них и одиноко! Паршивые мальчишки!» Учитель Тенин улыбнулся и включил мотор. Скорей бы утро...

В 18-й комнате, мужественно борясь со сном, Капитан произносил речь. Экипаж безмолвствовал.

— Позорище! Выговор всем! Тунеядцы паршивые! Позорный сброд лентяев и невежд! Чем вы занимались сорок дней? А ты, Лин? Позор! Ни одного толкового ответа...

Атос, играя с клавишей прозрачности, пробормотал:
— Да перестань ты, Капитан, нас пилить! Сам хо-
рош — из пяти ответов четыре пальцем в ноздрю. Да и
пятый, в общем...

— Как это так — из пяти...

— Не спорь, Капитан, я считал.

Если Атос говорит, что считал, значит, так оно все и
есть. Ай-яй-яй, как стыдно!.. Капитан зажмурился так,
что перед глазами поплыли огненные пятна. Пропал
проект «Октябрь». С позором провалился. Не штурмовать
же Венеру с этой бандой невежд! Никто ничего не понял
и ничему не научился. Сколько же нужно зубрить про
атмосферные агрегаты, провалились они пропадом! Никуда
мы не годимся. Великие колонисты из 18-й комнаты...
Тьфу! Но Вальтер получил хорошо. Не добавить ли ему?
Нет, хватит с него. И вообще, хватит ерундой занимать-
ся. Надо подумать над блуждающими огнями.

...Капитан шел, утопая в болоте, вместе с Атосом, и с
Линем, и с Полли, у которого были драные штаны. В ды-
мящихся испарениях мелькали юркие киберы, которых
надо было еще придумать...

ХРОНИКА

Новосибирск, 8 октября 2021 года (соб. корр.). Здесь
сообщают, что Комиссия АН СССР по изучению резуль-
татов экспедиции «Таймыр—Ермак» закончила работу.

Как известно, выполняя международную программу
исследования глубокого космического пространства и воз-
можностей межзвездных перелетов, Академия наук СССР
в 2017 году отправила в глубокое пространство экспеди-
цию в составе двух планетолетов первого класса
«Таймыр» и «Ермак». Экспедиция стартовала 7 ноября
2017 года с международного ракетодрома Плутон-2 в на-
правлении созвездия Лиры. В состав экипажа плането-
лета «Таймыр» вошли: капитан и начальник экспе-
диции А. Э. Жуков, бортинженеры К. И. Фалин и
Дж. А. Поллак, штурман С. И. Кондратьев, кибернетист
П. Кёниг и врач Е. М. Славин. Планетолет «Ермак» вы-
полнял функции беспилотного информационного устрой-
ства.

Специальной целью экспедиции являлась попытка до-
стижения светового барьера (абсолютной скорости —

300 тысяч км/сек) и исследования вблизи светового барьера свойств пространства-времени при произвольно меняющихся ускорениях.

16 мая 2020 года беспилотный планетолет «Ермак» был обнаружен и перехвачен на возвратной орбите в районе планеты Плутон и приведен на международный ракетодом Плутон-2. Планетолет «Таймыр» на возвратной орбите не появился.

Изучение материалов, доставленных планетолетом «Ермак», показало, в частности, следующее:

а) на 327-е сутки локального времени экспедиция «Таймыр—Ермак» достигла скорости 0.957 абсолютной относительно Солнца и приступила к выполнению программы исследований;

б) экспедиция получила и приемные устройства «Ермака» зарегистрировали весьма ценные данные относительно поведения пространства-времени в условиях произвольно меняющихся ускорений вблизи светового барьера;

в) на 342-е сутки локального времени «Таймыр» приступил к выполнению очередной эволюции, удалившись от «Ермака» на 900 млн. километров. В 13 часов 09 минут 11.2 сек. 344-х суток локального времени следящее устройство «Ермака» зафиксировало в точке нахождения «Таймыра» вспышку большой яркости, после чего поступление информации с «Таймыра» на «Ермак» прекратилось и больше не возобновлялось.

На основании вышеизложенного комиссия вынуждена сделать вывод о том, что планетолет первого класса «Таймыр» со всем экипажем в составе Алексея Эдуардовича Жукова, Константина Ивановича Фалина, Джорджа Аллана Поллака, Сергея Ивановича Кондратьева, Петера Кёнига и Евгения Марковича Славина погиб в результате катастрофы. Причины катастрофы не установлены...

Известия Международного Центра Научной Информации, № 237, 9 октября 2021 года.

ДВОЕ С „ТАЙМЫРА“

После обеда штурман Сергей Иванович Кондратьев немного поспал, а когда он проснулся, пришел Женя Славин. Женина рыжая шевелюра озарила стены, и они ста-

ли розоватыми, как в час заката. От Жени хорошо и сильно пахло незнакомым одеколоном.

— Здравствуй, Сережка, милый! — закричал он с порога.

И сейчас же кто-то строго сказал:

— Разговаривайте тише, пожалуйста.

Женя с готовностью покивал в коридор, на цыпочках приблизился к постели и сел так, чтобы Кондратьев мог его видеть, не поворачивая головы. Лицо у него было радостное и возбужденное, Кондратьев уже и не помнил, когда в последний раз видел его таким. А длинный красноватый шрам на лице Жени он видел вообще впервые.

— Здравствуй, Женя, — сказал Кондратьев.

Огненная Женина шевелюра вдруг расплылась. Кондратьев зажмурился и всхлипнул.

— Фу ты! — пробормотал он сердито. — Прости, пожалуйста. Я, брат, совсем ослаб. Ну, как ты там?

— Да хорошо, все хорошо, — растроганным голосом произнес Женя. — Все просто изумительно! Главное, тебя выходили. Как я боялся за тебя, Сережка!.. Ну-ну, не надо, все уже позади...

Штурман ожесточенно шмыгнул носом.

— Черт знает что! Лежу тут один... Ты чего раньше-то не приходил?

— Ты представляешь, не пускали! Я к самому Протосу ходил, орал, бранился, вообще изображал пещерного человека... Никакого впечатления. Уговаривал, убеждал, пытался доказать, что я все-таки сам врач... хотя какой я, в общем, теперь врач...

— Ну ладно, верю, верю, — ласково сказал Кондратьев.

— А сегодня он сам позвонил мне. Ты стремительно идешь на поправку! Через полмесяца я буду учить тебя водить птерокар! Я уже заказал для тебя птерокар!

— Н-да? — сказал Кондратьев.

У него был в четырех местах переломлен позвоночник, разорвана диафрагма и разошлись швы на черепе. В бреду он все время представлял себя тряпичной куклой, раздавленной гусеницами грузовика. Впрочем, на врача Протоса можно было положиться. Это был толстый румяный человек лет пятидесяти (или ста, кто их теперь разберет), очень молчаливый и очень добрый. Он приходил каждое

утро и каждый вечер, присаживался рядом и сопел до того уютно, что Кондратьеву сразу становилось легче. И вообще это был, конечно, превосходный врач, если до сих пор не дал умереть тряпичной кукле, раздавленной гусеницами грузовика.

— Что ж, — сказал Кондратьев, — может быть...

— О-о! — вскричал Женя восторженно. — Через полмесяца ты у меня будешь водить птерокар! Протос волшебник, маг, чародей! Я говорю это тебе как бывший врач!

— Да, — сказал Кондратьев, — Протос очень хороший человек...

— Блестящий врач! Когда я узнал, над чем он работает, я понял, что надо менять профессию. Меняю профессию, Сережка! Пойду в писатели!

— Так, — сказал Кондратьев. — Значит, писатели не стали лучше?

— Видишь ли, — сказал Женя, — ясно одно: они все модернисты, и я буду единственным классиком. Как Тредьяковский. «Екатерина Великая — о! — поехала в Царское Село».

Кондратьев поглядел на Женю из-под полуопущенных ресниц. Да, Женька не теряет времени даром. Одет по последней моде, несомненно, — короткие штаны и мягкая свободная куртка с короткими рукавами и открытым воротом. Ни единого шва, все мягкой светлой окраски. Причесан слегка небрежно, гладко выбрит и наодеколонен. Даже слова старается выговаривать так, как выговаривают праправнуки: твердо и звонко, и старается не жестикулировать. Птерокар — надо же! А ведь всего несколько недель прошло, как мы вернулись...

— Я опять забыл, Евгений, какой нынче год? — сказал Кондратьев.

— Две тысячи сто девятнадцатый, — ответил Женя торжественно. — Все называют его просто сто девятнадцатым.

— Ну и как, Евгений, — сказал Кондратьев очень серьезно, — рыжие — они как — сохранились в двадцать втором веке или совершенно вымерли?

Женя все так же торжественно ответил:

— Вчера я имел честь беседовать с секретарем Экономического Совета северо-западной Азии. Умнейший человек и совершенно инфракрасный.

Они засмеялись, рассматривая друг друга. Потом Кондратьев спросил:

— Слушай, Женя, откуда у тебя эта трасса через физиономию?

— Эта? — Женя ощупал пальцами шрам. — Неужели еще видно? — огорчился он.

— Еще как! — сказал Кондратьев. — Красным по белому.

— Это меня тогда же, когда и тебя. Но мне обещали, что это скоро пройдет. Исчезнет без следа. И я верю, потому что они все могут.

— Кто это — они? — тяжело спросил Кондратьев.

— Как — кто? Люди... Земляне.

— То есть — мы?

Женя заморгал.

— Конечно, — сказал он неуверенно. — В некотором смысле... мы. — Он перестал улыбаться и внимательно поглядел на Кондратьева. — Сережа, — сказал он тихо. — Тебе очень больно, Сережа?

Кондратьев слабо усмехнулся и показал глазами: нет, не очень. Но скоро будет очень, подумал он. Все равно, Женя хорошо сказал. «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Хорошие слова, и он хорошо их сказал. Он сказал их совершенно так же, как в тот несчастный день, когда «Таймыр» зарылся в зыбкую пыль безымянной планеты и Кондратьев глупо, никчемно рискнул во время вылазки и повредил ногу. Было очень больно, хотя, конечно, не так, как сейчас. Женя, бросив кинокамеры, полз по осыпающемуся склону бархана, волоча за собой Кондратьева, и неистово ругался, а потом, когда им удалось наконец выкарабкаться на гребень, он ощупал ногу Кондратьева сквозь ткань скафандра и вдруг тихонько спросил: «Сережа. Тебе очень больно, Сережа?» Над голубой пустыней выползал в сиреневое небо жаркий белый диск, раздражающе тархтели помехи в наушниках, и они долго сидели, дожидаясь возвращения робота-разведчика. Робот-разведчик так и не вернулся; должно быть, затонул в пыли. И тогда они поползли обратно к «Таймыру»...

— О чем ты будешь писать? — спросил Кондратьев. — О нашем рейсе?

Женя с увлечением принялся говорить о частях и главах, но Кондратьев уже не слышал его. Он смотрел в

потолок и думал: больно, больно, больно... И, как всегда, когда боль стала невыносимой, в потолке раскрылся овальный люк, бесшумно выдвинулась серая шершавая труба с зелеными мигающими окошечками. Труба плавно опустилась, почти касаясь груди Кондратьева, и замерла. Затем раздался тихий вибрирующий гул.

— Эт-то что? — осведомился Женя и встал.

Кондратьев молчал, закрыв глаза, с наслаждением ощущая, как отступает, затихает, исчезает сумасшедшая боль.

— Может быть, мне лучше уйти? — сказал Женя, озираясь.

Боль исчезла. Труба бесшумно ушла наверх, люк в потолке закрылся.

— Нет-нет, — сказал Кондратьев. — Это просто процедура. Сядь, Женя.

Он пытался вспомнить, о чем говорил Женя. Да. Повесть-очерк «За световым барьером». О рейсе «Таймыра». О попытке проскочить световой барьер. О катастрофе, которая перенесла «Таймыр» через столетие...

— Слушай, Евгений, — сказал Кондратьев, — они понимают, что случилось с нами?

— Да, конечно, — сказал Женя.

— Ну?

— Гм! — сказал Женя. — Они это, конечно, понимают. Но нам от этого не легче. Я, например, не могу понять, что они понимают.

— А все-таки?

— Я рассказал им все. Когда я дошел до этих ужасных эфирных мостов, они заявили: «Все понятно. Это была сигма-деритринитация».

— Как? — сказал Кондратьев.

— Де-ри-три-ни-та-ци-я. Сигма притом.

— Любопытно, — пробормотал Кондратьев. — Может быть, они еще что-нибудь заявили?

— Они мне прямо сказали: «Ваш «Таймыр» подошел вплотную к световому барьеру с легенным ускорением и сигма-деритринитировал пространственно-временной континуум». Они сказали, что нам не следовало прибегать к легенным ускорениям.

— Так, — сказал Кондратьев. — Не следовало, значит, прибегать к этим... как их... ускорениям. А мы, значит, прибегли. Дери... тери... Как это называется?

— Деритринитация. Я запомнил с третьего раза. Одним словом, насколько я понял, всякое тело у светового барьера при определенных условиях чрезвычайно сильно искажает форму мировых линий и как бы прокалывает риманово пространство. Ну... это приблизительно то, что предсказывал в наше время Быков-младший. («Ага», — сказал Кондратьев.) Это прокалывание они называют деритринитацией. У них все корабли дальнего действия работают на этом принципе. Д-космолеты. («Ага», — снова сказал Кондратьев.) При деритринитации особенно опасны эти самые легенные ускорения. Откуда они берутся и в чем их суть, я совершенно не понял. Какие-то локальные вибрационные поля, гиперпереходы плазмы и так далее. Факт тот, что при легенных помехах неизбежны чрезвычайно сильные искажения масштабов времени. Вот это и случилось с нашим «Таймыром».

— Деритринитация, — печально сказал Кондратьев и закрыл глаза.

Они помолчали. «Плохо дело, — подумал Кондратьев. — Д-космолеты. Деритринитация. Этого мне не одолеть. И сломанная спина».

Женя погладил его по щеке и сказал:

— Ничего, Сережа. Я думаю, со временем мы во всем разберемся. Конечно, ничего не поделаешь, придется очень много учиться...

— Переучиваться, — прошептал Кондратьев, не открывая глаз. — Не обольщайся, Женя. Переучиваться. Все с самого начала.

— Ну что ж, я не прочь, — сказал Женя бодро. — Главное — захотеть.

— Хотеть — значит мочь? — ядовито осведомился Кондратьев.

— Вот именно.

— Это присловье придумали люди, которые могли, даже когда не хотели. Железные люди.

— Ну-ну, — сказал Женя, — ты тоже не бумажный. Вот слушай. На прошлой декаде я познакомился с одной молодой женщиной...

— Понятно, — сказал Кондратьев.

Женя очень любил знакомиться с молодыми женщинами.

— Она языковед. Умница, чудесный, изумительный человек...

— Ну разумеется, — сказал Кондратьев.

— Дай мне сказать, Сережа. Я все понимаю. Ты боишься. Не надо бояться. Здесь нельзя быть одиноким. Мне тоже сначала было страшно. А потом мы познакомились, и... Словом, выходи из больницы, и тогда поговорим. Поправляйся скорее, штурман. Ты киснешь.

Кондратьев помолчал, затем попросил:

— Евгений, будь добр, подойди к окну.

Женя встал и, неслышно ступая, подошел к огромному — во всю стену — голубому окну. В окне штурман не видел ничего, кроме далекого, прозрачного неба. Ночью окно было похоже на темно-синюю пропасть, утыканную колючими звездочками, и раз или два штурман видел, как там загорается красноватое зарево — загорается и быстро гаснет.

— Подошел, — сказал Женя.

— Что там?

— Там балкон.

— А дальше?

— А под балконом площадь, — сказал Женя и оглянулся на Кондратьева.

Кондратьев насупился. Даже Женька Славин не понимает его. Одинок до предела. Совершенно один в огромном неизвестном мире. До сих пор он не знает ничего. Ничего. Он не знает даже, какой пол в его комнате, почему все ступают по этому полу совершенно бесшумно. Вчера вечером штурман попытался приподняться и осмотреть комнату и сразу свалился в обмороке. Больше он не делал попыток, потому что терпеть не мог быть без сознания.

— Вот это здание, в котором ты лежишь, — сказал Женя, — это санаторий для тяжелобольных. Здание шестнадцатизэтажное, и твоя комната...

— ...палата, — проворчал Кондратьев.

— ...и твоя комната находится на девятом этаже. Балкон. Кругом горы — Урал — и сосновый лес. Дальше там Свердловск. До него километров сто. Отсюда я вижу, во-первых, второй такой же санаторий. Во-вторых, вижу стартовую площадку для птерокаров. Ах, право, чудесные машины! Там их сейчас четыре... Так. Что еще? В-третьих, имеет место площадь-цветник с фонтаном. Возле

фонтана стоит какой-то ребенок и, судя по всему, размышляет, как бы удрать в лес...

— Тоже тяжелобольной? — спросил штурман с интересом.

— Возможно. Хотя мало похоже. Так. Удрать ему не удастся, потому что его поймала одна голоногая тетя. Я уже знаком с этой тетей, она работает здесь. Очень милая особа. Ей лет двадцать. Давеча она спрашивала меня, не был ли я случайно знаком с Норбертом Винером и с Антоном Макаренко. Сейчас она влечет тяжелобольного ребенка и, по-моему, воспитывает его на ходу. А вот снижается еще один птерокар... Хотя нет, это не птерокар... А ты, Сережа, попросил бы у врача стереовизор.

— Я просил что-нибудь, — сказал штурман мрачно. — Он не разрешает.

— Почему?

— Откуда я знаю.

Женя вернулся к постели.

— Все это суета сует, — сказал он. — Все это ты увидишь, узнаешь и перестанешь замечать. Не нужно быть таким впечатлительным. Помнишь Кёнига?

— Ну?

— Помнишь, как я рассказывал ему про твою сломанную ногу, а он громко кричал с великолепным акцентом: «Ах, какой я впечатлительный! Ах!»

Кондратьев улыбнулся.

— А наутро я пришел к тебе, — продолжал Женя, — и спросил, как дела, а ты злобно ответил, что провел «разнообразную ночь».

— Помню, — сказал Кондратьев. — И вот здесь я провел много разнообразных ночей. И сколько их еще впереди!

— Ах, какой я впечатлительный! — закричал Женя.

Кондратьев опять закрыл глаза и некоторое время лежал молча.

— Слушай, Евгений, — сказал он, не открывая глаз, — а что тебе сказали по поводу твоего искусства водить звездолет?

Женя весело засмеялся:

— Была великая, очень вежливая ругань. Оказалось, я разбил какой-то телескоп на внеземной обсерватории. Честное слово, не заметил — когда. Начальник

обсерватории чуть не удавил меня. Но воспитание не позволило.

Кондратьев открыл глаза.

— Ну? — сказал он.

— Но потом, когда они узнали, что я не пилот, все обошлось. Меня даже хвалили. Начальник обсерватории сгоряча предложил мне принять участие в восстановлении телескопа.

— Ну? — сказал Кондратьев.

Женя вздохнул:

— Ничего не получилось. Врачи запретили.

Приоткрылась дверь, в комнату заглянула смуглая девушка в белом халатике, туго перетянутом в талии. Девушка строго поглядела на больного, затем на гостя и сказала:

— Пора, товарищ Славин.

— Сейчас ухожу, — сказал Женя.

Девушка кивнула и затворила дверь. Кондратьев грустно сказал:

— Ну вот, ты и уходишь...

— Так я же ненадолго! — вскричал Женя. — И не кисни, прошу тебя... Ты еще летаешь, ты еще будешь классным Д-звездолетчиком!

— Д-звездолетчик... — Штурман криво усмехнулся. — Ладно, Евгений, ступай. Сейчас звездолетчика будут кормить кашкой. С ложечки.

Женя поднялся.

— До свиданья, Сережа, — сказал он, осторожно хлопав руку Кондратьева, лежавшую поверх простыни. — Выздоровливай. И помни, что новый мир — очень хороший мир.

— До свиданья, классик, — проговорил Кондратьев. — Приходи скорее. И приведи свою умницу. Как ее зовут?

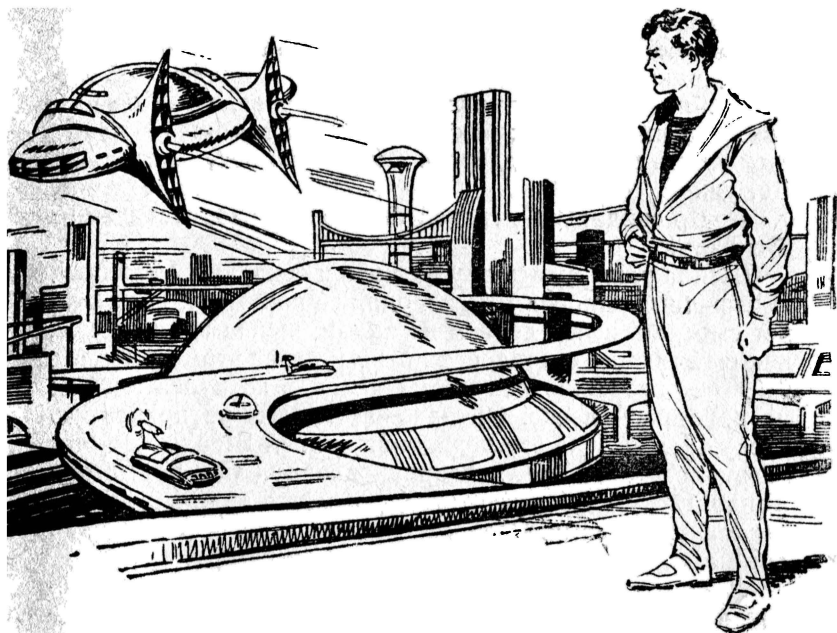
— Шейла, — сказал Женя. — Шейла Кадар.

Он вышел. Он вышел в незнакомую и в общем-то чужую жизнь, под бескрайнее небо, в зелень бескрайних садов. В мир, где, наверное, стрелами уходят за горизонт стеклянные автострады, где стройные здания бросают на площади ажурные тени. Где мчатся машины без людей и с людьми, одетыми в диковинные одежды, спокойными, умными, доброжелательными, всегда очень занятыми и очень этим довольными. Вышел и пойдет дальше бродить

по планете, похожей и не похожей на Землю, которую мы с ним покинули так давно и так недавно. Он будет бродить со своей Шейлой Кадар и скоро напишет свою книгу, и книга эта будет, конечно, очень хорошей, потому что Женя может написать только очень хорошую, умную книгу...

Кондратьев открыл глаза. Рядом с постелью сидел толстый, румяный врач Протос и молча смотрел на него. Врач Протос улыбнулся, покивал и сказал вполголоса:

— Все будет хорошо, Сергей.

ГЛАВА ВТОРАЯ САМОДВИЖУЩИЕСЯ ДОРОГИ

САМОДВИЖУЩИЕСЯ ДОРОГИ

— Может, ты все же проведешь вечер с нами? — сказал Женья Славин с виноватым видом.

— Правда, оставайтесь с нами, Сережа! — сказала Шейла. — Поедем к нам, потанцуем. Я приглашу друзей...

— Нет уж, — пробормотал Кондратьев. — Я уж пойду.

— Ну куда вы пойдете с таким печальным видом? — сказала Шейла. — Может, вам не хочется танцевать? Тогда просто побеседуем. У нас сосед очень славный человек...

— Инженер-ассенизатор, — вставил Женя.

— Да нет, спасибо, — сказал Кондратьев. — Мне тут надо в одно место...

Шейла, конечно, приглашает искренне, но Женька... Хотя кто их разберет, влюбленных... И вообще — сидеть, завидовать и еще беседовать с каким-то ассенизатором... Нет уж.

— До свиданья, — сказал он решительно, отступая от птерокара.

Шейла улыбнулась ему ласково и печально и кивнула. Прекрасный человек Шейла, она все понимает. И не станет смотреть вслед долгим взглядом, шепча громко: «Ах, как ему тяжело сейчас, бедняжке!» Везет этому рыжему.

Женя небрежно кончиками пальцев коснулся клавиш на приборной доске. Он даже не глядел на приборную доску. Левая рука его лежала за спиной Шейлы. Он был великолепен. Он не захлопнул дверцу. Он подмигнул Кондратьеву и рванул птерокар с места так, что дверца захлопнулась сама. Птерокар взмыл в небо и поплыл над крышами. Кондратьев поплелся к эскалатору.

Ладно, подумал он, окунемся в жизнь. Женька говорит, что в этом городе нельзя заблудиться. Посмотрим.

Эскалатор бесшумно понес его в недра здания. Кондратьев посмотрел вверх. Над головой была полупрозрачная крыша, на ней лежали тени птерокаров и вертолетов, принадлежавших, видимо, обитателям дома. Кажется, каждая крыша в городе была посадочной площадкой. Кондратьев посмотрел вниз. Там был обширный светлый вестибюль. Пол вестибюля был гладкий и блестящий, как лед.

Мимо Кондратьева, дробно стуча каблучками по ступенькам, сбежали две молоденькие девушки. Одна из них — маленькая, в белой блузе и ярко-синей юбке, — пробегая, заглянула ему в лицо. У нее был нос в веснушках и челка до бровей. Что-то в Кондратьеве поразило ее. На мгновение она остановилась и, чтобы не упасть, ухватилась за поручень. Затем она догнала подругу, и они побежали дальше, а внизу, уже в вестибюле, оглянулись обе. «Ну вот, — уныло подумал Кондратьев, — начинается! По улицам слона водили».

Он спустился в вестибюль (девушек уже не было), попробовал ногой пол — не скользит ли. Оказалось — не скользит. В вестибюле по сторонам двери были огромные

окна, и в окна было видно, что на улице очень много зелени. Город тонул в зелени — это Кондратьев видел, пролетая на птерокаре. Сверху казалось, что зелень заполняет все промежутки между крышами. Кондратьев обошел вестибюль, постоял перед торшерной вешалкой, на которой висел одинокий сиреневый плащ, осторожно оглядевшись, пощупал материю и направился к двери. На ступеньках крыльца он остановился. Улицы не было.

Прямо от крыльца через густую высокую траву вела утоптанная тропинка. Шагах в десяти она исчезала в зарослях кустарника. За кустарником начинался лес — высокие прямые сосны вперемежку с приземистыми, видимо очень старыми, дубами. Вправо и влево уходили чистые голубые стены домов.

— Здорово! — сказал вслух Кондратьев и потянул носом воздух.

Воздух был очень хороший. Кондратьев заложил руки за спину и решительно двинулся по тропинке. Тропинка вывела его на довольно широкую песчаную дорожку. Кондратьев, поколебавшись, свернул направо. На дорожке было много людей. Он даже напрягся, ожидая, что праправнуки при виде его немедленно прервут разговоры, отвлекутся от своих насущных забот, остановятся и примутся пялить на него глаза. Может быть, будут даже расспрашивать. Но ничего подобного не случилось. Какой-то пожилой праправнук, обгоняя, неловко толкнул его и сказал:

— Простите, пожалуйста... Нет-нет, это я не тебе. Кондратьев на всякий случай улыбнулся.

— Что-нибудь случилось? — услышал он слабый женский голос, исходивший, казалось, из недр пожилого праправнука.

— Нет-нет, — сказал праправнук, доброжелательно живая Кондратьеву. — Я здесь нечаянно толкнул одного молодого человека.

— А... — сказал женский голос. — Тогда слушай дальше. Ванда стала спорить, что хориола лучше пианино, и мы... Пожилой праправнук удалялся, и женский голос постепенно затих. «Здорово! — подумал Кондратьев. — Это, конечно, радиопон. Только где он у него?»

Праправнуки обгоняли Кондратьева и шли навстречу. Многие улыбались ему, иногда даже кивали. Однако никто не пялил глаз и не лез с расспросами. Правда, неко-

торое время вокруг Кондратьева описывал сложные траектории какой-то черноглазый юнец — руки в карманы, — но в тот самый момент, когда Кондратьев сжалился наконец и решил ему кивнуть, юнец, видимо отчаявшись, отстал. Кондратьев почувствовал себя свободнее и стал присматриваться и прислушиваться.

Праправнуки казались, в общем, самыми обыкновенными людьми. Пожилые и молодые, высокие и маленькие, красивые и некрасивые. Мужчины и женщины. Не было глубоких стариков. Вообще не было дряхлых и болезненных. И не было детей. Впрочем, Кондратьев вспомнил, что все дети сейчас должны находиться в школах-интернатах. И вели себя праправнуки на этой зеленой улице очень спокойно и непринужденно — словно принимали у себя дома старых добрых друзей. Нельзя сказать, чтобы все они исходили радостью и счастьем. Кондратьев видел и озабоченные, и усталые, изредка даже просто мрачные лица. Один молодой парень сидел у обочины дорожки среди одуванчиков, срывал их один за другим и свиреподул на них. Видно было, что мысли его гуляют где-то далеко-далеко и эти мысли совсем невеселые.

Одевались праправнуки просто и все по-разному. Мужчины постарше были в длинных брюках и мягких куртках с открытым воротом, женщины — тоже в брюках или в длинных платьях изящного раскроя. Молодые люди и девушки почти все были в коротких широких штанах и белых или цветных блузах. Встречались, впрочем, и модницы, щеголявшие в пурпурных или золотых плащах, накинутых на короткие светлые, с золотым шитьем... рубахи, решил Кондратьев. На модниц оглядывались.

В городе было тихо. Во всяком случае, не было слышно никаких механических звуков. Кондратьев слышал только голоса да иногда — откуда-то — музыку. Еще шумели кроны деревьев и изредка проносилось мягкое «фр-р-р» пролетающего птерокара. Видимо, воздушный транспорт двигался, как правило, на большой высоте. Одним словом, все здесь не было совершенно чужим для Кондратьева, хотя и было очень забавно ходить в громадном городе по тропинкам и песчаным дорожкам, задевая одеждой за ветки кустарника. Почти такими же были сто лет назад пригородные парки. Кондратьев мог бы чувствовать себя здесь совсем своим, если бы только не чувствовал себя таким никчемным, никчемнее,

несомненно, чем любая из этих золотых и пурпурных-модниц с короткими подолами.

Он обогнал мужчину и женщину, идущих под руку. Мужчина рассказывал:

— ...в этом месте вступает скрипка — та-ла-ла-ла-а! — а потом тонкая и нежная ниточка хориолы — ти-ии-та-та-та... ти-и-и!

Это получалось у него проникновенно. Женщина смотрела на него с любовью и восторгом.

У обочины стояли двое немолодых и молчали. Один вдруг сказал угрюмо:

— Все равно, ей не следовало рассказывать об этом мальчику.

— Теперь уже поздно, — отозвался другой, и они снова замолчали.

Навстречу Кондратьеву медленно шли трое — высокая бледная девушка, огромный пожилой индус и задумчивый, рассеянно улыбающийся парень. Девушка говорила, резко взмахивая сжатым кулачком:

— Вопрос решать надо альтернативно. Или ты художник-писатель, или ты художник-сенсуалист. Третьего быть не может. По крайней мере, сейчас. Я не могу считать достойными те приемы, к которым прибегает Вальедалид. Он играет пространственными отношениями. Это дешевка — уже хотя бы потому, что это техника, а не искусство. Он просто равнодушный и самодовольный дурак.

— Маша, Маша! — укоризненно прогудел индус.

— Не останавливайте ее, учитель Яшпал, пусть ее, — сказал парень.

Кондратьев поспешно свернул на боковую тропинку, миновал живую изгородь, пеструю от больших желтых и синих цветов, и остановился как вкопанный. Перед ним была самодвижущаяся дорога.

Кондратьев уже слышал от Жени об удивительных самодвижущихся дорогах. Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя беспрерывную разветвленную материковую систему от Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг через равнины Китая до Ханоя, а в Америке — от порта Юкон до Огненной Земли. Женя рассказывал об этих дорогах неправдоподобные вещи. Он говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами, легко взбираются на горы и перебра-

сываются мостами через пропасти. По словам Жени, эти дороги будут существовать и двигаться вечно, до тех пор, пока светит Солнце и цел земной шар. И еще Женя говорил, что самодвижущиеся дороги — это, собственно, не дороги, а поток чего-то среднего между живым и неживым.

Дорога текла в нескольких шагах от Кондратьева шестью ровными серыми потоками. Это были так называемые полосы Большой Дороги. Полосы двигались с разными скоростями и отделялись друг от друга и от травы улиц вершковыми белыми барьерами. На полосах сидели, стояли, шли люди. Кондратьев приблизился и нерешительно поставил ногу на барьер. И тогда, наклонившись и прислушавшись, он услышал голос Большой Дороги: скрип, шуршание, шелест. Дорога действительно ползла. Кондратьев решился и шагнул через барьер.

Он чуть не потерял равновесие — кто-то поддержал его под локоть, — выпрямился, постоял немного и перешел на следующую полосу.

Дорога текла с холма, и Кондратьев видел сейчас ее до самого синего горизонта. Она блестела на солнце, как гудронное шоссе.

Кондратьев стал глядеть на проплывающие над вершинами сосен крыши домов. На одной из крыш блестело исполинское сооружение из нескольких громадных квадратных зеркал, нанизанных на тонкие ажурные конструкции. На всех крышах стояли птерокары — красные, зеленые, золотистые, серые. Сотни птерокаров и вертолетов висели над городом. Вдоль дороги, надолго закрыв солнце, проплыл с глухим свистящим рокотом треугольный воздушный корабль и скрылся за лесом. Никто не поднял головы. Далеко в туманной дымке обозначились очертания какого-то сооружения — не то мачты, не то телевизионной башни. Дорога текла плавно, без толчков, зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад, в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи, открытые веранды под блестящими пестрыми навесами.

Кондратьев вдруг сообразил, что дорога уносит его на окраину Свердловска. «Ну и пусть, — подумал он. — Ну и хорошо». Наверное, эта дорога может унести куда угодно. В Сибирь, в Китай, во Вьетнам. Он сел и обхватил руками колени. Сидеть было не мягко, но и не жестко.

«Наверное, эта дорога может унести куда угодно...»

Впереди Кондратьева трое юношей сидели по-турецки, склонившись над какими-то разноцветными квадратами. Наверное, они решали геометрическую задачу. А может быть, играли. «Зачем нужны эти дороги? — подумал Кондратьев. — Вряд ли кому-нибудь придет в голову ездить таким вот образом во Вьетнам или в Китай. Слишком мала скорость... и слишком жестко. Ведь есть стратопланы, громадные треугольные корабли, птерокары, наконец... Какой же прок в дороге? И сколько она, наверное, стоила!» Он стал вспоминать, как строили дороги век назад — и не самодвижущиеся, а самые обыкновенные, и притом не очень хорошие. Огромные полуавтоматические дорогоукладчики, гудронная вонь, зной и потные, измученные люди в кабинах, запорошенных пылью. А в Большую Дорогу вбита чертова уйма труда и мысли, гораздо больше, конечно, чем в Трансгобийскую магистраль. И все для того, видимо, чтобы можно было сойти где хочешь, сесть где хочешь и ползти, ни о чем не заботясь, срывая по пути ромашки. Странно, непонятно, нерационально. А еще двадцать второй век!

Стеклянные этажи над вершинами сосен внезапно кончились. Гигантская глыба серого гранита выросла над соснами. Кондратьев вскочил. На вершине глыбы, вытянув руку над городом и весь подавшись вперед, стоял огромный человек. Это был Ленин — такой же, какой когда-то стоял, да и сейчас, наверное, стоит на площади перед Финляндским вокзалом в Ленинграде. «Ленин!» — подумал Кондратьев. Он чуть не сказал это вслух. Ленин протянул руку над этим городом, над этим миром. Потому что это его мир — таким — сияющим и прекрасным — видел он его два столетия назад... Кондратьев стоял и смотрел, как уходит громадный монумент в голубую дымку над стеклянными крышами.

Сосны стали ниже и гуще. На минуту рядом с дорогой открылась широкая поляна, на которой кучка людей в комбинезонах возилась с каким-то сложным механизмом, Дорога проскользнула под узкой полукруглой аркой-мостиком, прошла мимо указателя со стрелой, на котором было написано: «Матросово — 15 км. Поворот к Желтой Фабрике — 6 км» и еще что-то — Кондратьев не успел прочитать. Он огляделся и увидел, что людей на лентах дороги стало меньше. На лентах, бегущих в обратную сторону, было вообще пусто. «Матросово — это, наверное,

поселок. А Желтая Фабрика?» Сквозь стволы сосен мелькнула длинная веранда, уставленная столиками. За столиками сидели люди, ели и пили. Кондратьев почувствовал голод, но, колебавшись, решил пока воздержаться. На обратном пути, подумал он. Было очень радостно ощущать здоровый сильный голод и быть в состоянии в любой момент удовлетворить его.

Сосны поредели, и откуда-то вынырнула широченная автострада, блестящая под лучами вечернего солнца. По автострате летели ряды чудовищных машин на двух, трех, даже восьми шасси и вообще без шасси, тупорылых, с громадными кузовами-вагонами, закрытыми ярко раскрашенной пластмассой. Машины шли навстречу, в город. Видимо, где-то поблизости автострада ныряла под землю и скрывалась в многоэтажных тоннелях под городом. Приглядевшись, Кондратьев заметил, что на машинах не было кабин, не было места для человека. Машины шли сплошным потоком, сдержанно гудя, на расстоянии каких-то двух-трех метров друг за другом. В просветы между ними Кондратьев увидел несколько таких же машин, идущих в обратном направлении. Затем дорогу снова плотно обступили заросли, и автострада скрылась из глаз.

— Вчера один грузовик соскочил с шоссе, — сказал кто-то за спиной Кондратьева.

— Это потому, что снят силовой контроль. Роят новые этажи.

— Это-то так. Все равно, не люблю я этих носорогов.

— Ничего, скоро закончим многослойный конвейер, тогда шоссе можно будет закрыть.

— Давно пора...

Впереди показалась еще одна веранда со столиками.

— Леша! Лешка! — крикнули от одного из столиков и помахали рукой.

Парень и молодая женщина впереди Кондратьева тоже замахали руками, перешли на медленную ленту и соскочили на траву напротив веранды. И еще несколько человек соскочили тут же. Кондратьев хотел было тоже соскочить, но заметил столб с указателем: «Поворот к Желтой Фабрике — 1 км». И он остался.

Он соскочил у поворота. Между стволами была видна неширокая утоптанная дорожка, ведущая вверх по склону большого холма. На вершине холма на фоне закатного

неба четко вырисовывались очертания небольших строений. Кондратьев не торопясь двинулся по дорожке, с наслаждением ощущая под ногами податливую землю. «А ведь в дождь здесь должна быть грязь», — почему-то подумал он. Через несколько минут он выбрался на вершину холма и остановился на краю исполинской котловины, тянувшейся, как ему показалось, до самого горизонта.

Контраст между спокойной, мягкой зеленью под синим вечерним небом и тем, что открылось в котловине, был настолько разителен, что Кондратьев попятился, зажмурил глаза и помотал головой. На дне котловины кипел ад. Настоящий ад, со зловещими сине-белыми вспышками, крутящимся оранжевым дымом, клокочущей вязкой жидкостью, раскаленной докрасна. Что-то медленно вспучивалось и раздувалось там, как гнойный нарыв, затем лопалось, разбрызгивая и расплескивая клочья оранжевого пламени, заволакивалось разноцветными дымами, исходило паром, огнем и ливнем искр и снова медленно вспучивалось и лопалось. В вихрях взбесившейся материи носились лохматые молнии, возникали и исчезали через секунду чудовищные неясные формы, крутились смерчи, плясали голубые и розовые призраки. Долго Кондратьев вглядывался как замороженный в это необыкновенное зрелище. Затем он понемногу пришел в себя и стал замечать и нечто другое.

Ад был бесшумен и строго геометрически ограничен. Ни одним звуком не выдавала себя грандиозная пляска огней и дымов, ни один язык пламени, ни один клуб дыма не проникал за какие-то пределы, и, приглядевшись, Кондратьев обнаружил, что все обширное, уходящее далеко к горизонту пространство ада накрыто еле заметным прозрачным колпаком, края которого уходили в бетон — если это был бетон, — покрывавший дно котловины. Потом Кондратьев увидел, что колпак этот был двойным и даже, кажется, тройным, потому что время от времени в воздухе над котловиной мелькали плоские отблески, вероятно, отражения вспышек от внутренней поверхности верхнего колпака. Котловина была глубокая, ее крутые, ровные стены, облицованные гладким серым материалом, уходили на глубину по крайней мере сотни метров. «Крыша» необъятного колпака возвышалась над дном котловины не более чем метров на пятьдесят. Видимо, это и была

Желтая Фабрика, о которой предупреждали надписи на указателях. Кондратьев сел на траву, сложил руки на коленях и стал смотреть в колпак.

Солнце зашло, по серым склонам котловины запылали разноцветные отсветы. Очень скоро Кондратьев заметил, что в бушующей адской кухне хаос царит не безраздельно. В дыму и огне то и дело возникали какие-то правильные четкие тени, то неподвижные, то стремительнодвигающиеся. Разглядеть их как следует было очень трудно, но один раз дым вдруг рассеялся на несколько мгновений, и Кондратьев увидел довольно отчетливо сложную машину, похожую на паука-сенокосца. Машина подпрыгивала на месте, словно пыталась выдернуть ноги из вязкой огненной массы или месила своими длинными блестящими сочленениями эту кипящую массу. Затем что-то вспыхнуло под нею, и она опять заволоклась облаками оранжевого дыма.

Над головой Кондратьева с фырканием прошел небольшой вертолет. Кондратьев поднял глаза и проводил его взглядом. Вертолет полетел над колпаком, затем вдруг вильнул в сторону и камнем рухнул вниз. Кондратьев ахнул и вскочил на ноги. Вертолет уже стоял на «крыше» колпака. Казалось, он просто неподвижно повис над языками пламени. Из вертолета вышел крошечный черный человечек, нагнулся, упираясь руками в колени, и стал смотреть в ад.

— Скажи, что я вернусь завтра утром! — крикнул кто-то за спиной Кондратьева.

Штурман обернулся. Невдалеке, утопая в пышных кустах сирени, стояли два аккуратных одноэтажных домика с большими освещенными окнами. Окна до половины были скрыты в кустарнике, и качающиеся под ветром ветки выделялись на фоне ярких голубых прямоугольников тонкими ажурными силуэтами. Послышались чьи-то шаги. Затем шаги на секунду остановились, тот же голос крикнул:

— И попроси маму, чтобы она сообщила Борису!

— Хорошо! — откликнулся женский голос.

Окна в одном из домиков погасли. Из другого домика доносились звуки какой-то грустной мелодии. В траве стрекотали кузнечики, слышалось сонное чириканье птиц. Во всяком случае, на этой фабрике мне делать нечего, подумал Кондратьев.

Он встал и отправился назад. Несколько минут он путался в кустарниках, отыскивая дорогу, затем отыскал и зашагал между соснами. Дорога смутно белела под звездами. Еще через несколько минут Кондратьев увидел впереди голубоватый свет, газосветные лампы столба с указателем и почти бегом сошел к самодвижущейся дороге. Дорога была пуста.

Кондратьев, прыгая, как заяц, и вскрикивая: «Гоп! Гоп!», перебежал на полосу, движущуюся в направлении города. Ленты неярко светились под ногами, слева и справа уносились назад темные массы кустов и деревьев. Далеко впереди горело в небе голубоватое зарево — там был город. Кондратьев вдруг ощутил зверский голод.

Он сошел у веранды со столиками, той самой, возле которой стоял указатель: «Поворот к Желтой Фабрике — 1 км». На веранде было светло, шумно и вкусно пахло. Народу было так много, что Кондратьев даже удивился. Были заняты не только все столики — их было не меньше пятидесяти, и они стояли полукругом, — но и пространство внутри полукруга, где люди сидели и лежали на каких-то ярко раскрашенных круглых матрасиках. Большая куча таких матрасиков громоздилась в углу веранды. «Здесь, пожалуй, поужинаешь...» — уныло подумал Кондратьев, но все-таки поднялся по ступенькам и остановился на пороге. Праправнуки пили, ели, смеялись, разговаривали и даже пели.

Кондратьева сразу потянул за рукав какой-то голенастый праправнук с ближайшего столика.

— Садитесь, садитесь, товарищ, — сказал он поднимаясь.

— Спасибо, — пробормотал Кондратьев. — А как же вы?

— Ничего! Я уже поел, и вообще не беспокойтесь.

Кондратьев, совершенно не зная, что сказать и как себя вести, с величайшей неловкостью уселся, положив руки на колени. Огромный темнолицый мужчина напротив, поедавший что-то очень аппетитное из глубокой тарелки, вскинул на него глаза и невнятно спросил:

— Ну, что там? Тянут?

— Что тянут? — спросил Кондратьев.

Все за столиком глядели на него.

Темнолицый, перекосив лицо, глотнул и сказал:

— Ведь вы из Аньюдина?

— Нет, — сказал Кондратьев. — Я с Желтой Фабрики. «Не ляпнуть бы чего-нибудь невпопад», — подумал он.

— Где это? — с любопытством спросила молодая женщина, сидевшая справа от Кондратьева.

— До поворота на Желтую Фабрику один километр, — пробормотал экс-штурман. — А там — по холму и... к домикам...

— И над чем вы там работаете?

Кондратьеву захотелось встать и уйти.

— Видите ли... — начал он.

Но тут коренастый юноша, сидевший слева, радостно сказал:

— Я знаю, кто вы! Вы штурман Кондратьев с «Таймыра»!

— Ох, простите! — сказала женщина. — Я не узнала вас. Простите!

Темнолицый сейчас же поднял правую руку ладонью вверх и представился:

— Москвичев. Иоанн. Ныне — Иван.

Женщина справа сказала:

— Завадская Елена Владимировна.

Коренастый юноша задвигал ногами под столом и сказал:

— Басевич. Метеоролог.

Маленькая беленькая девочка, затиснутая между метеорологом и Иоанном Москвичевым, весело пискнула:

— Оператор тяжелых систем Марина Черняк...

Экс-штурман Кондратьев привстал и поклонился.

— Я вас тоже не сразу узнал, — объявил Москвичев. — Вы здорово поправились. А мы вот здесь сидим и ждем. Не хватает планетолетов, остается только сидеть и поедать сациви. Сегодня днем нам предложили двенадцать мест на продовольственном танкере — думали, что мы не согласимся. Мы сдуру начали бросать жребий, а в это время на танкер погрузилась группа из Воркуты. Главное — здоровенные ребята! На двенадцать мест еле втиснулось десять человек, а остальные пятеро остались здесь, — он неожиданно захохотал, — сидят и едят сациви!.. Кстати, а не съесть ли еще порцию? А вы уже ужи-нали?

— Нет, — сказал Кондратьев.

Москвичев вылез из-за стола.

— Тогда я и вам сейчас принесу.

— Пожалуйста, — сказал Кондратьев благодарно.

Иоанн Москвичев удалился, протискиваясь между столиками.

— Выпейте вина, — сказала Елена Владимировна, пододвигая Кондратьеву свой бокал.

— Спасибо, не пью, — механически сказал Кондратьев. Но тут он вспомнил, что он больше не звездолетчик и звездолетчиком никогда уже не будет. — Простите. С удовольствием.

Вино было ароматное, легкое, вкусное. Нектар, подумал Кондратьев. Боги пьют нектар. И едят сациви.

— Вы летите с нами? — пропищала оператор тяжелых систем.

— Не знаю, — сказал Кондратьев. — Может быть. А куда вы летите?

Праправнуки переглянулись.

— Мы добровольцы, — сказал Басевич. — Мы летим на Венеру. Надо превратить Венеру во вторую Землю.

Кондратьев резко выпрямился и поставил стакан.

— Венеру? — спросил он недоверчиво. Он-то хорошо помнил, что такое Венера. — А вы были когда-нибудь на Венере?

— Мы не были, — сказала Елена Владимировна. — Был Москвичев, да это ведь неважно. Плохо, что не хватает планетолетов. Мы ждем уже три дня.

Кондратьев вспомнил, как он тридцать три дня крутился вокруг Венеры на планетолете первого класса, не решаясь высадиться.

— Да, — сказал он с горькой иронией, — это неприятно ждать так долго...

Затем он с ужасом посмотрел на беленького оператора тяжелых систем:

— Простите, вы тоже летите на Венеру?

— У меня индекс здоровья восемьдесят восемь, — немножко обиженно сказала оператор.

— Простите... Конечно... восемьдесят восемь... — пробормотал Кондратьев. «Радиоактивные пустыни, — подумал он. — Атомные вулканы. Черные бури...»

Вернулся Москвичев и грохнул на стол поднос, уставленный пиалами и тарелками. Среди тарелок торчала пузатая бутылка с длинным горлом.

— Вот, — сказал он. — Ешьте, товарищ Кондратьев. Вот, собственно, сациви, вот, если захотите, соус... При-

правы... Десерт... Лед. Пейте вот это. «Яшма». Оно вам понравится... Пегов опять говорил с Аньюдином. Обещают планетолет завтра в шесть.

— Вчера нам тоже обещали планетолет «завтра в шесть», — сказал Басевич.

— Нет! Теперь уже наверняка! Возвращаются звездолетчики. Д-космолеты — это не продовольственные танкеры. Шестьсот человек за рейс, Земля — Венера за двадцать часов. Послезавтра в это время мы уже будем там.

— Ура, звездолетчики! — неожиданно заорал юноша и потянулся к Кондратьеву бокалом.

— Ура! Ура! — охотно откликнулось кафе, кто-то зашел превосходным гулким басом: «Тяжелые громады звездолетов уносятся в Ничто...» Остальные слова разобрать было невозможно, все потонуло в невообразимом шуме, смехе, аплодисментах...

Кондратьев торопливо отхлебнул из бокала и снова уткнулся в тарелку.

Москвичев тоже ел сациви, одновременно вещая:

— С Д-космолетами мы уже через месяц будем иметь на Венере полмиллиона человек... Все оборудование и снаряжение... Нужны свои заводы. Хватит! Сто лет живем там как собаки — носа не высунешь без спецкостюма. Давно пора!..

— Совершенно незачем было там жить, — сказала вдруг Завадская.

— Как вы можете так говорить? — жалобно запишала оператор тяжелых систем. — Всегда вы так, Елена Владимировна... Вы ее не слушайте, — сказала она, обращаясь к Кондратьеву. — Она всегда так, а на самом деле вовсе этого не думает...

— Нет, думаю, — сказала Елена Владимировна. — И моя точка зрения известна Совету. Прекрасно можно было поставить там автоматические заводы и уйти отсюда.

— Уйти, — сказал Москвичев благодушно. — Еще чего... Нет уж, матушка Елена Владимировна, уйти...

Юноша сказал металлическим голосом:

— Куда ступила наша нога, оттуда мы не уйдем.

— Что мы, зря умирали там? — крикнула беленькая девочка.

— Зря, — сказала Елена Владимировна. — Надо жить, а не умирать.

— Подумаешь! — сказал юноша. — На Земле тоже умирают. Даже молодые! И, если нужно умереть для того, чтобы после нас жили, любой из нас пойдет без колебаний на смерть. Так всегда было и всегда будет!

«Эк его!» — подумал Кондратьев одобрительно.

— Мы не позволим вам умирать, — сказала Елена Владимировна. — Уж пожалуйста, постарайтесь обойтись без этого.

— Ах, да не в этом дело, — сказала девочка. — Мы не об этом говорили. У вас, Елена Владимировна, так получилось, будто план «Венера» не нужен.

— Да, не нужен, — сказала просто Елена Владимировна.

— То есть как — не нужен? — угрожающе спросил Москвичев, отодвигая тарелку. — Нас там двадцать тысяч человек, мы даем Земле семнадцать процентов энергии, восемьдесят пять процентов редких металлов, а жить нам трудно. В оранжерею полежать на травке ходим по очереди. Голубого неба месяцами не видим.

— Так какого беса вы там торчите? — раздраженно сказал, обернувшись, широкоплечий человек, сидевший за соседним столиком. — Обошлись бы как-нибудь без ваших процентов...

— У тебя не спросили, — отвечивал Москвичев, не поворачивая головы.

Широкоплечий немедленно схватил свой стул и втиснулся между Кондратьевым и Еленой Владимировной.

— Не спросили? — сказал он. — А зря, Ваня, не спросили. — Он повернулся к Кондратьеву: — Я Зегерс, шахтер. Посудите сами, Сергей Иванович. Мы десять лет роем шахту к центру Земли. Нас тоже десять тысяч. Теперь всё бросают на Венеру. У нас отбирают производственные мощности и просят помочь. Где же справедливость?

— А вы бы отказались, — с сочувствием сказал штурман.

На лицах праправнуков изобразилось замешательство, и Кондратьев понял, что наконец что-то ляпнул. На него смотрели так, словно он посоветовал шахтеру обокрасть детский сад.

— То есть как это... отказаться? — сказал шахтер натянутым голосом.

— Простите, — пробормотал Кондратьев. — Я, кажется... В общем, не обращайтесь на меня внимания.

Все заулыбались. Шахтер, сообразив, видимо, что от экс-штурмана толку мало, апеллировал к Елене Владимировне.

— Ведь верно, Елена Владимировна? — сказал он.

— Вашу шахту я предлагала закрыть пять лет назад, — ледяным голосом сказала Елена Владимировна. Москвичев злорадно захохотал.

— О врачи, врачи! — воскликнул он. — Понавыбирали мы вас в Совет на свою голову!

— Мы хотим работы! — сказала девушка. — Поймите! Большой, ответственной, чтобы вся Земля работала! Чтобы было весело и трудно! А как же иначе? Что мои тяжелые системы на Земле? Ну передвинуть домик с места на место, ну котлованчик для фабрики отрыть... Да разве я только это могу? Дайте мне построить ракетодром. — Она взмахнула сжатым кулачком. — Дайте построить город на болоте! И чтобы была буря! И подземные взрывы! И чтобы потом сказали: «Этот город строила Марина Черняк», понимаете?

— Ну... без бури и взрывов было бы лучше, — сказал Москвичев.

— Правильно, Маринка! — закричали за соседними столиками. — А то зажали нас на Земле, и развернуться нигде...

За спиной Марины воздвигнулся худущий юноша с очень большим носом.

— Это все правильно, — сказал он рассудительным голосом. — Я сам подрывник и ужасно хочу больших взрывов. Но есть еще другая сторона. Самая главная, простите меня, Елена Владимировна. Двадцать тысяч человек работают на Венере в тяжелых условиях. Это очень хорошие люди. Я бы прямо сказал — лучшие люди. А мы, десять миллиардов землян, никак не соберемся им помочь! Это просто срам! Ну и что же, что они хотят работать на Венере? Это их право — работать на Венере! И раз они не хотят уходить оттуда, мы должны им помочь. И, простите, Елена Владимировна, поможем.

— Милый! — растроганно пробасил Иоанн Москвичев. — Милые вы мои десять миллиардов!..

Елена Владимировна бесконечно умными глазами поглядела на носатого юношу, улыбнулась и сказала:

— Да-да, в том-то все и дело.

«Ах, молодцы, молодцы! — весело подумал Кондратьев. — Все правы!»

— Елена Владимировна, — понизив голос, спросил он, — а вы-то сами почему летите на Венеру?

— На Венере пока еще очень мало хирургических кабинетов, — тоже вполголоса ответила Елена Владимировна. — А я хирург-эмбриомеханик. Я могу работать без кабинета, в любых условиях, даже по пояс в болоте...

Кондратьев огляделся. Шахтер перебрался поближе к Москвичеву, и сейчас Москвичев во взаимодействии с носатым юношей наступал на него, а он яростно отбивался. Коренастый Басевич шептался с оператором тяжелых систем. Елена Владимировна, прищурившись, задумчиво смотрела поверх голов. Кондратьев встал и потихоньку вышел на крыльцо. Ночь была безлунная и ясная. Над черной бесформенной громадой леса низко висела яркая белая Венера. Кондратьев долго смотрел на нее и думал: «Может быть, попытаться туда? Все равно кем — землекопом, каким-нибудь водителем или подрывником».

— Смóтрите? — раздался из темноты голос. — Я вот тоже смотрю. Дождусь, когда она зайдет, и пойду спать. — Голос был спокойный и усталый. — Я, знаете, думаю и думаю. Насадить на Венере сады... Просверлить Луну огромным буром. Была, знаете, такая юмореска у Чехова — прозорливец был старик. В конечном счете смысл нашего существования — тратить энергию... И, по возможности, знаете, так, чтобы и самому было интересно и другим полезно. А на Земле теперь стало трудно тратить энергию. У нас все есть, и мы слишком могучи. Останавливаться — не в природе человека. Противоречие, если угодно... Конечно, и сейчас есть много людей, которые работают с полной отдачей — исследователи, педагоги, врачи-профилактики, люди искусства... Агротехники, ассенизаторы... И их всегда будет много. Но вот как быть остальным? Если человеку хочется стать инженером, оператором, лечащим врачом... Конечно, кое-кто уходит в искусство, но ведь большинство ищут в искусстве не убежища, а вдохновения. Судите сами — чудесные молодые ребята... Им мало места! Им нужно взрывать, переделывать, строить... И не дом строить, а по крайней мере мир — сегодня Венера, завтра Марс, послезавтра еще что-нибудь... Молодцы Совет! Вот и начинается межпланетная

экспансия Человечества — разрядка великих аккумуляторов... Вы согласны со мной, товарищ?

— С вами я тоже согласен, — сказал Кондратьев.

СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА

Женя и Шейла работали. Женя сидел за столом и читал «Философию скорости» Гардуэя. Стол был завален книгами, лентами микрокниг, альбомами, подшивками старых газет. На полу, среди разбросанных футляров от микрокниг, стоял переносный пульт связи с Информарием. Женя читал быстро, ерзал от нетерпения и часто делал пометки в блокноте. Шейла сидела в глубоком кресле, положив ногу на ногу, и читала Женину рукопись. В комнате было светло и почти тихо, в экране стереовизора вспыхивали цветные тени, едва слышно звучали нежнейшие такты старинной южноамериканской мелодии.

— Изумительная книга, — сказал Женя. — Я не могу ее читать медленно. Как он это сделал?

— Гардуэй? — рассеянно отозвалась Шейла. — Да, Гардуэй — это великий мастер.

— Как он этого добился? Я не понимаю, в чем секрет.

— Не знаю, дружок, — сказала Шейла, не отрываясь от рукописи. — И никто не знает. И он сам не знает.

— Поразительное чувство ритма мысли и ритма слова. Кто он такой? — Женя заглянул в предисловие. — Профессор структуральной лингвистики. А! Тогда понятно.

— Ничего тебе не понятно, — сказала Шейла. — Я тоже структуральный лингвист.

Женя поглядел на нее и снова углубился в чтение. За открытым окном сгущались сумерки. В темных кустах мелькали искорки светляков. Сонно перекликались поздние птицы.

Шейла собрала листы.

— Чудесные люди! — громко сказала она. — Смелые люди.

— Правда? — радостно вскричал Женя, повернувшись к ней.

— Неужели вы все это перенесли? — Шейла смотрела на Женю широко раскрытыми глазами. — Все перенесли и остались людьми. Не умерли от страха. Не сошли

с ума от одиночества. Честное слово, Женька, иногда мне кажется, что ты действительно старше меня на сто лет.

— То-то, — сказал Женья.

Он поднялся, пересек комнату и сел у ног Шейлы. Шейла запустила пальцы в его рыжие волосы, и он прижался щекой к ее колену.

— Знаешь, когда было страшнее всего? — сказал он. — После второго эфирного моста. Когда Сережка поднял меня из амортизатора и я хотел пройти в рубку, а он не пустил меня.

— Ты об этом не писал, — сказала Шейла.

— В рубке оставались Фалин и Поллак, — сказал Женья. — Они погибли, — добавил он, помолчав.

Шейла молча гладила его по голове.

— Знаешь, — сказал он, — в известном смысле предки всегда богаче потомков. Богаче мечтой. Предки мечтают о том, что для потомков рутина. Ах, Шейла, какая это была мечта — достигнуть звезд! Мы все отдавали за эту мечту. А вы летаете к звездам, как мы летали к маме на летние каникулы. Бедные вы, бедные!

— Всякому времени своя мечта, — сказала Шейла, — Ваша мечта унесла человека к звездам, а наша мечта вернет его на Землю. Но это будет уже совсем другой человек.

— Не понимаю, — сказал Женья.

— Мы и сами этого еще как следует не понимаем. Ведь это мечта. Человек Всемогущий. Хозяин каждого атома во Вселенной. У природы слишком много законов. Мы их открываем и используем, и все они нам мешают. Закон природы нельзя преступить. Ему можно только следовать. И это очень скучно, если подумать. А вот Человек Всемогущий будет просто отменять законы, которые ему неуютны. Возьмет и отменит.

Женья сказал:

— В старое время таких людей называли волшебниками. И обитали они по преимуществу в сказках.

— Человек Всемогущий будет обитать во Вселенной. Как мы с тобой в этой комнате.

— Нет, — сказал Женья, — этого я не понимаю. Это как-то выше меня. Я, наверное, мыслю очень прозаически. Мне даже сказали вчера, что со мной скучно разговаривать. И я не обиделся. Я действительно еще не все понимаю,

— Это кто сказал, что ты скучный? — сердито спросила Шейла.

— Да там... Неважно. Я действительно был не в форме. Очень спешил домой.

Шейла взяла его за уши и посмотрела в глаза.

— Тот, кто тебе это сказал, — проговорила она, — неблагодарный осел. Ты должен был посмотреть на него сверху вниз и ответить: «Я проложил тебе дорогу к звездам, а мой отец проложил тебе дорогу ко всему, что ты сейчас имеешь».

Женя усмехнулся:

— Ну, это забывается. Неблагодарность потомков — обыкновенная вещь. Мой дед, например, погиб под Ленинградом, а я даже не помню, как его звали.

— И очень плохо, — сказала Шейла.

— Шейлочка, Шейлочка, — легкомысленно сказал Женя, — потому потомки и забывчивы, что предки не обидчивы.

Он схватил ее в охапку и принялся целовать. В дверь постучали.

— Ну вот! — недовольно сказал Женя.

— Войдите! — крикнула Шейла.

Дверь приоткрылась, и голос соседа, инженера-ассенизатора Юры, спросил:

— Я здорово вам помешал?

— Входите, входите, Юра, — сказала Шейла.

— Эх, мешать так мешать, — произнес Юра и вошел. — А ну, пошли в сад, — потребовал он.

— Чего мы не видели в саду? — удивился Женя. — Давайте лучше смотреть стереовизор.

— Стереовизор у меня у самого есть, — сказал Юра. — Пойдемте, Женя, расскажете нам с Шейлой что-нибудь про Луи Пастера.

— Какую сливную станцию вы обслуживаете? — осведомился Женя.

— Сливную станцию? Что это такое?

— Обыкновенная сливная станция. Свозят туда всякое... мусор, помои... А она перерабатывает и, стало быть, сливает. В канализацию.

— А! — радостно воскликнул инженер-ассенизатор. — Как же, вспомнил. Сливные башни. Но на Планете давно уже нет сливных башен, Женя!

— А я родился через полтора века после Пастера, — сказал Женя.

— Ну, тогда расскажите про доктора Моргенау.

— Доктор Моргенау, насколько я знаю, родился через год после старта «Таймыра», — устало возразил Женя.

— Одним словом, пойдемте в сад. Шейла, берите его.

Они вышли в сад и уселись на скамейке под яблоней. Было совсем темно, деревья в саду казались черными. Шейла зябко поежилась, и Женя сбегал в дом за курткой. Некоторое время все молчали. Потом с ветки сорвалось большое яблоко и с глухим стуком ударилось о землю.

— Яблоки еще падают, — сказал Женя. — А Ньютонов что-то не видно.

— Ты имеешь в виду ученых-полилогов?¹ — серьезно спросила Шейла.

— Д-да, — сказал Женя, который всего-навсего хотел сострить.

— Во-первых, мы все сейчас полилоги, — с неожиданным раздражением сказал Юра. — С вашей, допотопной точки зрения, конечно. Потому что нет биолога, который не знал бы математики и физики, а такой лингвист, как Шейла, например, сразу пропал бы без психофизики и теории исторических последовательностей. Но я-то знаю, что вы хотите сказать! Нет, видите ли, Ньютонов! Энциклопедический ум ему подавай! Узко, видите ли, работаете! Шейла — всего только лингвист, я — всего только ассенизатор, а Окада — всего-навсего океанолог! Почему, видите ли, не все сразу, в одном лице?..

— Караул! — закричал Женя. — Я никого не хотел обидеть! Я просто пошутил!

— ...А вы знаете, Женечка, что такое современная так называемая узкая проблема? всю жизнь ее жуешь, и конца не видно. Это же клубок самых неожиданных задач. Да возьмем хоть то же яблоко. Почему упало именно это яблоко? Почему именно в данный момент? Механика соприкосновения яблока с землей. Процесс передачи импульса. Условия обращенного падения. Квантовая картина падения. Наконец, как, пропади оно пропадом, извлечь пользу из этого падения...

— Это-то просто, — примирительно сказал Женя. Он

¹ Полилог — здесь: специалист во многих областях знания.

нагнулся, пошарил на земле и поднял яблоко. — Я его съем.

— Еще неизвестно, будет ли это максимальная польза, — язвительно сказал Юра.

— Тогда съем я, — сказала Шейла и отобрала яблоко у Жени.

— Кстати о пользе, — сердито сказал Женья. — Вы, Юра, очень любите рассуждать о пользе. Между тем вокруг бегают невообразимо сложные кибердворники, киберсадовники, киберпоедатели-мух-и-гусениц, киберсоорудители-бутербродов-с-ветчиной-и-сыром. Ведь это же дико. Это даже не стрельба из пушек по воробьям, как говорили в наше время. Это создание однокомнатных индивидуальных квартир для муравьев. Это же сибаритство чистой воды!

— Женечка! — сказала Шейла.

И Юра весело засмеялся.

— Это вовсе не сибаритство, — сказал он. — Наоборот. Освобождение мысли, удобство, экономия. Елки-палки, да кто же пойдет в сборщики мусора? А если даже и найдется такой любитель, то все равно он будет работать медленнее и хуже киберов. Потом, эти киберы вовсе не так трудно производить, как вы думаете. Их было довольно сложно придумать, это правда. Их трудно совершенствовать. Это тоже правда. Но уж коль скоро они попали в серийное выращивание, с ними гораздо меньше возни, чем с... э-э... как у вас назывались ботинки?

— Ботинками, — кротко сказал Женья.

— И самое главное, в наше время никто не делает одноплановых машин. Во-первых, вы совершенно напрасно разделяете кибердворников и киберсадовников. Это одни и те же машины.

— Позвольте, — сказал Женья. — Я же видел. Кибердворники — они с такими лопатками, с пылесосами... А киберсадовники...

— Да просто на них сменные наборы манипуляторов. И дело даже не в этом. Дело в том, что все эти киберы... и вообще все бытовые машины и приборы... это все великолепные озонаторы. Они поедают мусор, сухие ветки и листья, жир с грязной посуды, и все это служит им топливом. Вы поймите, Женья, это не грубые механизмы вашего времени. По сути, это квази-организмы. И в процессе своей квази-жизни они еще и озонируют воздух, витамини-

зируют воздух, насыщают воздух легкими ионами. Это маленькие добрые солдаты огромной славной армии ассенизации.

— Сдаюсь, — сказал Женя.

— Нынешняя ассенизация, Женя, — это не сливные башни. Мы не просто уничтожаем мусор и не создаем мерзких свалок на дне океанов. Мы превращаем мусор в свежий воздух и солнечный свет.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал Женя. — Слава ассенизаторам. Превратите меня в солнечный свет.

Юра с наслаждением потянулся.

— Приятно встретить человека, который ничего не знает. Самый лучший отдых — растолковывать общеизвестные истины.

— До чего мне надоело быть человеком, с которым отдыхают! — сказал Женя.

Шейла взяла его за руку, и он замолчал.

Раздался тонкий писк радифона.

— Это меня, — шепнул Юра и сказал: — Слушаю.

— Ты где? — осведомился сердитый голос.

— В саду. Сажу отдыхаю.

— Ты придумал что-нибудь?

— Нет.

— Каков тип! Он сидит и отдыхает! У меня ум за разум заходит, а он отдыхает! Товарищ Славин, Шейла, гоните его вон!

— Ну иду, иду, чего ты раскричался! — сказал Юра поднимаясь.

— Иди прямо к экрану. И вот что — теперь мне совершенно ясно, что бензольные процессы здесь не годятся...

— А я что говорил? — вскричал Юра и с треском полез через кусты к своему коттеджу.

Шейла и Женя вернулись к себе.

— Пойдем ужинать? — спросил Женя.

— Не хочется.

— Вот всегда так! Яблок налопаешься и потом ничего не ешь.

— Не ворчи на меня! — сказала Шейла. Женя пошел ее обнимать. — Я замерзла! — жалобно сказала она.

— Это потому, что ты проголодалась, — объявил Женя. — Я тоже немножко замерз, и страшно неохота идти в кафе. Неужели нельзя организовать жизнь так, чтобы ужинать дома?

— Организовать все можно, — сказала Шейла. — Только какой смысл? Кто же ест дома?

— Я ем дома.

— Ну Женечка, — сказала Шейла, — ну хочешь, переедем в город? Там есть Линия Доставки, и можешь ужинать дома сколько угодно.

— А я не хочу в город, — упрямо сказал Женя. — Я хочу на лоне.

Шейла некоторое время задумчиво смотрела на него.

— Хочешь, я сейчас схожу в кафе и принесу ужин? Всего две минуты... А может быть, все-таки пойдем вместе? Посидим с ребятами, поболтаем.

— Я хочу вдвоем, — сказал Женя. Тем не менее он взял куртку и стал одеваться. — Знаешь, Шейла, у меня идея, — сказал он вдруг и полез в карман. — Вот послушай.

— Что это? — спросила Шейла.

— Реклама. Каким-то образом попала мне в карман. Слушай. «Красноярская фабрика бытовых приборов...» Ну, это пропустим. Вот. «Универсальная кухонная машина УКМ-207 «Красноярск» проста в обращении и представляет собой кибернетический автомат, рассчитанный на шестнадцать сменных программ. УКМ-207 объединяет в себе механизм для переработки сырья и полуфабрикатов с механизмом мойки и сушки столовой посуды. УКМ-207 способна готовить одновременно два обеда из трех блюд, в том числе на первое — супы и борщи разные, бульоны, крошки...»

— Женя! — Шейла засмеялась. — Это же реклама для кафе и столовых!

— Ну и что же? — сказал Женя.

Шейла попыталась объяснить:

— Представь себе новый поселок. Или временное поселение, лагерь. Линия Доставки далеко. Связи с Доставкой на Дом нет. Снабжение централизованное. Вот там такая УКМ необходима.

Женя очень огорчился.

— Значит, нам такую не дадут? — спросил он расстроенно.

— Да нет, дадут, конечно, только... Знаешь, вот это уже чистое сибаритство.

— Шейлочка! Дружочек! Ну можно я закажу такую

машину? Ведь никому от этого плохо не будет! Зато никуда не надо будет ходить по вечерам.

— Как хочешь, — коротко сказала Шейла. — Но сегодня мы еще ужинаем в кафе.

Она вышла, и Женя смиренно последовал за ней.

Рано утром Женю Славина разбудило фыркание тяжелого вертолета. Он вскочил с постели и подбежал к окну. Он успел заметить синий фюзеляж вертолета с надписью большими белыми буквами: «Доставка на Дом». Вертолет прошел над садом и скрылся за кронами деревьев, сверкаящих росой, полных птичьего гомона. На садовой дорожке у крыльца стоял большой желтый ящик. Возле ящика, неуверенно переступая коленчатыми лапами, топтался изумрудно-зеленый киберсадовник.

— А вот я тебя, ассенизатора! — заорал Женя и полез через окно. — Шейла! Шейлочка! Привезли!

Киберсадовник порскнул в кусты. Женя подбежал к ящику и, не притрагиваясь, обошел со всех сторон.

— Она! — сказал он растроганно. — Молодцы, «Доставка на Дом»! «Красноярск», — прочитал он сбоку ящика. — Она!

На крыльцо, кутаясь в халатик, вышла Шейла.

— Утро какое чудесное! — сказала она, сладко зевнув. — Что ты так расшумелся? Соседа разбудишь.

Женя посмотрел в сад, где за деревьями белели стены Юриного коттеджа. Там что-то вдруг загремело, и послышалось невнятное восклицание.

— Он уже проснулся, — сообщил Женя. — Помоги мне, Шейлочка, а?

Шейла сошла с крыльца.

— А это что? — спросила она.

Около ящика лежал большой пакет, обклеенный пестрой бандеролью с рекламами различных кушаний.

— Это? — Женя растерянно уставился на пеструю бандероль. — Это, наверно, сырье и полуфабрикаты.

Шейла сказала со вздохом:

— Ну ладно. Понесли твои игрушки.

Ящик был легкий, и они втащили его в дом без труда. И только тут Женя сообразил, что в коттедже нет кухни. «Что же теперь делать?» — подумал он.

— Ну, что будем делать? — спросила Шейла.

Нечеловеческим усилием мысли Женя мгновенно нашел нужное решение.

— В ванную, — сказал он небрежно. — Куда же еще?

Они поставили ящик в ванную, и Женя побежал за пакетом. Когда он вернулся, Шейла делала зарядку. «Шекснинска стерлядь золотая...» — фальшиво пропел Женя и оторвал у ящика боковину. Машина УКМ-207 «Красноярск» выглядела очень внушительно. Гораздо более внушительно, чем ожидал Женя.

— Ну как? — спросила Шейла.

— Сейчас разберемся, — сказал Женя бодро. — Сейчас я буду тебя кормить.

— Я тебе советую вызвать инструктора.

— Ни в коем случае. Беру эту машину на себя. Ибо сказано: «Проста в обращении».

Машина горделиво поблескивала гладкой пластмассой кожуха среди вороха мятой бумаги.

— Все очень просто, — заявил Женя. — Вот четыре кнопки. Всякому ясно, что они соответствуют первому блюду, второму, третьему...

— ...четвертому, — подсказала Шейла вполголоса.

— Да, четвертому, — подхватил Женя. — Чай, например. Или какао.

Он опустил на короточки и снял крышку с надписью: «Система управления».

— Кишок-то, кишок! — пробормотал он. — Не дай бог — испортится. — Он встал. — Теперь ясно, для чего четвертая кнопка: для нарезки хлеба.

— Интересное рассуждение, — сказала Шейла задумчиво. — А тебе не кажется, что эти четыре кнопки могут соответствовать четырем стихиям Фалеса Милетского? Вода, огонь, воздух, земля.

Женя неохотно улыбнулся.

— Или четырем арифметическим действиям, — добавила Шейла.

— Ладно, — сказал Женя и принялся распаковывать пакет. — Разговоры разговорами, а я хочу гуляш. Ты еще не знаешь, Шейла, как я готовлю гуляш. Вот мясо, вот картофель... Так... Петрушка... Лучок... Хочу гуляш! С следующей кибернетической мойкой посуды! И чтобы жир с тарелок превратился в воздух и солнечный свет!

Шейла сходила в гостиную и принесла стул. Женя, держа в одной руке кусок мяса, а в другой — четыре боль-

шие картофелины, в нерешительности стоял перед машиной. Шейла поставила стул возле умывальника и удобно уселась. Женя произнес, ни к кому не обращаясь:

— Если бы кто-нибудь сказал мне, куда кладутся продукты, я был бы очень благодарен.

Шейла заметила:

— Два года назад я видела киберкухню. Правда, она совсем не была похожа на эту, но, помнится, было у нее справа этакое окно для закладки продуктов.

— Я так и думал! — радостно вскричал Женя. — Здесь два окна. Справа, значит, для продуктов, а слева — для готового обеда.

— Знаешь, Женечка, — сказала Шейла, — пойдем лучше в кафе.

Женя не ответил. Он вложил мясо и картофель в окно справа и со шнуром в руке отправился к штепселю.

— Включай, — сказал он издали.

— Как? — осведомилась Шейла.

— Нажми кнопку.

— Какую?

— Вторую, Шейлочка. Я делаю гуляш.

— Лучше бы нам пойти в кафе, — протянула Шейла, неохотно поднимаясь.

Машина ответила на нажатие кнопки глухим рокотом. На переднем щитке ее зажглась белая лампочка, и Шейла, заглянув в окно справа, увидела, что там ничего нет.

— Кажется, мясо приняла, — проговорила она с изумлением. Она не рассчитывала на это.

— Ну вот видишь! — произнес Женя с гордостью.

Он стоял и любовался своей машиной и слушал, как она щелкает и жужжит. Потом белая лампочка погасла и зажглась красная. Машина перестала жужжать.

— Все, Шейлочка, — сказал Женя подмигивая.

Он нагнулся и вытащил из пакета тарелки. Тарелки были легкие, блестящие. Он взял две штуки, поставил их в окно слева, затем отступил на шаг и скрестил руки на груди. Минуту они молчали. Наконец Шейла, озадаченно переводившая глаза с Жени на машину и обратно, спросила:

— А чего ты, собственно, ждешь?

В глазах у Жени появился испуг. Он вдруг сообразил, что, если гуляш уже готов, то он должен был оказаться в окне слева независимо от того, были в нем та-

релки или нет. Он сунул голову в окно слева и увидел, что тарелки пусты.

— Где гуляш? — спросил он растерянно.

Шейла не знала, где гуляш.

— Тут какие-то ручки, — сказала она.

В верхней части машины были какие-то ручки. Шейла взялась за них обеими руками и потянула на себя. Из машины выдвинулся белый ящик, и странный запах распространился по комнате.

— Что там? — спросил Женя.

— Посмотри сам, — ответила Шейла. Она стояла, держа в руках ящик, и, скривившись, рассматривала его содержимое. — Твоя УКМ превратила мясо в воздух и солнечный свет. Может быть, здесь лежала инструкция?

Женя посмотрел и ойкнул. В ящике лежала пачка каких-то тонких листов, красных, испещренных белыми пятнами. От листов поднимался смрад.

— Что это? — растерянно спросил Женя и взял верхний лист двумя руками, и лист сломался у него в руках, и куски упали на пол, дребезжа, как консервная жестянка.

— Прелестный гуляш, — сказала Шейла. — Гремящий гуляш. Пятая стихия. Интересно, каков он на вкус.

Женя, сильно покраснев, сунул кусок «гуляша» в рот.

— Смельчак! — с завистью произнесла Шейла. — Ну?

Женя молча полез в пакет с продуктами. Шейла поискала глазами, куда бы все это девать, и вывалила содержимое ящика в кучу упаковочной бумаги. Запах усилился. Женя вытащил буханку хлеба.

— Какую кнопку ты нажала? — грозно спросил он.

— Вторую сверху, — робко ответила Шейла, и ей сразу стало казаться, что она нажала вторую снизу.

— Я уверен, что ты нажала четвертую кнопку, — объявил Женя. Он решительно сунул буханку в окно справа. — А это хлебная кнопка!

Шейла хотела было спросить, как можно объяснить странные метаморфозы, происшедшие с мясом и картошкой, но Женя, оттеснив ее от машины, нажал четвертую кнопку. Раздался какой-то лязг, и стали слышны частые негромкие удары.

— Видишь, — сказал Женя, облегченно вздохнув, — режет хлеб. Хотел бы я знать, что там сейчас делается внутри.

Он представил, что там сейчас, может быть, делается внутри, и содрогнулся.

— Почему-то не загорается лампочка, — сообщил он.

Машина стучала и фыркала, и это длилось довольно долго, и Женя начал уже искать глазами, на что бы нажать, чтобы она остановилась. Но машина издала приятный для слуха звон и принялась мигать красной лампочкой, не переставая жужжать и стучать. Женя посмотрел на часы и сказал:

— Я всегда думал, что приготовить гуляш легче, чем нарезать хлеб.

— Пойдем лучше в кафе, Женя, — боязливо сказала Шейла.

Женя промолчал. Через три минуты он обошел машину и заглянул внутрь. Он не увидел там ровным счетом ничего такого, что могло бы послужить пищей для размышлений. Ничего такого, что могло бы послужить просто пищей, он тоже не увидел. Выпрямившись, он встретился глазами с женой. В ответ на ее вопрошающий взгляд он покачал головой.

— Там все в порядке.

Он ничем не рисковал, делая это заявление. Оставались еще две неисследованные кнопки, а также масса всевозможных перестановок и сочетаний из четырех.

— Ты не могла бы ее остановить? — спросил он Шейлу.

Шейла пожала плечами, и некоторое время они еще стояли в ожидании, глядя, как машина мигает лампочками — белой и красной попеременно. Потом Шейла протянула руку и ткнула пальцем в самую верхнюю кнопку. Раздался звон, и машина остановилась. Стало тихо.

— Хорошо как! — невольно воскликнул Женя. Было слышно, как за окном ветер шумит в кустах и стрекочут кузнечики. — А где ящик? — испуганно спросил он.

Шейла оглянулась. Ящик стоял на полу среди тарелок.

— А что? — спросила она.

— Мы не вставили на место ящик, и теперь я не знаю, где нарезанный хлеб.

Женя обошел машину и заглянул в оба окна — справа и слева. Хлеба не было. Он со страхом поглядел на черную глубокую щель в машине, где раньше был ящик. Машина ответила угрожающим взглядом красной лампочки. Женя стиснул зубы, зажмурился и сунул руку в щель.

В машине было горячо. Женя нашупал какие-то гладкие поверхности, но это был не хлеб. Он вытащил руку и пожал плечами.

— Нет хлеба.

Шейла, нагнувшись, заглянула под машину.

— Тут какой-то шланг, — проговорила она.

— Шланг? — спросил Женя с ужасом.

— Нет-нет, это не хлеб. Не имеет с хлебом ничего общего. Это действительно шланг.

Она вытянула из-под машины длинную гофрированную трубку с блестящим кольцом на конце.

— Глупый. Ты же не подключил к машине воду. Понимаешь — воду! Вот почему гуляш вышел таким...

— Н-да, — сказал Женя, косясь на останки гуляша. — Воды в нем, действительно, немного... Но где же, все-таки, хлеб?

— Ну не все ли равно? — сказала Шейла весело. — В общем-то конфуз, но хлеб — это не проблема. Смотри, вот я подключаю шланг к водопроводу.

— А может быть, не стоит? — с опаской произнес Женя.

— Глупости. Исследовать так исследовать. Будем делать рагу. В пакете есть овощи.

На этот раз машина, побужденная к действиям нажатием первой кнопки сверху, работала около минуты.

— Неужели рагу тоже вываливается в ящик? — неуверенно пробормотал Женя, берясь за ручки.

— Давай-давай, — сказала Шейла.

Ящик был до краев наполнен розовой кашей, лишенной запаха.

— Борщ украинский, — грустно сказал Женя. — Это похоже на...

— Вижу сама. Ну и срамотища! Даже инструктора стыдно вызывать. Может, позовем соседа?

— Да, — сказал Женя уныло. — Ассенизатор здесь подойдет больше. Пойду позову.

Ему очень хотелось есть.

— Войдите! — произнес голос Юры.

Женя вошел и, пораженный, остановился в дверях.

— Надеюсь, супруги с вами нет, — сказал Юра. — Я не одет.

На нем была плохо выглаженная сорочка. Из-под со-

рочки торчали голые загорелые ноги. На полу по всей комнате были разложены какие-то странные детали и валялись листы бумаги. Юра сидел прямо на полу, держа в руках ящик с окошечками, в которых бегали световые зайчики.

— Что это? — спросил Женя.

— Это тестер, — ответил Юра устало.

— Нет, вот это все?..

Юра огляделся:

— Это УСМ-16. Универсальная стиральная машина с полукибернетическим управлением. Стирает, гладит и пришивает пуговицы. Осторожнее! Не наступите.

Женя посмотрел под ноги и увидел кучу черного тряпья, лежащего в луже воды. От тряпья шел пар.

— Это мои брюки, — пояснил Юра.

— Значит, ваша машина тоже не в порядке? — спросил Женя.

Надежда получить консультацию и завтрак испарилась.

— Она в полном порядке, — сердито сказал Юра. — Я разобрал ее по винтикам и понял принцип действия. Вот подающий механизм. Вот анализатор — его я не стал разбирать: он и так в порядке. Вот транспортный механизм и система терморегулирования. Правда, я не нашел пока шьющего устройства, но машина в полном порядке. Я думаю, вся беда в том, что у нее почему-то двенадцать клавиш программирования, а в проспекте было сказано — четыре...

— Четыре? — спросил Женя.

— Четыре, — ответил Юра, рассеянно почесывая колени. — А почему вы сказали «ваша машина тоже»? У вас тоже есть стиральная машина? Мою мне привезли всего час назад. Доставка на Дом.

— Четыре, — повторил Женя с восторгом. — Четыре, а не двенадцать... Скажите, Юра, а вы не пробовали закладывать в нее мясо?

ПАЦИЕНТЫ ДОКТОРА ПРОТОСА

Сергей Иванович Кондратьев вернулся домой в полдень. Все утро он провел в Малом Информарии: он искал профессию. Дома было прохладно, тихо и очень одиноко.

Кондратьев прошелся по всем комнатам, попил нарзану, стал перед пустым письменным столом и принялся придумывать, как убить день. За окном ярко светило солнце, чирикала какая-то птичка, а в кустах сирени слышалось металлическое стрекотание и пощелкивание. Видимо, там копошился один из этих многоногих деловитых уродов, отнимающих у честного человека возможность заняться, скажем, садоводством.

Экс-штурман вздохнул и закрыл окно. Пойти, что ли, к Женьке? Да нет, его наверняка не застанешь дома. Обвешался диктофонами новейшей системы и носится по всему Уралу; в голове тридцать три заботы, не считая мелких поручений. Как это он говорит? «Недостаток знаний нужно восполнить избытком энергии». Прекрасный человек Шейла, все понимает. Но ее никогда нет дома, когда нет дома Женьки.

Штурман пошел в столовую и выпил еще стакан нарзану. Может быть, пообедать? Мысль неплохая, пообедать можно тщательно и со вкусом. Только не хочется есть...

Штурман подошел к окну Линии Доставки, набрал шифр наугад и с любопытством стал ждать, что получится. Над окном вспыхнула зеленая лампа: заказ исполнен. Штурман с некоторой опаской сдвинул крышку. На дне просторного кубического ящика стояла картонная тарелка. Штурман взял ее и поставил на стол. На тарелке лежали два крепеньких малосольных огурца. Такие огурчики — да на «Таймыр» бы, к концу второго года... Может, сходить к Протосу? Протос редкой души человек. Но ведь он очень занят, милый старый Протос. Все хорошие люди чем-то заняты...

Штурман рассеянно взял с тарелки огурец и съел. Потом он съел второй и отнес тарелку в мусоропровод. «Может, опять сходить потолкаться среди добровольцев? — подумал он. — Или съездить в Китай? В Китае я не был...»

Размышления штурмана были прерваны пением сигнала — кто-то просил разрешения войти. Штурман обрадовался, он не привык, чтобы к нему заходили. Видимо, праправнуки из ложной скромности не хотели его беспокоить. За всю неделю, что он здесь жил, его только один раз посетила соседка, восьмидесятилетняя свежая женщина со старомодным узлом черных волос на затылке. Она отрекомендовалась старшим оператором хлебозаво-

да и в течение двух часов терпеливо учила его набирать шифры на клавишной панели Линии Доставки. Задушевного разговора с ней как-то не получилось, хотя она несомненно была превосходным человеком. Несколько раз без всякого приглашения являлись очень юные праправнуки, совершенно лишенные, по-видимому, чувства ложной скромности. Визиты эти были продиктованы соображениями чисто эгоистическими. Один, судя по всему, пришел для того, чтобы прочесть штурману свою оду «На возвращение «Таймыра», из которой штурман понял только отдельные слова («Таймыр», «Космос») — ода была на суахили. Другой работал над биографией Эдгара Аллана По и без особой надежды просил каких-нибудь малоизвестных подробностей из жизни великого американского писателя. Кондратьев передал ему слухи о встречах Э. А. По с А. С. Пушкиным и посоветовал обратиться к Евгению Славину. Прочие юнцы и девчонки являлись за тем, что в терминах двадцать первого века Кондратьев определил как «собрание автографов». Но даже юные охотники за автографами были лучше, чем ничего, поэтому пение сигнала Кондратьева обрадовало.

Кондратьев вышел в прихожую и крикнул:

— Войдите!

Вошел человек высокого роста, в просторной серой куртке и длинных синих штанах пижамного типа. Он тихо притворил за собой дверь и, несколько наклонив голову, принялся рассматривать штурмана. Физиономия его очень живо напомнила Кондратьеву виденные когда-то фотографии каменных истуканов острова Рапа-Нуи — узкая, длинная, с узким высоким лбом и мощными надбровьями, с глубоко запавшими глазами и длинным острым вогнутым носом. Физиономия была темная, а в распахнутом вороте куртки проглядывала неожиданно нежная белая кожа. На охотника за автографами этот человек был решительно не похож.

— Вы ко мне? — с надеждой спросил Кондратьев.

— Да, — тихо и печально ответил незнакомец. — Я к вам.

— Так входите же, — сказал Кондратьев.

Он был тронут и немного разочарован печальным тоном незнакомца. «Кажется, это все-таки собиратель автографов, — подумал он. — Надо принять его посердечнее».

— Спасибо, — еще тише проговорил незнакомец.

Горбовский уже лежал на кушетке.

Немного сутулясь, он прошел мимо штурмана и оставался посреди гостиной.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Кондратьев.

Незнакомец стоял молча, устремив взгляд на кушетку. Кондратьев с некоторым беспокойством тоже посмотрел на кушетку. Это была чудесная откидная кушетка, широкая, бесшумная и мягкая, с пружинящей пенопластовой крышкой светлого зеленого цвета, пористой, как губка.

— Меня зовут Горбовский, — тихо сказал незнакомец, не спуская глаз с кушетки. — Леонид Андреевич Горбовский. Я пришел поговорить с вами как звездолетчик со звездолетчиком.

— Что случилось? — испуганно спросил Кондратьев. — Что-нибудь с «Таймыром»? Да вы садитесь, пожалуйста, садитесь!

Горбовский продолжал стоять.

— С «Таймыром»? Вряд ли... Впрочем, не знаю, — сказал он. — Но ведь «Таймыр» в Музее космогании. Что с ним еще может случиться?

— Да уж, — сказал Кондратьев, широко улыбнувшись. — Уж дальше некуда.

— Некуда, — согласился Горбовский и тоже улыбнулся.

Улыбка у него, как и у многих некрасивых людей, была милая и какая-то детская.

— Так чего же мы стоим? — бодро вскричал Кондратьев. — Давайте сядем!

— Вы... вот что, Сергей Иванович, — сказал вдруг Горбовский, — можно я лягу?

Кондратьев поперхнулся.

— П...пожалуйста, — пробормотал он. — Может быть, вам водички?

Горбовский уже лежал на кушетке.

— Ах, Сергей Иванович! — сказал он. — И вы такой же, как все. Ну при чем здесь водичка, если человеку просто хочется полежать? В античные времена все лежали... Даже за едой.

Кондратьев, не оборачиваясь, нащупал за спиной кресло и сел.

— Уже в те времена, — продолжал Горбовский, — имела хождение многоэтажная пословица, существенной частью которой было «лучше лежать, чем сидеть». А я только что из рейса. Вы сами знаете, Сергей Иванович!

ну что такое диваны на кораблях? Отвратительные жесткие устройства! Да разве только на кораблях? Эти невообразимые скамейки на стадионах и в парках! Складные самопадающие стулья в кафе! А ужасные камни на морских купаниях? Нет, Сергей Иванович, воля ваша, искусство создания по-настоящему комфортабельных лежбищ безвозвратно утрачено в нашу суровую эпоху эмбриомеханики и Д-принципа.

«Бедняга!» — подумал Кондратьев сочувственно. Проблема «лежбищ» встала перед ним в совершенно новом свете.

— Знаете, — сказал он, — я застал еще то время, когда в Северной Америке подвизались всякие там фирмы и монополии. Так вот, дольше всех продержалась небольшая фирма, которая сколотила себе за полтора века баснословный капитал на матрацах. Она выпускала какие-то особенные шелковые матрацы — немного, но страшно дорого. Говорят, миллиардеры дрались из-за этих матрацев. Замечательные были матрацы! На них ничего нельзя было отлежать.

— И секрет их погиб вместе с империализмом? — сказал Горбовский.

— Вероятно, — ответил Кондратьев. — Я ушел в рейс на «Таймыре» и больше ничего о них не слышал.

Кондратьев блаженствовал. Давно уже ему не приходилось вести такие легкие и приятные светские разговоры! Протос и Женя были отличными собеседниками, но Протос очень любил рассказывать про операции на печени, а Женя большей частью учил Кондратьева водить птерокар и ругал за социальную инертность.

— Нет, почему же, — сказал Горбовский, — у нас тоже есть отличные лежбища. Но ими у нас никто не интересуется. Кроме меня.

Он повернулся на бок, подпер щеку кулаком и вдруг сказал:

— Ах, Сергей Иванович, дорогой, и зачем это вы высадились на Планете Синих Песков?

Штурман опять поперхнулся. Планета Синих Песков с ужасающей отчетливостью встала перед его глазами. Детище чужого солнца. Совсем чужая. Она была покрыта океанами тончайшей голубой пыли, и в этих океанах были приливы и отливы, многобалльные штормы и тайфуны и даже, кажется, какая-то жизнь. Вокруг засыпанного

«Таймыра» крутились хороводы зеленых огней, голубые дюны кричали и вопили на разные голоса, пылевые тучи гигантскими амебами проползали по белесому небу. И ни одной тайны не открыла людям Планета Синих Песков. Штурман при первой же вылазке сломал ногу, роботы-разведчики потерялись все до единого, а затем при полном безветрии налетела настоящая буря, и славного доброго Кёнига, не успевшего подняться в корабль, швырнуло вместе с подъемником о реакторное кольцо, раздавило, расплющило и унесло за сотни километров в пустыню, где среди голубых волн гигантские провалы засасывали миллиарды тонн пыли в непостижимые недра планеты...

— А вы бы не высадились? — хрипло сказал Кондратьев. Горбовский молчал. — Вы хороши сейчас на ваших Д-звездолетах... Сегодня одно солнце, завтра — другое, а послезавтра — третье... А для меня... а для нас это было первое чужое солнце, первая чужая планета, понимаете? Мы чудом попали туда... Я не мог не высадиться, потому что иначе... Зачем же тогда все?

Кондратьев остановился. «Нервы, — подумал он. — Надо спокойнее. Все это прошло».

Горбовский задумчиво сказал:

— После вас на Планете Синих Песков первым высадился, наверное, я. Я пошел на десантном боте и взял ее с полюса. Ах, Сергей Иванович, как это было нелегко! Полмесяца я ходил вокруг да около. Двенадцать зондирующих поисков! А сколько автоматов мы там загубили! Классическая бешеная атмосфера, Сергей Иванович. А вы ведь бросились в нее с экватора. Без разведки. Да еще на старой, дряхлой «черепaxe». Да.

Горбовский закинул руки за голову и уставился в потолок. Кондратьев никак не мог понять, одобряют его или осуждают.

— Так ведь, Леонид Андреевич, — сказал он, — как я мог вернуться на Землю и заявить — так, мол, и так, летел десять лет, долетел до планеты, был около и вернулся. Вы понимаете, был о к о л о и вернулся! С пустыми руками! Да вы бы первый меня осмеяли. Ведь верно же?

— Да, — сказал Горбовский. — Пожалуй. Все равно, это было очень дерзко.

И опять Кондратьев не понял, одобряют его или осуждают. Горбовский оглушительно чихнул и быстро сел, спустив с кушетки ноги.

— Извините, — сказал он и снова чихнул. — Я опять простудился. Провалиешься ночь на бережку — и сразу насморк.

— А зачем это — на бережку? — осторожно спросил штурман.

— Ну как же, Сергей Иванович? На бережку лужайка, травка, приятно так рыбка плещется в заводи... — Горбовский опять чихнул. — Извините... И луна на воде — «дорожка к счастью», знаете?

— «Дорожка к счастью» хороша на море, — сказал Кондратьев мечтательно.

— Ну, не скажите. Я сам из Торжка, речушка у нас там маленькая, но очень чистая. А в заводях — кувшинки. Ах, как отлично!

— Ага, — сказал Кондратьев улыбаясь, — в мое время это называлось «тоска по голубому небу».

— Это и сейчас так называется. А на море... Я как-то сидел — на Гаваях это было — ночью, луна изумительная, где-то девушки поют, и вдруг из воды как полезли, полезли какие-то... в рогатых костюмах...

— Кто?!

— Эти... спортсмены...

Кондратьев хохотнул.

— Нет уж, Леонид Андреевич, — сказал он. — Море вы не трогайте. Я и сам не прочь так... в рогатом костюме! А куда вы сейчас ходили, Леонид Андреевич?

Горбовский махнул рукой и лег опять.

— А, — сказал он. — Брожу к Венере и обратно. Нужно возить добровольцев. Славные ребята — добровольцы. Только очень шумные, едят ужасно много и все, знаете, рвутся на смертоубийственные подвиги.

Кондратьев с интересом спросил:

— А как вы смотрите на проект, Леонид Андреевич?

— Очень правильный проект, — сказал Горбовский. — Я его составлял. Не я один, конечно, но я тоже участвовал. В молодости мне много приходилось иметь дела с Венерой. Злая, злая планета. Да вы, наверное, сами знаете...

— По-моему, очень скучно возить добровольцев на Д-космолете, — сказал Кондратьев.

— Да, конечно, задачи у Д-космолетов несколько иные. Вот я, например, на своем «Тариэле», когда все это закончится, пойду к ЕН 17 — это на пределе, двенадцать

парсеков. Там есть планета Владислава, и у нее — два чужих искусственных спутника. Мы будем искать там город. Это очень интересно — искать чужие города, Сергей Иванович!

— Какие — чужие?

— Чужие... Их не земляне строили. Знаете, Сергей Иванович, вас как звездолетчика, наверное, интересует, чем мы сейчас занимаемся. Я приготовил для вас специально небольшую лекцию и, если хотите, сейчас ее вам прочитаю, а?

— Ну конечно же!.. С удовольствием... Пожалуйста. — Кондратьев подтащил кресло поближе к кушетке.

Горбовский устался в потолок и начал:

— В зависимости от своих вкусов и наклонностей наши звездолетчики решают главным образом три задачи, но меня лично интересует четвертая. Ее многие считают слишком специальной, слишком безнадёжной, но, на мой взгляд, человек с воображением легко найдет в ней призвание. Тем не менее есть люди, которые утверждают, что она ни при каких условиях не может оправдать затраченного горючего. Так говорят снобы и утилитаристы. А мы отвечаем им на это...

— Виноват, в чем, собственно, состоит эта четвертая задача? — осведомился Кондратьев. — И заодно — первые три?

Горбовский некоторое время молчал, глядя на Кондратьева и помаргивая:

— Да, — сказал он наконец, — лекция, кажется, не получилась. Я начал с середины. Первые три задачи — это... двоечничество: планетологические, астрофизические и космогонические исследования. Затем — проверка и дальнейшая разработка Д-принципа, то есть берут новый, с иголки, Д-космолет и гоняют его у светового барьера до изнеможения. И, наконец, попытки установить контакт с иными цивилизациями в Космосе; в общем, пока тщетные попытки. Моя любимая задача тоже связана с иными цивилизациями. Только мы ищем не контакты, а следы. Следы побывок чужих космолетчиков на разных мирах. Некоторые утверждают, что эта задача ни при каких условиях не может оправдать... Или я это уже говорил?

— Говорили, — сказал Кондратьев. — А что это все-таки за следы?

— Видите ли, Сергей Иванович, каждая цивилизация должна оставлять множество следов. Возьмите хотя бы нас, человечество. Как мы осваиваем новую планету? Мы ставим возле нее искусственные спутники, от Солнца до нее тянется длинная цепь радиобакенов — по два-три бакена на световой год, — маяки, всевозможные пеленгаторы... Если нам удастся высадиться, мы строим на планете базы, научные города. И не берем же мы все это с собой, когда покидаем планету! Вот так же и другие цивилизации.

— И нашли вы что-нибудь? — спросил Кондратьев.

— А как же! Фобос и Деймос — ну, это вы, конечно, знаете. Подземный город на Марсе, искусственные спутники у Владиславы... Вот куда я полечу. Очень интересные искусственные спутники. Да. Вот чем мы, в общем, занимаемся, Сергей Иванович.

— Интересно, — сказал Кондратьев. — Только я, будь моя воля, выбрал бы все-таки исследования Д-принципа.

— Ну, это зависит от вкусов и наклонностей. А сейчас все мы возим добровольцев. Даже гордые исследователи Д-принципа. Мы сейчас — как в ваше время кучера трамваев...

— В наше время уже не было трамваев, — сказал с негодованием Кондратьев. — И трамваи водили не кучера, а... м-м-м... Это как-то по-другому называлось. — Его вдруг осенило: — Слушайте, Леонид Андреевич, а что, если мы с вами сейчас пообедаем? И бутылочку винца...

Горбовский чихнул, сказал «извините» и сел.

— Постойте, Сергей Иванович, — сказал он, доставая из кармана огромный цветастый носовой платок. — Постойте... Я вам сказал, для чего я к вам пришел?

— Чтобы поговорить как звездолетчик со звездолетчиком.

— Правда. А больше ничего не сказал? Нет?

— Нет. Вас сразу очень заинтересовала кушетка.

— Ага. — Горбовский задумчиво высморкался. — Вы, случайно, не знаете океанолога Званцева?

— Я знаю только врача Протоса, — печально сказал Кондратьев. — И вот с вами познакомился.

— Отлично! Вы знаете Протоса, Протос хорошо знает Званцева, а я хорошо знаю Протоса и Званцева... В общем, Званцев сейчас придет. Николай Евсеевич его зовут.

— Вот хорошо-то! — обрадованно сказал Кондратьев. — Пообедаем втроем. А то мне, знаете, как-то одиноко все...

Послышалось пение сигнала. Кондратьев вскочил.

— Это он, — сказал Горбовский и снова улегся.

Океанолог Званцев был громадного роста и чрезвычайно широк в плечах. У него было круглое, медного цвета лицо, густые темные, коротко остриженные волосы, большие, стального оттенка глаза и прямой маленький рот. Он молча пожал Кондратьеву руку, покосился на Горбовского и сел.

— Вы тут посидите, — сказал Кондратьев, — а я пойду закажу обед. Вы что любите, Николай Евсеевич?

— Я все люблю, — сказал Званцев. — И он тоже все любит.

— Да, я все люблю, — сказал Горбовский. — Только, пожалуйста, не надо овсяного киселя.

— Ладно, — сказал Кондратьев и пошел на кухню.

— И цветной капусты не надо! — крикнул Горбовский вслед.

Набирая шифры у окна Линии Доставки, Кондратьев думал: «Они пришли неспроста. Они умные и добрые люди, значит, они пришли не из пустого любопытства, они пришли мне помочь. Они люди энергичные и деятельные, значит, вряд ли они пришли утешать. Но как они думают помочь? Мне нужно только одно...» Кондратьев зажмурился и немного постоял неподвижно, упираясь рукой в крышку окна Доставки. Из гостиной доносилось:

— Ты опять валяешься, Леонид! Есть в тебе что-то от мимикродона.

— Валяться нужно, — с глубокой убежденностью отвечал Горбовский. — Это философски необходимо. Бессмысленные движения руками и ногами неуклонно увеличивают энтропию Вселенной. Я хотел бы сказать миру: «Люди! Больше лежите! Бойтесь тепловой смерти!»

— Удивляюсь, как ты еще не перешел на ползание.

— Я думал об этом. Слишком велико трение. С энтропийной точки зрения выгоднее перемещаться в вертикальном положении.

— Словоблуд! — сказал Званцев. — А ну вставай!

Кондратьев отодвинул крышку и расставил на столе пиалы и тарелки.

— Кушать подано! — крикнул он насильственно-веселым голосом. «Ну, держись, Сергей Иванович», — подумал он.

В гостиной завозились, и Горбовский откликнулся:

— Сейчас меня принесут!

Впрочем, в столовой он появился в вертикальном положении.

— Вы его извините, Сергей Иванович, — сказал Званцев, появляясь следом. — Он везде валяется. Причем сначала валяется в траве, а потом, не почистившись, лезет на кушетку.

— Где в траве? Где? — закричал Горбовский и принялся себя осматривать.

Кондратьев с трудом улыбался.

— Ну, вот что, — сказал Званцев, усаживаясь за стол. — По вашему лицу, Сергей Иванович, я вижу, что преамбулы не нужно. Мы с Горбовским пришли вербовать вас на работу.

— Спасибо, — тихо сказал Кондратьев.

— Я океанолог и давно работаю в организации, которая называется «Океанская охрана». Мы выращиваем планктон — это протеин — и пасем китов — это мясо, жир, шкуры, химия. Врач Протос сказал нам, что вам категорически запрещено покидать Планету. А нам всегда нужны люди. Особенно сейчас, когда многие уходят от нас в проект «Венера». Я приглашаю вас к нам.

Наступило молчание. Горбовский, ни на кого не глядя, истово хлебал суп. Званцев тоже начал есть. Кондратьев крошил хлеб.

— Я готов, — пробормотал он. — Если вы считаете, Николай Евсеевич, что я справлюсь, я готов.

— Вы справитесь, — уверенно сказал Званцев.

— Изъяснись подробнее, — сказал Горбовский, — чем Сергей Иванович может у вас там заниматься.

— Можно смотрителем на плантации ламинарий, — стал перечислять Званцев. — Можно в охрану на планктонные плантации. Можно в патруль, но там нужна очень высокая квалификация, это со временем. А лучше всего — китовым пастухом. Идите-ка вы, Сергей Иванович, в китовые пастухи. — Он положил нож и вилку. — Как я жалею, что ушел из китовых пастухов в океанологию! Какие это были годы, Сергей Иванович!

Горбовский с любопытством на него посмотрел.

— Рано-рано утром... Океан тихий, ни волны, ни ветерка... Розовое небо на востоке... Всплывешь на поверхность, откинешь крышку люка, выберешься на башенку и сидишь, сидишь, сидишь... Вода под ногами зеленая, чистая, из глубины поднимется медуза, перевернется и уйдет под субмарину... Рыба большая лениво так это проплывет... Хорошо!..

Кондратьев взглянул в его лицо, мечтательно-ублагодтворенное, и вдруг ему так нестерпимо захотелось немедленно сейчас же на океан, на соленый воздух, что он даже дышать перестал.

— А когда киты переходят на новые пастбища! — продолжал Званцев. — Знаете, как это выглядит? Впереди и сзади идут старые самцы, по два, по три в стаде, огромные, иссиня-черные, мчатся плавно, будто и не они мчатся, а вода мимо них несется... Идут по прямой, а молодежь и щенные самки — за ними... Старики ведь у нас ручные, ведут, куда мы хотим, но им помогать надо. Особенно когда в стаде подрастают молодые самцы — те всегда норовят стадо расколоть и увести часть с собой. Вот тут-то нам и работа. Вот тут и начинается настоящее дело. Или вдруг касатки нападут... Ну, с ними разговор короткий — акустическими пушками...

Он внезапно очнулся и посмотрел на Кондратьева совершенно трезвым взглядом.

— Одним словом, здесь все есть. И просторы, и глубины, и большая польза для людей, и добрые товарищи... и приключения... если захотите особенно.

— Да, — с чувством сказал Кондратьев.

Званцев улыбнулся.

— Готов, — сказал Горбовский. — И я тоже готов. Ну их, эти Д-звездолеты. Хочу, как Коля, на башенке... и чтобы медузы...

— Теперь так, — деловито сказал Званцев. — Я отвезу вас во Владивосток. Занятия в школе переподготовки начинаются через два дня. Вы уже пообедали?

— Пообедал, — сказал Кондратьев.

«Работа, — думал он. — Вот она, настоящая работа!»

— Тогда поедem, — сказал Званцев поднимаясь.

— Куда?

— На аэродром.

— Прямо сейчас?

— Ну конечно, прямо сейчас. А чего ждать?

— Ждать, конечно, нечего, — растерянно сказал Кондратьев. — Только...

Он спохватился и принялся быстро слегка трясущими-ся руками убирать посуду. Горбовский, доедая банан, помогал ему.

— Вы езжайте, — сказал он, — а я тут останусь. Полежу, почитаю. У меня рейс в двадцать один тридцать.

Они вышли в гостиную, и штурман растерянно оглядел комнату. Он с отчетливостью подумал, что, куда бы он ни приехал на этой странной планете праправнуков, всюду в его распоряжении будет такой вот прекрасный тихий домик, и добрые соседи, и книги, и стереовизор, и сад за окном...

— Вот, — сказал он с грустью, — пожил здесь всего неделю...

Званцев переминался с ноги на ногу. Видимо, ему было непонятно, что переживает экс-штурман.

— Поедем, — сказал Кондратьев. — До свиданья, Леонид Андреевич. Спасибо вам за ласку.

Горбовский уже умащивался на кушетке.

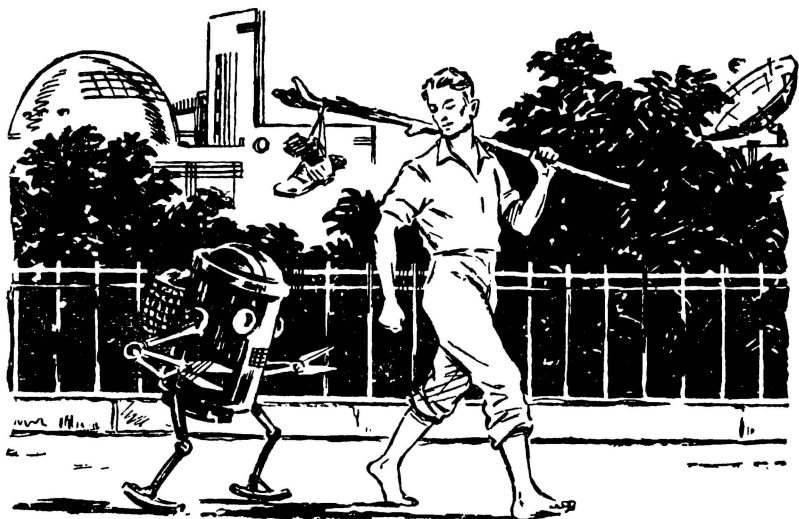
— До свиданья, Сергей Иванович, — сказал он. — Мы еще много раз увидимся.

Кондратьев затворил за собой дверь и вслед за Званцевым вышел в сад. Они пошли рядом по песчаной дорожке.

— Николай Евсеевич, — сказал Кондратьев. — Почему вы так заинтересовались моей скромной персоной? Вы обо всех здесь так заботитесь?

— Нет, — просто ответил Званцев. — О других заботиться не надо. Они хозяева. А вы пока гость. А почему именно мы... Видите ли, Сергей Иванович, и я и Леня Горбовский в свое время были весьма тяжелыми пациентами у врача Протоса. Он нас, как видите, спас. И он наш друг на всю жизнь. И он попросил помочь вам.

— Ага, — сказал Кондратьев. Он остановился. — Вот что, Николай Евсеевич, — сказал он решительно, — Женьке Слаvinу я позвоню с дороги, а сейчас едем к врачу Протосу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЮДИ, ЛЮДИ...

ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Когда ранним утром Поль Гнедых вступил на улицы фермы «Волга-Единорог», люди подолгу глядели ему вслед. Поль был нарочито небрит и бос. На плече он нес суковатую дубину, на конце которой болтались связанные бечевкой пыльные ботинки. Возле решетчатой башни микропогодной установки за Полем увязался кибердворник. За ажурной изгородью одного из домиков раздался многоголосый смех, и хорошенькая девушка, стоявшая на крыльце с полотенцем в руках, осведомилась на всю улицу: «От святых мест бредете, странничек?» Сейчас же с другой стороны улицы послышался вопрос: «А нет ли опиума для народа?» Затея удавалась на славу. Поль приосанился и громко запел:

Не страшны мне, молодцу,
Ни стужа, ни мороз.
Я ботиночки
На палочке
В бумажечке
В корзиночке
За тысячу километров
Протопанной тропиночкой
К сапожничку
В починочку
Тирьям-пам-пам
Понес!

В изумленной тишине раздался испуганный голос: «Что это он?» Тогда Поль остановился, отпихнул ногой кибера и спросил в пространство:

— Не знает ли кто, где здесь найти Александра Костылина?

Несколько голосов вперебой объяснили, что «Саша сейчас скорее всего в лаборатории, во-он в том здании».

— Ошую, — добавил одинокий голос после короткой паузы.

Поль вежливо поблагодарил и двинулся дальше. Здание лаборатории было низкое, круглое, голубого цвета. В дверях стоял, прислонившись к косяку и скрестив на груди руки, белобрысый веснушчатый юноша в белом халате. Поль поднялся по ступенькам и остановился. Белобрысый юноша глядел на него безмятежно.

— Могу я видеть Костылина? — спросил Поль.

Юноша провел глазами по Полю, заглянул через его плечо на ботинки, посмотрел на кибердворника, который покачивался ступенькой ниже Поля, жаждающе растопырив манипуляторы, и, слегка повернув голову, позвал негромко:

— Саша, а Саша! Выйди на минутку. К тебе здесь какой-то потерпевший.

— Пусть зайдет, — пророкотал из недр лаборатории знакомый бас.

Белобрысый юноша снова оглядел Поля.

— Ему нельзя, — сказал он. — Он сильно септический.

— Так продезинфицируй его, — донеслось из лаборатории. — Я с удовольствием подожду.

— Долго же тебе придется... — начал юноша.

И тут Поль жалобно воззвал:

— Виу, Саша! Это же я, твой Полли!

В лаборатории что-то с громом упало, из дверей пахнуло прохладным воздухом, как из тоннеля метро, белобрысого юношу отнесло в сторону, и на пороге возник Александр Костылин, огромный, широкий, в гигантском белом халате. Руки его с растопыренными пальцами были чем-то густо смазаны и он держал их в стороны, как хирург во время операции.

— Виу, Полли! — заорал он, и ополоумевший кибердворник скатился с крыльца и кинулся вдоль улицы.

Поль бросил свою дубину и беззаветно ринулся в объятия белого халата. Кости его хрустнули. «Вот тут мне и конец», — подумал он и просипел:

— Прощай... Саша... милый...

— Полли... Маленький Полли! — басисто ворковал Костылин, тиская Поля локтями. — До чего же здорово, что ты здесь!

Поль боролся, как лев, и ему наконец удалось освободиться. Белобрысый юноша, со страхом следивший за сценой встречи, облегченно вздохнул, подобрал дубину с ботинками и подал ее Полю.

— Ну, как ты? — спросил Костылин, улыбаясь во весь рот.

— Ничего, спасибо, — сказал Поль. — Жив.

— А мы здесь, как видишь, крестьянствуем, — сказал Костылин. — Кормим вас, дармоедов...

— Вид у тебя очень внушительный, — сказал Поль.

Костылин посмотрел на свои руки.

— Да, — сказал он, — я забыл. — Он повернулся к белобрысому юноше. — Федя, докончи уж сам. Видишь, ко мне Полли приехал. Маленький Либер Полли.

— А может быть, все-таки плюнем? — сказал белобрысый Федя. — Ясно ведь, что не получается.

— Нет, надо закончить, — сказал Костылин. — Ты уж закончи, пожалуйста.

— Ладно, — неохотно сказал Федя и ушел в лабораторию.

Костылин схватил Поля за плечи и с расстояния вытянутой руки принялся его осматривать.

— Ну ничуть не вырос! — сказал он нежно. — Корма у вас там плохие, что ли?.. Постой-ка... — Он озабоченно

нахмурился: — У тебя что, птерокар сломался? Что это за вид?

Поль довольно ухмыльнулся.

— Нет, — сказал он. — Я играю в странника. Я иду от самой Большой Дороги.

— Ого! — На лице Костылина изобразилось привычное уважение. — Триста километров! И как?

— Отлично, — сказал Поль. — Только вот ванну бы. И переодеться.

Костылин счастливо улыбнулся и поволок Поля с крыльца.

— Пойдем, — сказал он. — Сейчас тебе все будет. И ванна, и молочко...

Он шагал посредине улицы, волоча за собой спотыкающегося Поля, и приговаривал, размахивая дубинкой с ботинками:

— ...и чистая рубаха... и целые штаны... и массаж... и ионный душик... и раз-два по шее за то, что не писал... и привет от Атоса... и два письма от учителя...

— Да ну! Вот здорово! — восклицал Поль. — Это здорово!

— Да-да, все будет... И про блуждающие огни... Помнишь блуждающие огни?.. И как я чуть не женился...

На ферме начинался рабочий день. Улица была полна народу, ребят и девушек, одетых очень пестро и незамысловато. Перед Костылиным и Полем народ в веселом изумлении расступался. Слышались возгласы:

— Странника ведут!

— На вивисекцию, болезного!

— Это новый гибрид?

— Саша, он дает мясо с живого тела?

— Саша, погоди, дай посмотреть!

По толпе распространился слух, что ночью близ лаборатории Костылина сел второй «Таймыр».

— Восемнадцатого века, — уверял кто-то. — А экипаж раздают сотрудникам на предмет сравнительной анатомии.

Костылин отмахивался дубиной, а Поль весело скалил зубы.

— Люблю гласность, — приговаривал он.

В толпе прекрасными голосами пели: «Не страшны мне, молодцу, ни стужа, ни мороз...»

Странник Поль сидел на широкой деревянной скамье за широким деревянным столом в кустах смородины. Утреннее солнце приятно обжигало его стерильно чистую спину. Поль блаженствовал. В руке у него была громадная кружка с клюквенным морсом. Напротив сидел и умиленно глядел на него Александр Костылин, тоже голый по пояс и с мокрыми волосами.

— Я всегда утверждал, что Атос — великий человек, — говорил Поль, делая широкие движения кружкой. — У него была самая ясная голова, и он лучше всех нас знал, чего он хочет.

— Э, нет, — сказал Костылин ласково. — Лучше всех видел цель Капитан. И шел самой прямой дорогой.

Поль отхлебнул из кружки и подумал.

— Пожалуй, — сказал он. — Капитан хотел быть звездолетчиком, и он стал звездолетчиком.

— Ага, — сказал Костылин. — А Атос все-таки больше биолог, чем звездолетчик.

— Зато какой биолог! — Поль поднял палец. — Честное слово, я все время хвастаюсь, что дружил с ним в школе.

— Я тоже хвастаюсь, — согласился Костылин. — Но подожди пяток лет, и мы будем хвастаться дружбой с Капитаном.

— Да, — сказал Поль. — А вот я мотаюсь, как жесть по ветру. Все хочется попробовать. Ты вот ругался, что я не пишу. — Он со вздохом поставил кружку. — Не могу я писать, когда чем-нибудь занят. Неинтересно мне писать. Пока работаешь над темой, неинтересно писать, потому что все впереди. А когда кончаешь — неинтересно писать, потому что все позади... И не знаешь, что впереди. Знаешь, Лин, у меня все как-то по-дурацки получается. Вот я четыре года работал по теоретической сервомеханике. Мы вдвоем с одной девчонкой решали проблему Чеботарева — помнишь, нам учитель рассказывал? Решили, построили два очень хороших регулятора... В девчонку эту я несчастным образом влюбился... А потом все кончилось и... все кончилось.

— То есть вы не поженились? — сочувственно сказал Лин.

— Да не в этом дело. Просто у других людей, когда они работают, всегда возникают какие-то новые идеи, а у меня нет. Работа кончена, и больше мне неинтересно.

За эти десять лет я переменял четыре специальности. А сейчас опять без идей. Дай, думаю, разыщу Сашку...
— Правильно! — басом сказал Лин. — Я тебе дам двадцать идей!

— Дай, — вяло сказал Поль. Он помрачнел и погрузил нос в кружку.

Лин с задумчивым интересом смотрел на него.

— Не заняться ли тебе эндокринологией? — предложил он.

— Можно эндокринологией, — сказал Поль. — Только слово уж очень трудное. И вообще, все эти идеи — сплошное томление духа.

Лин вдруг сказал вне видимой связи с предыдущим:

— Я скоро женюсь.

— Здорово! — сказал Поль печально. — Только не надо мне рассказывать скучными словами о своей счастливой любви. — Он оживился. — Счастливая любовь вообще скучна, — заявил он. — Это понимали еще древние. Никакого настоящего мастера идея счастливой любви не привлекала. Несчастливая любовь всегда была самоцелью великих произведений, а счастливая в лучшем случае — фоном.

Лин с сомнением поддакнул.

— Настоящая глубина чувств присуща только неразделенной любви, — продолжал Поль воодушевленно. — Несчастливая любовь делает человека активным, а счастливая умиротворяет, духовно кастрирует.

— Не огорчайся, Полли, — сказал Лин, — это все пройдет. Ведь несчастная любовь хороша тем, что она обычно коротка... Давай я тебе еще морса налью.

— Нет, Саша, — сказал Поль, — я думаю, это надолго. Ведь уже два года прошло. Она меня, наверное, и не помнит, а я... — Он посмотрел на Лина: — Ты извини, Саша, я понимаю, это очень противно, когда тебе плачут в жилетку. Только очень уж это все безысходно. Мне, понимаешь, здорово не везет в любви.

Лин кивнул беспомощно.

— Хочешь, я соединю тебя с учителем? — нерешительно спросил он.

Поль помотал головой и сказал:

— Нет. Я в таком виде с учителем говорить не хочу. Срамится только...

— М-да... — сказал Лин и подумал: «Что верно, то

верно. Учитель терпеть не может несчастных...» Он подозрительно посмотрел на Поля. А не играет ли хитроумный Полли в несчастного? Кушал он хорошо, приятно было смотреть, как кушал. И гласность любит по-прежнему.

— А помнишь проект «Октябрь»? — спросил Лин.

— Еще бы! — Поль снова оживился. — А ты понял, почему план провалился?

— Ну... как тебе сказать... Молодые были...

— Эх, ты! — сказал Поль. Он развеселился. — Ведь учитель нас нарочно на Вальтера натравил! А потом провалил нас на экзамене...

— На каком экзамене?

— Виу, Сашка! — закричал Поль в восторге. — Капитан был прав — ты единственный, кто ничего не понял!

Костылин медленно осознал.

— Да, конечно... — сказал он. — Нет, почему же? Я просто забыл. А помнишь, как Капитан испытывал нас на перегрузки?

— Это когда ты шоколадом объелся? — сказал Поль ехидно.

— А помнишь, как испытывали горючее для ракет? — поспешно вспомнил Лин.

— Да, — мечтательно сказал Поль. — Вот грохнуло!

— Шрам у меня до сих пор, — с гордостью сказал Лин. — Вот, пощупай. — Он повернулся к Полю спиной.

Поль с удовольствием пощупал.

— Хорошие мы были ребята, — сказал он. — Славные. А помнишь, как на общей линейке мы изобразили стадо ракопауков?

— Ух, шумно было! — вскричал Лин.

Это было поистине сладостное воспоминание.

Поль вдруг вскочил и с необыкновенной живостью изобразил ракопаука. Отвратительный скрежещущий вой многоногого чудовища, пробирающегося через джунгли страшной Пандоры, огласил окрестности. И, словно в ответ, издали донесся глубокий ревуший вздох. Поль испуганно замер.

— Это еще что? — спросил он.

Лин хохотнул.

— Эх ты, паук! Это коровы!

— Какие еще коровы? — с негодованием спросил Поль.

— Мясные, — объяснил Лин. — Изумительно вкусны в жареном и вареном виде.

— Слушай, Лин, — сказал Поль, — это достойные противники. Я хочу на них посмотреть. И вообще, я хочу посмотреть, что у вас тут делается,

Лицо Лина стало скучным.

— Брось ты, Полли, — сказал он. — Коровы как коровы. Давай посидим еще немножко. Я тебе морса принесу. А?

Но было уже поздно. Поль преисполнился энергии.

— Неизвестность зовет нас. Вперед, к мясным коровам, которые бросают вызов ракопаукам! Где моя рубашка? Какой-то племенной бык обещал мне чистую рубашку!

— Полли, Полли! — увещевал Лин. — Дались тебе эти коровы! Пойдем лучше в лабораторию.

— Я септический, — заявил Поль. — Не хочу в лабораторию. Хочу к коровам.

— Они тебя забодают, — сказал Лин и осекся. Это была ошибка.

— Правда? — сказал Полли с тихим восторгом. — Рубашку. Красную. Я устрою корриду.

Лин в отчаянии хлопнул себя ладонями по голым ляжкам.

— Вот навязался на мою голову!.. Ракоматодор!

Он встал и направился к дому. Когда он проходил мимо Поля, Поль встал на цыпочки, выгнулся и с большим изяществом проделал полуверонику. Лин замычал и боднул его в живот.

Увидев коров, Поль сразу понял, что корриды не будет. Под ярким горячим небом через густую, в рост человека, сочную траву уходящей за горизонт шеренгой медленно двигались исполинские пятнистые туши. Шеренга въедалась в мягкую зелень равнины, черная дымящаяся земля без единой травинки оставалась за нею. Устойчивый электрический запах висел над равниной — пахло озоном, горячим черноземом, травой и свежим навозом.

— Виу! — прошептал Поль и присел на кочку.

Шеренга двигалась мимо него. Школа, в которой Поль учился, находилась в зерновой области, и о скотоводах Поль знал немного и то, что знал, давно забыл. О мясных

коровах ему тоже думать не приходилось. Он просто ел говядину. А сейчас мимо него с гулом и непрерывным шуршанием, хрустя, чавкая и пережевывая, с душераздирающими вздохами проходило организованное стадо живого мяса. Время от времени какая-нибудь буренка вскидывала из травы огромную слюнявую морду, измазанную зеленью, и испускала глухой глубокий рев.

Затем Поль увидел киберов. Они шли на некотором расстоянии вслед за шеренгой, юркие плоские машины на широких мягких гусеницах. Они то и дело останавливались, копались в земле, отставали и забегали вперед. Их было немного, всего десятка полтора, и они со страшной скоростью носились вдоль шеренги, веером выбрасывая из-под гусениц влажные черные комья.

Вдруг темное облако закрыло солнце. Пошел крупный теплый дождь. Поль оглянулся на поселок, на белые домики, разбросанные в темной зелени садов. Ему показалось, что решетчатые параболоиды синоптических конденсаторов на ажурной башне микропогодной станции установлены прямо на него. Дождь прошел быстро, туча передвинулась вслед за стадом. Поль заинтересовался смутными силуэтами, которые неожиданно появились над горизонтом, но тут его стали кусать. Это были гадкого вида насекомые, маленькие, серые и с крылышками. Поль понял, что это мухи. Может быть, даже навозные. Поняв это, Поль вскочил на ноги и резво помчался в поселок. Мухи его не преследовали.

Поль перешел речку, остановился на берегу и некоторое время думал: искупаться или не искупаться? Решив, что купаться не стоит, он начал подниматься по тропинке к поселку. Он шел и думал: «И правильно, что меня дождем окатили. И мухи знают, на что садиться... Так мне и надо, тунейдцу. Все работают как люди. Капитан летает... Атос ловит блох на голубых звездах... Лин, счастливчик, кого-то режет... Ну за что мне такое? Почему я, честный работающий человек, должен чувствовать себя тунейдцем?» Он брел по тропинке и думал, как хорошо было в ту ночь, когда он нащупал-таки решение проблемы Чеботарева и поднял с постели Лиду и заставил все проверить, и, когда все оказалось правильным, она даже поцеловала его в щеку... Поль потрогал щеку и вздохнул. Здорово было бы сейчас зарыться в какую-нибудь ха-арошую проблему вроде теоремы Ферма!.. Но

в голове лишь звенящая пустота и только какой-то идиротский голос твердит: «Извлечем из чего-нибудь квадратный корень...»

На окраине поселка Поль снова остановился. Под развесистой черешней лежал на крыле одноместный птерокар. Возле птерокара с горестным видом сидел на корточках мальчик лет пятнадцати. Перед ним, однообразно жужжа, крутился в траве голенастый кибердворник. Кибердворнику было явно нехорошо.

Тень Поля упала на мальчика, мальчик поднял голову и встал.

— Я сел на него птерокаром, — с необыкновенно знакомым виноватым видом сказал он.

— И теперь ты очень раскаиваешься, не так ли? — спросил Поль голосом учителя.

— Я не нарочно, — сердито сказал мальчик.

Некоторое время они молча следили за эволюциями раздавленного кибера. Затем Поль решительно сел на корточки.

— Ну-с, посмотрим, что тут у нас, — сказал он и поймал кибера за манипулятор. Кибер заверещал.

— Больно мальчику, — нежно пропел Поль, запуская пальцы в систему регулировки. — Ла-апку нам поломали, бедному... Ла-апку.

Кибер заверещал снова, дернулся и затих. Мальчик облегченно вздохнул и тоже опустился на корточки.

— Это что, — пробормотал он. — А как он орал, когда я вылез из птерокара!..

— Ора-али мы, — ворковал Поль, свинчивая панцирь. — Акустика у нас хорошая, горластая... АКУ-6 системуха у нас, с продольной вибрацией... Модулированная пилообразненько... Та-ак... — Поль снял панцирь и осторожно положил его в траву. — А как же нас зовут?..

— Федя, — сказал мальчик. — Федор Скворцов.

Он с завистью следил за ловкими пальцами Поля.

— Кибердворник дядя Федя силой ровно в три медведя, — сообщил Поль, извлекая из недр кибердворника блок регулировки. — Я тут уже знаю одного Федю. Приятный такой, веснушчатый. Очень, очень асептический молодой человек. Это не твой родственник?

— Нет, — сказал мальчик весело. — Я здесь на практике. А вы кибернетист?

— Мы здесь проездом, — сказал Поль. — В поисках идей. У тебя нет какой завалашенькой идеи?

— У меня... Я... Вот в лаборатории у нас много идей, и ничего не получается.

— Понимаю, — бормотал Поль, копаясь в блоке регулировки. — Стаи идей бессмысленно носились в воздухе... Тут охотник выбегает, в ракопаука стреляет...

— А вы и на Пандоре были? — с завистью спросил мальчик.

Поль воровато огляделся и торопливо испустил вопль ракопаука, настигающего добычу.

— Здорово! — сказал мальчик Федя.

Поль собрал кибердворника, шлепнул его по вороньему задку, и кибердворник кинулся на солнцепек — набирать энергию.

— Прелестно! — сказал Поль и вытер руки о штаны. — Теперь посмотрим, что у нас с птерокаром...

— Нет-нет, пожалуйста... — быстро заговорил мальчик Федя. — Птерокар я сам, честное слово...

— Ах, сам, — сказал Поль. — Тогда пойду умою руки. А кто твой учитель?

— Мой учитель — Николай Кузьмич Белка, океанолог, — сказал мальчик и ошетинился.

Поль не рискнул сострить, молча похлопал мальчика по плечу и пошел своей дорогой. Он чувствовал себя гораздо лучше. Он уже миновал первые два квартала поселка, когда над ним с шелестом пронесся знакомый птерокар и мальчишеский голос, невыносимо фальшивя, изобразил вопль ракопаука, настигающего добычу.

Задумавшись, Поль налетел на двухголового теленка. Теленок шархнул в сторону и уставился на Поля обеими парами глаз. Затем он потянулся левой головой к траве под ногами, а правой — к ветке сирени, нависшей над дорогой. Тут его хлестнули хворостиной, и он, брыкаясь, побежал дальше. Двухголового теленка погоняла очень симпатичная загорелая девушка в цветастом сарафане и в соломенной шляпе набекрень. Поль ошалело пробормотал:

— «Пастушка младая на рынок спешит...»

— Что? — спросила девушка, останавливаясь.

Нет, она была не просто очень симпатичная. Она бы-

ла просто очень красивая. Такая красивая, что не могла не быть умной, такая умная, что не могла не быть славной, такая славная, что... Полю захотелось немедленно стать высоким и плечистым, с ясным лбом и спокойными глазами. Зигзагом пронеслась мысль: «Во всяком случае, надо быть остроумным». Он сказал:

— Меня зовут Поль.

Девушка ответила:

— Меня зовут Ирина. Вы что-то сказали, Поль?

Поль вспотел. Девушка ждала, нетерпеливо поглядывая вслед удаляющемуся теленку. Мысли в голове Поля неслись в три слоя. «Извлечем корень квадратный... Амур стреляет из двухствольного карабина... Сейчас она решит, что я заика...» О! Заика — это мысль.

— В-вы т-торопитесь, я вижу, — сказал он, изо всех сил заикаясь. — Й-я н-найду вас вечером... М-можно?

— Конечно. — Девушка явно обрадовалась.

— Д-до вечера, — сказал Поль и пошел прочь. «Поговорил, — думал он. — П-побеседовал. Фейерверк остроумия». Он представил себя в момент этой беседы и даже застонал через нос от неловкости.

Где-то совсем близко взревел громкоговоритель:

— Всех свободных специалистов по анестезии просят зайти в третью лабораторию! Вызывает Потапенко. Есть идея. Всех свободных специалистов по анестезии просят зайти в третью лабораторию. И не ломитесь, как в прошлый раз, в главное здание. В третью лабораторию! В третью лабораторию!

«Почему я не специалист по анестезии? — подумал Поль. — Уж я бы не стал ломиться в главное здание...» Мимо, посередине улицы, стремительно пронеслись, прижав локти к бокам, две девицы в коротких штанах, — вероятно, специалисты.

В поселке было тихо и пусто. На идеально чистом перекрестке томился на солнце одинокий кибердворник. Поль из жалости бросил ему горсть листьев — кибер сейчас же ожил и принялся за работу. «Ни в одном городе я не встречал столько кибердворников, — подумал Поль. — Впрочем, ферма скотоводческая, всякое случается...»

Позади раздался дробный грохот копыт. Поль испуганно обернулся, и сейчас же мимо него стремительно пронеслись четыре взмыленные лошади. На передней,

пригнувшись к самой гриве, мчался дочерна загорелый, лоснящийся от пота парень в коротких белых трусиках. Остальные кони были без седоков. У низкого здания в двадцати метрах от Поля парень на полном скаку слетел с коня прямо на ступеньки крыльца, пронзительно свистнул и скрылся за дверью. Кони, храпя и задирая головы, описали полукруг и вернулись к крыльцу. Поль даже не успел как следует позавидовать. Из низкого здания выбежали трое парней и девушка, не останавливаясь, вскочили на коней и тем же бешеным аллюром промчались мимо Поля в обратную сторону. Они уже заворачивали за угол, когда на крыльцо выскочил парень в белых трусиках и крикнул им вслед:

— Образцы везите прямо на станцию! Алешка-а!..

На улице уже никого не было. Парень постоял немного, вытер лоб и вернулся в здание. Поль вздохнул и пошел дальше.

На пороге костылинской лаборатории он остановился и прислушался. Доносившиеся звуки показались ему странными. Глухой удар. Тяжелый вздох. Что-то задвигалось. Скучный голос произнес: «Верно». Тишина. Снова глухой удар. Поль оглянулся на залитую солнцем площадь лаборатории. Голос Костылина сказал: «Врешь. Становись». Глухой удар. Поль вошел в прихожую и увидел белую дверь с надписью «Лаборатория живого мяса». За дверью скучный голос сказал: «Собственно, почему мы все время берем мясо с бедра? Можно брать со спины». Костылин пробасил: «Сибиряки пробовали, у них не получилось». Снова глухой удар.

Поль подошел к двери, и она бесшумно открылась. В лаборатории было много света, и вдоль стен сияли матовой белизной странные на вид установки, темнели вделанные в стену обширные стекла. Поль спросил:

— Септическому можно?

Никто не ответил. В лаборатории было человек десять. Вид у всех был угрюмоватый и задумчивый. Трое сидели рядышком на большой низкой скамье и молчали. Они смотрели на Поля без всякого выражения. Двое сидели спиной к двери, у дальней стены, сблизив головы, и что-то читали. В углу полукругом собрались остальные. В центре полукруга лицом к стене возвышался Сашка Лин. Правой рукой он прикрывал лицо, левую ладонь просунул под правую мышку. Стоявший в полукруге вес-

нушчатый Федя с размаху грохнул его по левой ладони. Полукруг шевельнулся, выбросил вперед кулаки с поднятым большим пальцем. Костылин молча повернулся и указал на одного, тот молча покачал головой, и Костылин принял прежнюю позу.

— Так можно септическому? — снова спросил Поль. — Или я не вовремя?

— Странник, — сказал один из сидящих на скамье скучным голосом. — Заходите, странник. Мы здесь все септические.

Поль вошел. Человек со скучным голосом произнес в пространство:

— Крестьяне, я предлагаю просмотреть анализы еще раз. Может быть, белка все-таки мало.

— Белка даже больше, чем мы рассчитывали, — сказал кто-то из играющих в странную игру.

Воцарилось гнетущее молчание, только ухали удары и кто-нибудь произносил время от времени: «Врешь, не угадал».

«Эге! — подумал Поль. — А плохи дела у лаборатории живого мяса».

Гибкий черноволосый японец вскочил со скамьи и стремительно прошелся по комнате.

— Больше так нельзя! — сказал он яростно. — Все неверно. Сама идея ложна. Да, ложна! Надо пересматривать все. Сначала. Просто мы боимся начинать сначала! — Он остановился. — Слушает меня кто-нибудь? Что за манера молчать!

— Все слушают, — сказал человек со скучным голосом. — А что толку?

Костылин растолкал играющих и вышел на середину комнаты.

— Предложение, — объявил он бодро. (Все повернулись к нему, даже сидевшие над записями.) — Пойдемте купаться.

— Пойдемте, — решительно сказал японец. — Надо начинать думать сначала.

Больше на предложение не откликнулся никто. Специалисты по живому мясу разбрелись по комнате и снова замолчали.

Костылин подошел к Полю и обнял его за плечи.

— Пойдем, Полли, — сказал он грустно. — Пойдем, мальчик. Не будем огорчаться, верно?

— Ну конечно, Лин! — сказал Поль. — Не получается сегодня, получится послезавтра.

Они вышли на солнечную улицу.

— Ты не стесняйся, Лин, — сказал Поль. — Не стесняйся, поплачь мне в жилетку. Не стесняйся.

На Планете было около ста тысяч скотоводческих ферм. Были фермы, разводившие коров, были фермы, разводившие свиней, были фермы, разводившие слонов, антилоп, коз, лам, овец. В среднем течении Нила работали две фермы, где пытались разводить гиппопотамов.

На Планете было около двухсот тысяч зерновых ферм. Там выращивали рожь, пшеницу, кукурузу, гречу, просо, маис, рис, гаолян. Были фермы специализированные, как ферма «Волга-Единорог», и широкого профиля. Все вместе они составляли основу изобилия — гигантский, предельно автоматизированный комбинат, производящий продукты питания, — все, начиная от свинины и картофеля и кончая устрицами и манго. Никакие стихийные бедствия, никакие катастрофы не грозили теперь Планете недородом и голодом. Раз и навсегда установившаяся система изобильного производства поддерживалась совершенно автоматически и развивалась столь стремительно, что приходилось принимать специальные меры против перепроизводства. Проблема питания перестала существовать так же, как никогда не существовала проблема дыхания.

К вечеру Поль уже имел представление, хотя и самое общее, о том, чем заняты скотоводы. Ферма «Волга» была одной из нескольких тысяч скотоводческих ферм умеренного пояса Планеты. Судя по всему, здесь можно было заниматься практической генетикой, эмбриомеханической ветеринарией, продовольственным рядом экономической статистики, зоопсихологией и агрологической кибернетикой. Поль встретил здесь также одного почвовед, который явно бездельничал: пил парное молоко, ухаживал напропалую за хорошенькой зоопсихологической и все звал ее на болота Амазонки, где еще есть чем заняться уважающему себя почвоведу.

В стаде «Волга-Единорог» было около шестидесяти тысяч голов. Полю очень понравилась полная автономность стада — с утра и до утра всех коров вместе и каж-

дую в отдельности обслуживали исключительно киберы и ветавтоматы. Стадо же, в свою очередь, с утра и до утра обслуживало перерабатывающий комбинат Линии Доставки, с одной стороны, и непрерывно растущие научные потребности скотоводов — с другой. Например, можно было связаться с диспетчерской и потребовать у дежурного пастуха корову семисот двадцати двух дней от роду, такой-то масти и с такими-то параметрами, ведущую род от племенного быка Миколая 2-го. Через полчаса названное животное в сопровождении заляпанного навозом кибера будет ждать вас в приемном боксе, скажем, генетической лаборатории.

Кстати, именно лаборатория генетики занималась самыми сумасшедшими экспериментами и служила постоянным источником некоторых трений между фермой и перерабатывающим комбинатом, — работники комбината, скромные и свирепые стражи мировой гастрономии, приходили в неистовство, обнаруживая в очередной партии коров чудовищную скотину, по виду и, главное, по вкусу больше всего напоминающую тихоокеанского краба. На ферму немедленно прибывал представитель комбината. Он сразу же шел в лабораторию генетики и требовал «автора этой неаппетитной шутки». В качестве авторов неизменно откликались все сто восемьдесят сотрудников лаборатории генетики (не считая школьников-практикантов). Представитель комбината сдержанно напоминал, что ферма и комбинат предназначены для бесперебойного снабжения Линии Доставки говядиной во всех видах, а не лягушечьими лапками и не консервированными медузами. Сто восемьдесят прогрессивно настроенных генетиков в один голос возражали против такого узкого подхода к проблеме снабжения. Им, генетикам, кажется странным, что такой опытный и знающий работник, как имярек, придерживается столь консервативных взглядов и не придает никакого значения рекламе, которая, как известно, для того и существует, чтобы изменять и совершенствовать вкусы населения. Представитель комбината напоминал, что ни один новый пищевой продукт не может быть запущен в распределительную сеть без апробации Академии Здравоохранения. (Выкрики из толпы генетиков: «Консерваторы от пищеварения!» «Общество друзей аппендикса!») Представитель комбината разводил руками и всем своим видом показывал, что

ничем не может помочь. Выкрики переходили в глухое ворчание и вскоре замолкали: авторитет Академии Здравоохранения громаден. Затем представителя комбината вели по лабораториям, чтобы показать «кое-что новенькое». Представитель комбината бледнел, отшатывался и требовал клятвы, что «все это» совершенно несъедобно. В ответ ему давали на дегустацию мясо, которое не требовало специй, мясо, которое не нужно было солить, мясо, которое таяло во рту, как мороженое, спецмясо для космонавтов и ядерных техников, спецмясо для будущих матерей и даже мясо, которое можно было есть сырым. Представитель комбината дегустировал, восхищенно кричал: «Вот это хорошо! Вот это славно!» — и требовал клятвы, что «все это» выйдет из области эксперимента уже в следующем году. Совершенно успокоившись, он прощался и уезжал, а через месяц все начиналось сначала.

Собранная за день информация окрылила Поля и внушила ему уверенность в том, что здесь есть чем заняться. «Для начала я пойду в кибернетисты, буду пасти коров, — рассуждал Польш, сидя на открытой веранде кафе и рассеянно глядя на стакан газированной простокваши. — Половину кибердворников выгоню в поле. Пусть ловят мух. По вечерам буду заниматься с генетиками. Хорошо, если бы Ирина оказалась генетиком. Меня бы, конечно, прикрепили к ней. Каждое утро я посылал бы ей кибера с букетом цветов. И каждый вечер». Польш отпил простокваши и посмотрел вниз, на черное поле за рекой. Там уже слабо зеленела молодая травка. «Хитроумно! — подумал Польш. — Завтра киберы повернут стадо и погонят обратно. Вот они, челночные пастбища. Однако рутина, не вижу новых принципов. Мы с Ириной выведем коров, которые будут жрать землю. Как дождевые черви. Вот будет весело! Вот только Академия Здравоохранения...»

На веранду, шумно споря о смысле жизни, ввалилась большая компания и сразу принялась сдвигать столики. Кто-то бубнил:

— Человек умирает, и ему все равно — наследники, не наследники, потомки, не потомки...

— Это быку Миколою Второму все равно...

— При чем здесь бык? Тебе тоже все равно! Ты ушел, исчез, растворился... Тебя нет, понимаешь?..

— Погодите, ребята... В этом своя логика, конечно, есть. Смысл жизни интересует только живых.

— Интересно, где бы ты был, если бы твои предки рассуждали так же. До сих пор сошкой бы землю ковырял...

— Вздор! При чем здесь смысл жизни? Это просто закон развития производительных сил...

— А при чем здесь закон?

— А при том, что хочешь ты или не хочешь, а производительные силы развиваются. За сохой пришел трактор, за трактором — кибер...

— Ладно, пусть потомки ни при чем. Но, значит, были люди, смысл жизни которых состоял в том, чтобы придумать трактор?

— Что вы путаете? Что вы все время путаете? Речь не о том, зачем каждый отдельный человек живет, а зачем существует человечество! Вы ничего не поняли и...

— Это ты ничего не понял!

— Слушайте! Меня послушайте! Крестьяне! Я вам все сейчас объясню... Ау!

— Дайте, дайте ему сказать!

— Это вопрос сложный. Сколько люди существуют, столько они спорят о смысле своего...

— Короче!

— ...о смысле своего существования. Во-первых, потомки здесь ни при чем. Жизнь дается человеку независимо от того, хочет он этого или нет...

— Короче!

— Ну, тогда сам и рассказывай.

— Правда, Алан, давай короче.

— А короче — вот: жить интересно, потому и живем. А кому не интересно — вон в Снегиреве фабрика удобрений...

— Так его, Алан!

— Нет, ребята... В этом своя логика тоже есть...

— Это кухонная философия! Что значит «интересно», «не интересно»? Зачем мы — вот вопрос!

— А зачем смещение перигелия? Или закон Ньютона?

— Самый дурацкий вопрос — это «зачем». Зачем солнце восходит на востоке?

— Во-во! Один дурак ставит этот вопрос, чтобы поставить в тупик тысячу мудрецов.

— Дурак? Я такой же дурак, как и вы мудрецы...
— Да бросьте вы, поговорим лучше о любви!
— «Любовь — что такое! И что такое — любовь?»
— Зачем любовь — вот вопрос! А, Жора?
— Знаете, крестьяне, вот смотришь на вас в лаборатории — люди как люди. А как начнется философия... Любовь, жизнь...

Поль взял свой стул и втиснулся в компанию. Его узнали.

— А! Странник! Странник, что такое любовь?
— Любовь, — сказал Поль, — это специфическое свойство высокоорганизованной материи.
— Зачем организованной и зачем материи — вот вопрос!

— Да будет вам...
— Странник, новые анекдоты есть?
— Есть, — сказал Поль. — Только неостроумные.
— Мы сами неостроумные...
— Пусть расскажет. Расскажи мне анекдот, и я скажу, кто ты.

Поль сказал:

— Один кибернетист (смех) изобрел предиктор, машину, которая предсказывает будущее, этакий агрегат в сто этажей. И задал он для начала предиктору вопрос: «Что я буду делать через три часа?» Предиктор жужжал до утра, а потом сообщил: «Будешь сидеть и ждать моего ответа».

— Да-а, — сказал кто-то.

— Что — да? — сказал Поль хладнокровно. — Сами просили.

— Слушайте, крестьяне, почему все эти киберанекдоты такие глупые?

— Главное — зачем? Вот вопрос!

— Странник! Как тебя зовут, странник?

— Поль, — пробормотал Поль.

На веранду вышла Ирина. Она была красивее всех девушек, сидящих за столом. Она была так красива, что Поль перестал слышать. Она улыбнулась, что-то сказала, кому-то махнула рукой и села рядом с длинноносым Жорой, и Жора сейчас же наклонился к ней и что-то спросил, наверное: «Зачем?» Поль отдышался и заметил, что сосед справа плачет ему в жилетку:

— Мы просто еще не умеем, не научились. Сашка ни-

как этого не может понять. Такие вещи рывками не делаются...

Поль наконец узнал соседа — это был Итиро, тот самый японец, с которым они купались в полдень.

— ...Такие вещи не делаются рывками. Мы даже не приспособливаем Природу — мы бьем ее вдребезги.

— А... э-э-э... о чем, собственно, речь? — спросил Поль осторожно. Ему было совершенно непонятно, когда и откуда появился Итиро.

— Я же говорю, — терпеливо сказал Итиро, — снимать мясо с животного, не убивая животного.

Поль не отрываясь смотрел на Ирину. Длинноносый Жора наливал ей шампанское. Ирина что-то быстро говорила, постукивая по бокалу смуглыми пальцами. Итиро сказал:

— А! Ты влюбился в Ирину! Очень жаль.

— В какую Ирину? — пробормотал Поль.

— Эта девушка — Ирина Егорова. Работала у нас по общей биологии.

Поль показалось, что он упал.

— Как так — р а б о т а л а?

— Я же говорю — жаль, — сказал Итиро спокойно. — Она уезжает на днях.

Поль видел только ее профиль, освещенный солнцем.

— Куда? — спросил он.

— На Дальний Восток.

— Налей мне вина, Итиро, — сказал Поль. У него пересохло в горле.

— А ты будешь работать у нас? — спросил Итиро. — Сашка говорил, что у тебя светлая голова.

— Светлая голова, — пробормотал Поль. — Высокий ясный лоб и спокойные глаза...

Итиро засмеялся.

— Не грусти, — сказал он. — Нам всего по двадцать пять лет.

— Нет, — сказал Поль, в отчаянии тряс головой. — Чего ради я здесь останусь? Конечно, я здесь не останусь... Я поеду на Дальний Восток...

Тяжелая рука опустилась ему на плечо, и мощный бас Лина осведомился:

— Это кто здесь поедет на Дальний Восток?

— Лин, слушай, Лин, — сказал Поль жалобно. — Ну почему мне так не везет? А?

— Ирина, — сказал Итиро и поднялся.

Лин сел на его место и придвинул к себе блюдо с холодным мясом. Лицо у него было усталое. Поль смотрел на него со страхом и надеждой, совсем как в старые времена, когда соседи по этажу, бывало, устраивали обще-школьную облаву, чтобы изловить хитроумного Либер Полли и научить его не быть слишком хитроумным.

Лин прожевал огромный кусок мяса и сказал басом, покрывшим шум на веранде:

— Крестьяне! Пришел новый каталог изданий на русском языке. Желающих просят в клуб.

Все повернулись к нему.

— А что там есть?

— Миронов есть, Сашка?

— Есть, — сказал Лин.

— А «Железная башня»?

— Есть. Я уже выписал.

— А «Чистый как снег»?

— Есть. Там восемьдесят шесть названий, я не помню всего.

Веранда стала быстро пустеть. Ушел Алан. Ушел Итиро. Ушла Ирина с длинноносым Жорой. Она ничего не знала. Она даже не заметила. И она, конечно, ничего не помнила. И не вспомнит. «Жору вспомнит. Двухголового теленка вспомнит. А меня не вспомнит...»

Лин сказал:

— Несчастливая любовь активизирует. Но она коротка, Полли. Ты останешься здесь. Я присмотрю за тобой.

— А может быть, я все-таки поеду на Дальний Восток? — сказал Поль.

— Зачем? Ты будешь ей только мешать и путаться под ногами. Я знаю Ирину, и я знаю тебя. Ты на пятьдесят лет глупее ее героя.

— А может быть...

— Нет, — сказал Лин. — Останься со мной. Разве твой Лин когда-нибудь обманывал тебя?

И Поль подчинился. Он ласково потрепал Лина по необъятной спине, встал и подошел к балюстраде. Солнце зашло, на ферму опустились теплые прозрачные сумерки. Где-то близко играли на пианино и очень красиво пели на два голоса. «Эхе-хе!» — подумал Поль. Он перегнулся через балюстраду и тихонько испустил вопль гигантского ракопаука, потерявшего след.

Спутник был огромен. Это был тор в два километра в поперечнике, разделенный внутри массивными переборками на множество помещений. В кольцевых коридорах было пусто и светло, треугольные люки, ведущие в пустые светлые помещения, были распахнуты настежь. Спутник был покинут невероятно давно, может быть миллионы лет назад, но шершавый желтый пол был чист, и Август Бадер сказал, что не видел здесь ни одной пылинки.

Бадер шел впереди, как и полагается первооткрывателю и хозяину, и Горбовский и Валькенштейн видели его большие оттопыренные уши и светлый хохолок на макушке.

— Я ожидал увидеть здесь запустение, — неторопливо рассказывал Бадер. Он говорил по-русски, старательно выговаривая каждую букву. — Этот спутник заинтересовал нас прежде всего. Это было десять лет назад. Я увидел, что внешние люки раскрыты. Я сказал себе: «Август, ты увидишь картину ужасающего бедствия и разрушения». Я даже сказал жене остаться на корабле. Я боялся найти здесь мертвые тела, вы понимаете.

Он остановился перед каким-то люком, и Горбовский чуть не налетел на него. Валькенштейн, который немного отстал, догнал их и остановился рядом, насупившись.

— Абер здесь было пусто, — сказал Бадер. — Здесь было светло, очень чисто и совершенно пусто. Прошу вас, взгляните. — Он сделал плавный жест рукой. — Я склонен полагать, что здесь была диспетчерская спутника.

Они протиснулись в помещение с куполообразным потолком и с низкой полукруглой стойкой посередине. Стены были ярко-желтые, матовые и светились изнутри. Горбовский потрогал стену. Она была гладкая и прохладная.

— Похоже на янтарь, — сказал он. — Попробуй, Марк.

Валькенштейн попробовал и кивнул.

— Все демонтировано, — сказал Бадер. — Но в стенах и переборках, а равно и в тороидальной оболочке спутника остались скрытые пока от нас источники света. Я склонен полагать...

— Мы знаем, — быстро сказал Валькенштейн.

— Вот как? — Бадер посмотрел на Горбовского. — Но что вы читали? Вы, Марк, и вы, Леонид?

— Мы читали серию ваших статей, Август, — сказал Горбовский. — «Искусственные спутники Владиславы».

Бадер наклонил голову.

— «Искусственные, неземного происхождения спутники планеты Владислава звезды ЕН 17», — поправил он. — Да. В таком случае, разумеется, я могу не излагать вам свои соображения по поводу источников света.

Валькенштейн пошел вдоль стены озираясь.

— Странный материал, — сказал он издали. — Металлопласт, наверное. Но я никогда не видел такого металлопласта.

— Это не металлопласт, — сказал Бадер. — Не забывайте, где вы находитесь. Вы, Марк, и вы, Леонид.

— Мы не забываем, — сказал Горбовский. — Мы бывали на Фобосе, и там действительно совсем другой материал.

Горбовский и Валькенштейн бывали на Фобосе. Это был спутник Марса, и долгое время его считали естественным спутником. Но он оказался четырехкилометровым тором, окутанным металлической противометеоритной сетью. Густая сеть была изъедена метеоритной коррозией и местами прорвана. Но сам спутник уцелел. Внешние люки его были открыты, и гигантский бублик был пуст точно так же, как этот. По изношенности противометеоритной сети подсчитали, что он был выведен на орбиту вокруг Марса по крайней мере десять миллионов лет назад.

— О, Фобос! — Бадер покачал головой. — Фобос — это одно, Леонид, Владислава — это отнюдь другое.

— Почему? — осведомился Валькенштейн подходя. Он думал иначе.

— Например, потому, что от Солнца и от Фобоса до Владиславы, где находимся сейчас мы, триста тысяч астрономических единиц.

— Мы покрыли это расстояние за полгода, — сердито сказал Валькенштейн. — Они могли сделать то же. И потом, спутники Владиславы и Фобос имеют много общего.

— Но это следует доказать, — сказал Бадер.

Горбовский проговорил, лениво усмехаясь:

— Вот мы и попробуем доказать.

Некоторое время Бадер размышлял и затем изрек:

— Фобос и земные спутники тоже имеют много общего.

Это был ответ в стиле Бадера — очень веско и на полметра мимо.

— Ну хорошо, — сказал Горбовский. — А что здесь есть еще, кроме этой диспетчерской?

— На этом спутнике, — важно сказал Бадер, — имеются сто шестьдесят помещений размером от пятнадцати до пятисот квадратных метров. Мы можем осмотреть их все. Но они пусты.

— Раз они пусты, — сказал Валькенштейн, — нам лучше вернуться на «Тариэль».

Бадер поглядел на него и снова повернулся к Горбовскому:

— Мы называем этот спутник Владя. Как вам известно, у Владиславы есть еще один спутник, тоже искусственный и тоже неземного происхождения. Он меньше по размерам. Мы называем его Слава. Вы понимаете? Планета называется «Владислава». Естественно назвать два ее спутника «Владя» и «Слава». Не так ли?

— Да, конечно, — сказал Горбовский. Это изящное рассуждение было ему знакомо. Он слышал его в третий раз. — Это вы очень остроумно предложили, Август. Владя и Слава — Владислава. Прекрасно!

— У вас на Земле, — продолжал Бадер неторопливо, — эти спутники называют «Игрек-один» и «Игрек-два», соответственно — Владя и Слава. Но мы — мы называем их иначе. Мы называем их Владя и Слава.

Он строго поглядел на Валькенштейна. Валькенштейн играл желваками на скулах. Насколько было известно Валькенштейну, «мы» — это был сам Бадер и только Бадер.

— Что же касается состава этого желтого материала, который отнюдь не является металлопластом и который я называю янтарин...

— Очень удачно, — вставил Валькенштейн.

— Да... Неплохо... Но состав его пока неизвестен. Он остается тайной.

Наступило молчание. Горбовский рассеянно оглядывал помещение. Он пытался представить себе тех, кто строил этот спутник и потом работал здесь когда-то

очень давно. Это были другие люди. Они пришли в Солнечную систему и ушли, оставив возле Марса покинутые космические лаборатории и большой город вблизи северной полярной шапки. Спутники были пусты, и город был пуст — остались только странные здания, на много этажей уходящие под почву. Затем — или, может быть, до того — они пришли в систему звезды ЕН 17, построили возле Владиславы два искусственных спутника и тоже ушли. И здесь, на Владиславе, тоже должен быть покинутый город. Почему и откуда они приходили? Почему и куда они ушли? Впрочем, ясно почему: они, конечно, были великие исследователи. Десантники другого мира.

— Теперь, — сказал Бадер, — мы пойдем и осмотрим помещение, в котором я нашел предмет, названный мною условно пуговицей.

— Он и сейчас там? — спросил Валькенштейн, оживившись.

— Кто — он? — спросил Бадер.

— Предмет.

— Пуговица, — веско сказал Бадер, — находится в настоящий момент на Земле, в распоряжении Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе.

— А, — сказал Валькенштейн, — у следопытов. Но я собирал материал по Владиславе, и мне не показали эту вашу пуговицу.

Бадер задрал подбородок.

— Я отправил ее с капитаном Антоном Быковым четыре локальных месяца назад.

С Быковым они разминутись в пути. Он должен был прибыть на Землю спустя два месяца после старта «Таризэля» к звезде ЕН 17.

— Так, — сказал Горбовский. — Осмотр пуговицы, таким образом, откладывается.

— Но мы осмотрим помещение, где я ее нашел, — сказал Бадер. — Не исключено, Леонид, что в гипотетическом городе на поверхности планеты Владислава вы обнаружите аналогичные предметы.

Он полез в люк. Валькенштейн сказал сквозь зубы:

— Надоел он мне, Леонид Андреевич...

— Надо терпеть, — сказал Горбовский.

До помещения, где Бадер нашел пуговицу, оказалось

полкилометра. Бадер показал место, где пуговица лежала, и подробно рассказал, как он пуговицу обнаружил. (Он наступил на нее и раздавил.) По мнению Бадера, пуговица была аккумулятором, имевшим первоначально сферическую форму. Она была сделана из полупрозрачного серебристого материала, очень мягкого. Диаметр — тридцать восемь и шестнадцать сотых миллиметра... плотность... вес... расстояние от ближайшей стены...

В комнате напротив, по другую сторону коридора, сидели среди приборов, расставленных прямо на полу, двое молодых парней в синих рабочих куртках. Они работали, поглядывая в сторону Горбовского и Валькенштейна, и переговаривались вполголоса:

- Десантники. Прилетели вчера.
- Умгу. Вон тот, длинный, — Горбовский.
- Знаю.
- А другой, беловолосый?
- Марк Ефремович Валькенштейн. Штурман.
- А-а, слышал.
- Они начнут завтра.

Бадер наконец кончил объяснять и спросил, все ли понятно. «Все», — сказал Горбовский и услышал, как в комнате напротив хихикнули.

— Теперь мы вернемся домой, — сказал Бадер.

Они вышли в коридор, и Горбовский кивнул парням в синем. Парни встали и поклонились с улыбками.

— Желаем удачи, — произнес один.

Другой молча улыбался, крутя в руках моток многоцветного провода.

— Спасибо, — сказал Горбовский.

Валькенштейн тоже сказал:

— Спасибо.

Отойдя шагов на сто, Горбовский обернулся. Двое в синих куртках стояли в коридоре и смотрели им вслед.

Время в «Империи Бадера» (так насмешники называли всю систему искусственных и естественных спутников Владиславы: обсерватории, мастерские, заправочные станции, черные цистерны-плантации с хлореллой, оранжеи, питомники, стеклянные сады отдыха и пустующие торы неземного происхождения) исчислялось тридцатичасовыми циклами. К концу третьего цикла, после того

как Д-звездолет «Таризель», шестикилометровый гигант, похожий издали на сверкающий цветок, вышел на меридиональную орбиту вокруг Владиславы, Горбовский предпринял первый поиск. Д-звездолеты не приспособлены к высадкам на массивные планеты, особенно на планеты с атмосферами, и тем более на планеты с бешеными атмосферами. Для этого они слишком хрупки. Высадки осуществляются вспомогательными кораблями-ботами с атомно-импульсным или фотонным приводом и с нефиксированным центром тяжести. Рейсовый звездолет несет на себе один такой бот, а десантный — от двух до четырех. «Таризель» имел на борту два фотонных бота, и в одном из них Горбовский предпринял первую попытку прощупать атмосферу Владиславы. «Поглядеть, стоит ли», — сказал Горбовский Бадеру.

Бадер лично прибыл на «Таризель». Он много кивал и говорил: «О да!» — и, когда бот Горбовского оторвался от «Таризеля», сел на стульчик сбоку от наблюдательного пульта и стал терпеливо ждать.

Все десантники собрались возле пульта и следили за неясными вспышками на сером экране осциллографа — это были отпечатки сигнальных импульсов, которые посылал автопередатчик на боте. Десантников было трое, если не считать Бадера. Они молчали и думали о Горбовском, каждый по-своему.

Валькенштейн думал о том, что Горбовский вернется через час. Он терпеть не мог неопределенности, и ему хотелось, чтобы Горбовский был уже здесь, хотя он знал, что первый поиск всегда проходит благополучно, особенно если десантный бот ведет Горбовский. Валькенштейн вспомнил первую встречу с Горбовским. Это было на Цифэе, спутнике Луны, откуда обычно стартовали все фотонные корабли. Валькенштейн только что вернулся из броска на Нептун — вернулся без потерь, гордился этим и хвастался ужасно. Горбовский подошел к нему в столовой и сказал: «Извините, ради бога, вы, случайно, не Марк Ефремович Валькенштейн?» Валькенштейн кивнул и спросил: «Чем могу?» У Горбовского был очень несчастный вид. Он сел рядом, пошевелил длинным носом и сказал просительно: «Послушайте, Марк, вы не знаете, где здесь можно достать арфу?» «Здесь» — это на расстоянии в триста пятьдесят тысяч километров от Земли, на звездолетной базе. Валькенштейн подавился

супом. Горбовский с любопытством разглядывал его, затем представился и сказал: «Да вы успокойтесь, Марк, это не срочно. Я, собственно, хотел узнать, на каком режиме вы входили в экосферу Нептуна». Это была манера Горбовского: подобраться к человеку, особенно незнакомому, задать такой вот вопрос и посмотреть, как человек выкручивается.

И биолог Перси Диксон, черный, заросший курчавым волосом, тоже думал о Горбовском. Перси Диксон работал в области космопсихологии и космофизиологии человека. Он был стар, очень много знал и провел над собой и над другими массу сумасшедших экспериментов. Он пришел к заключению, что человек, пробывший в Пространстве в общей сложности больше двадцати лет, отвыкает от Земли и перестает считать Землю домом. Оставаясь землянином, он перестает быть человеком Земли. Перси Диксон сам стал таким и не понимал, почему Горбовский, налетавший более пятидесяти парсеков и побывавший на десятке лун и планет, время от времени вдруг поднимает очи горé и говорит со вздохом: «На лужайку бы! В травку! Полежать. И чтобы речка».

И Лю Гуань-чэн, атмосферный физик, думал о Горбовском. Он размышлял над его прощальными словами: «Посмотрю, стоит ли». И Гуань-чэн очень боялся, что Горбовский, вернувшись, скажет: «Не стоит». Так уже случалось несколько раз. Лю Гуань-чэн занимался бешеными атмосферами и был вечным должником Горбовского, и каждый раз ему казалось, что он отправляет Горбовского на смерть. Однажды Лю сказал ему об этом. Горбовский серьезно ответил: «Знаете, Лю, еще не было случая, чтобы я не вернулся».

Генеральный уполномоченный совета Космогации, директор транскосмической звездолетной базы и лаборатории «Владислава ЕН 17», профессор и десантник Август-Иоганн Бадер тоже думал о Горбовском. Почему-то он вспомнил, как пятнадцать лет назад на Цифэе Горбовский прощался со своей матерью. Горбовский и Бадер уходили к Трансплутону. Это очень печальный момент — прощание с родными перед космическим рейсом. Бадеру показалось, что Горбовский простился с матерью очень небрежно. Как капитан корабля — тогда он был капитаном корабля, — Бадер счел своим долгом сделать Горбовскому внушение. «В такой печальный момент, —

сказал он строго, но мягко, — заше сердце должно было биться в унисон с сердцем вашей матушки. Высокая добродетель каждого человека состоит в том, что...» Горбовский слушал молча, а когда Бадер закончил выговор, сказал странным голосом: «Август, а у вас есть мама?» Да, он так и сказал: «мама». Не мать, не муттер, но — мама.

— Вышел на ту сторону, — сказал Лю.

Валькенштейн поглядел на экран. Всплески туманных пятен исчезли. Он поглядел на Бадера. Бадер сидел, вцепившись в сиденье стула, и у него был такой вид, словно его тошнит. Он поднял на Валькенштейна глаза и вымученно улыбнулся.

— Одно дело, — сказал он, старательно выговаривая буквы, — когда ты сам, абер совсем другое дело, когда некто другой.

Валькенштейн отвернулся. По его мнению, было совершенно безразлично, кто делает дело. Он поднялся и вышел в коридор. У кессонного люка он увидел незнакомого молодого человека с бритым загорелым лицом и бритым лоснящимся черепом. Валькенштейн остановился, оглядывая его с головы до ног.

— Кто вы такой? — спросил он неприветливо. Меньше всего он ожидал встретить на «Таризле» незнакомого человека.

Молодой человек кривовато усмехнулся.

— Меня зовут Сидоров, — сказал он. — Я биолог и хочу видеть товарища Горбовского.

— Горбовский в поиске, — сказал Валькенштейн. — Как вы попали на корабль?

— Меня привез директор Бадер...

— А, — сказал Валькенштейн. Бадер прибыл на звездолет два часа назад.

— ...и, вероятно, забыл про меня.

— Естественно, — сказал Валькенштейн. — Это вполне естественно для директора Бадера. Он весьма взволнован.

— Я понимаю. — Сидоров поглядел на носки своих ботинок и сказал: — Я хотел переговорить с товарищем Горбовским.

— Вам придется подождать, — сказал Валькенштейн. — Пойдемте, я провожу вас в кают-компанию.

Он проводил Сидорова в кают-компанию, положил

перед ним пачку последних земных журналов и вернулся в рубку. Десантники улыбались, Бадер утирал пот со лба и тоже улыбался. На экране опять бились туманные всплески.

— Возвращается, — сказал Диксон. — Он сказал, что одного витка на первый раз достаточно.

— Конечно, достаточно, — сказал Валькенштейн.

— Вполне достаточно, — сказал Лю.

Через четверть часа Горбовский выкарабкался из кессона, на ходу расстегивая пилотский комбинезон. Был он рассеян и смотрел поверх голов.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Лю.

— Все в порядке, — сказал Горбовский. Он остановился посередине коридора и стал вылезать из комбинезона. Он выпростал из комбинезона одну ногу, наступил на рукав и чуть не упал. — То есть что я говорю — все в порядке... Все никуда не годится!

— А что именно? — осведомился Валькенштейн.

— Я есть хочу, — заявил Горбовский.

Он вылез наконец из комбинезона и направился в кают-компанию, волоча комбинезон по полу за рукав.

— Дурацкая планета! — сказал он.

Валькенштейн отобрал у него комбинезон и пошел рядом.

— Дурацкая планета, — повторил Горбовский, глядя поверх голов.

— Это весьма трудная планета для высадки, — подтвердил Бадер, отчетливо выговаривая буквы.

— Дайте мне поесть, — сказал Горбовский.

В кают-компании он с довольным стенанием повалился на диван. Когда он вошел, Сидоров вскочил на ноги.

— Сидите, сидите, — благосклонно сказал Горбовский.

— Так что же случилось? — спросил Валькенштейн.

— Ничего особенного, — сказал Горбовский. — Наши боты не годятся для высадки.

— Почему?

— Не знаю. Фотонные корабли не годятся для высадки. Все время нарушается настройка магнитных ловушек в реакторе.

— Атмосферные магнитные поля, — сказал атмосферный физик Лю и потер руки, шурша ладонями.

— Может быть, — сказал Горбовский.

— Что ж, — неторопливо сказал Бадер, — я вам дам импульсную ракету. Или ионолет.

— Дайте, Август, — сказал Горбовский. — Дайте, пожалуйста, нам ионолет или импульсную ракету. И дайте мне поесть кто-нибудь.

— Господи, — сказал Валькенштейн, — да я уж и не помню, когда в последний раз водил импульсную ракету!

— Ничего, — сказал Горбовский, — вспомнишь. Послушайте, — ласково сказал он, — дадут мне сегодня покушать?

— Сейчас, — сказал Валькенштейн.

Он извинился перед Сидоровым, снял со стола журналы и накрыл стол хлорвиниловой скатертью. Затем он поставил на стол хлеб, масло, молоко и гречневую кашу.

— Стол накрыт, Леонид Андреевич, — сказал он.

Горбовский нехотя поднялся с дивана.

— Всегда приходится подниматься, когда надо что-нибудь делать, — сказал он.

Он сел за стол, взял обеими руками чашку с молоком и выпил ее залпом. Затем он обеими руками придвинул к себе тарелку с кашей и взял ложку. Только когда он взял ложку, стало понятно, почему он брал чашку и тарелку обеими руками. У него тряслись руки. У него так сильно тряслись руки, что он два раза промахнулся, стараясь поддеть на кончик ножа кусок масла. Бадер, вытянув шею, глядел на руки Горбовского.

— Я постараюсь дать вам самую лучшую импульсную ракету, Леонид, — сказал он слабым голосом. — Наиболее лучшую.

— Дайте, Август, — сказал Горбовский. — Самую лучшую. А кто этот молодой человек?

— Это Сидоров, — объяснил Валькенштейн. — Он хотел говорить с вами.

Сидоров встал опять. Горбовский благожелательно поглядел на него снизу вверх и сказал:

— Садитесь, пожалуйста.

— О, — сказал Бадер, — я совершенно забыл! Простите меня. Леонид, товарищи, позвольте представить вам...

— Я Сидоров, — сказал Сидоров, неловко усмехаясь, потому что все глядели на него. — Михаил Альбертович. Биолог.

— Уэлкам, Михаил Альбертович, — сказал волосатый Диксон.

— Ладно, — сказал Горбовский. — Сейчас я поем, Михаил Альбертович, и мы пойдем в мою каюту. Там есть диван. Здесь тоже есть диван... — он понизил голос до конфиденциального шепота, — но на нем расселся Бадер, а он директор.

— Не вздумайте взять его, — сказал Валькенштейн-но-китайски. — Мне он не нравится.

— Почему? — спросил Горбовский.

Горбовский возлежал на диване, Валькенштейн и Сидоров сидели у стола. На столе валялись блестящие мотки лент видеофонографа.

— Не вздумайте взять его, — повторил Валькенштейн.

Горбовский закинул руки за голову.

— Родных у меня нет, — сказал Сидоров. (Горбовский поглядел на него сочувственно.) — Плакать по мне некому.

— Почему — плакать? — спросил Горбовский.

Сидоров нахмурился.

— Я хочу сказать, что знаю, на что иду. Мне необходима информация. На Земле меня ждут. Я сижу здесь над Владиславой уже год. Год потратил почти зря...

— Да, это обидно, — сказал Горбовский.

Сидоров сцепил пальцы.

— Очень обидно, Леонид Андреевич. Я думал, на Владиславу высадутся скоро. Я вовсе не лезу в первооткрыватели. Мне просто нужна информация, понимаете?

— Понимаю, — сказал Горбовский. — Еще бы. Вы ведь, кажется, биолог...

— Да. Кроме того, я проходил курсы пилотов-космонавторов и получил диплом с отличием. Вы у меня экзамены принимали, Леонид Андреевич. Ну, вы меня, конечно, не помните. В конце концов, я прежде всего биолог, и я больше не хочу ждать. Меня обещал взять с собой Кэппа. Но он попытался два раза высадиться и отказался. Потом прилетел Стринг. Вот это был настоящий смельчак! Но он тоже не взял меня с собой. Не успел. Он пошел на посадку со второй попытки и не вернулся.

— Вот чудак! — сказал Горбовский, глядя в пото-

лок. — На такой планете надо делать по крайней мере десять попыток. Как, вы говорите, его фамилия? Стринг?

— Стринг, — ответил Сидоров.

— Чудак, — сказал Горбовский. — Неумный чудак.

Валькенштейн поглядел на лицо Сидорова и проворчал:

— Понятно, это тоже герой-удалец.

Сидоров покраснел.

— Нет, — сказал он, — я не герой. Стринг — вот это герой. А я биолог, и мне нужна информация.

— Сколько информации вы получили от Стринга? — спросил Валькенштейн.

— От Стринга? Нисколько, — сказал Сидоров. — Ведь он погиб.

— Так почему же вы им так восхищаетесь?

Сидоров пожал плечами. Он не понимал этих странных людей. Это очень странные люди — Горбовский, Валькенштейн и их друзья, наверное. Назвать замечательного смельчака Стринга неумным чудачком... Он вспомнил Стринга, высокого, широкоплечего, с раскатистым беззаботным смехом и уверенными движениями. И как Стринг сказал Бадеру: «Осторожные сидят на Земле, Август-Иоганн. Специфика работы, Август-Иоганн!» — и щелкнул пальцами. «Неумный чудак»...

«Ладно, — подумал Сидоров, — это их дело. Но что делать мне? Опять сидеть сложа руки и радировать на Землю, что очередная обойма киберразведчиков сгорела в атмосфере; что очередная попытка высадиться не удалась; что очередной отряд исследователей-межпланетников отказывается брать меня в поиск; что я еще раз вдребезги разругался с Бадером и Бадер еще раз подтвердил, что планетолет мне не доверит, но за «систематическую дерзость» вышлет меня из «вверенного ему участка Пространства»? И опять добрый старый Рудольф Крейцер в Ленинграде, тряся академической ермолкой, будет приводить свои интуитивные соображения в пользу существования жизни в системах голубых звезд, а неистовый Гаджибеков будет громить его испытанными доводами против существования жизни в системах голубых звезд; и опять Рудольф Крейцер будет говорить все о тех же восемнадцати бактериях, выловленных экспедицией Квиппа в атмосфере планеты Владиславы, а Гаджибеков будет отрицать какую бы то ни было связь

между этими восемнадцатью бактериями и атмосферой планеты Владиславы, с полным основанием ссылаясь на сложность идентификации в конкретных условиях данного эксперимента. И опять Академия Космобиологии оставит открытым вопрос о существовании жизни в системах голубых звезд. А эта жизнь есть, есть, есть, и нужно только до нее дотянуться. Дотянуться до Владиславы, планеты голубой звезды ЕН 17».

Горбовский посмотрел на Сидорова и ласково сказал:

— В конце концов, зачем вам обязательно лететь с нами? У нас есть свой биолог. Прекрасный биолог Перси Диксон. Он немножко сумасшедший, но он доставит вам образцы какие угодно и в любых количествах.

— Эх! — сказал Сидоров и махнул рукой.

— Честное слово, — сказал Горбовский, — вам бы у нас очень не понравилось. А так все будет в порядке. Мы высадимся и доставим вам все, что вам нужно. Дайте нам только инструкции.

— И вы все сделаете наоборот, — сказал Сидоров. — Квиппа тоже просил инструкции, а потом привез два контейнера с пенициллой. Обыкновенная земная плесень. Вы же не знаете условий работы на Владиславе. Вам там будет не до моих инструкций.

— Что верно, то верно, — вздохнул Горбовский. — Условий мы не знаем. Придется вам подождать еще немножко, Михаил Альбертович.

Валькенштейн удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, — сказал Сидоров. Глаза его совсем закрылись. — Тогда возьмите хоть инструкции.

— Обязательно, — сказал Горбовский. — Непременно.

На протяжении последующих сорока циклов Горбовский произвел шестнадцать поисков. Он работал на прерывающемся импульсном планетовете «Скиф-Алеф», который ему предоставил Бадер. Первые пять поисков он произвел в одиночку, пробуя экзосферу Владиславы на полюсах, на экваторе, на различных широтах. Наконец он облюбывал район Северного полюса и стал брать с собой Валькенштейна. Они раз за разом погружались в атмосферу черно-оранжевой планеты и раз за разом, как пробки из воды, выскакивали обратно. Но с каждым разом они погружались все глубже.

Бадер подключил к работе десантников три обсерватории, которые непрерывно информировали Горбовского о передвижениях метеорологических фронтов в атмосфере Владиславы. По приказу Бадера было возобновлено производство атомарного водорода — горючего для «Скиф-Алефа» (расход горючего оказался неподвижно громадным). Исследования химического состава атмосферы бомбозондами с мезонными излучателями были прекращены.

Валькенштейн и Горбовский возвращались после поисков измученные и измочаленные и жадно набрасывались на еду, после чего Горбовский пробиравался к ближайшему дивану и подолгу лежал, развлекая друзей разнообразными сентенциями.

Сидоров по приглашению Горбовского остался на «Таризле». Ему разрешили установить в тестерных пазах «Скиф-Алефа» контейнеры-ловушки для биообразцов и биологическую экспресс-лабораторию. При этом он несколько потеснил хозяйство атмосферного физика Лю. Впрочем, толку от этого было мало: контейнеры возвращались пустыми, записи экспресс-лаборатории не поддавались расшифровке. Воздействие магнитных полей бешеной атмосферы на приборы менялось хаотически, и экспресс-лаборатория требовала руки человека. Вылезая из кессона, Горбовский прежде всего видел лоснящийся череп Сидорова и молча хлопал себя ладонью по лбу. Однажды он сказал Сидорову: «Дело в том, Михаил Альбертович, что вся биология вылетает у меня из головы на сто двадцатом километре. Там ее просто вышибает. Уж очень там страшно. Того и гляди убьешься».

Иногда Горбовский брал с собой Диксона. После каждого такого поиска волосатый биолог отлеживался. В ответ на робкую просьбу Сидорова присмотреть за приборами Диксон прямо ответил, что никакими посторонними делами заниматься не собирается. («Просто не хватает времени, мальчик...»)

Никто из них не собирается заниматься посторонними делами, с горечью думал Сидоров. Горбовский и Валькенштейн ищут город, Валькенштейн и Лю заняты атмосферой, а Диксон изучает божественные пульсы всех троих. И они тянут, тянут, тянут с высадкой... Почему они не торопятся? Неужели им все равно?

Сидорову казалось, что он никогда не поймет этих

странных людей, именуемых десантниками. Во всем огромном мире знали десантников и гордились ими. Быть личным другом десантника считалось честью. Но тут оказывалось, что никто не знал толком, что такое десантник. С одной стороны, это что-то невероятно смелое. С другой — что-то позорно осторожное: они возвращались. Они всегда умирали естественной смертью. Они говорили: «Десантник — это тот, кто точно рассчитывает момент, когда можно быть нерасчетливым». Они говорили: «Десантник перестает быть десантником, когда погибает». Они говорили: «Десантник идет туда, откуда не возвращаются машины». И еще они говорили: «Можно сказать: он жил и умер биологом. Но следует говорить: он жил десантником, а погиб биологом». Все эти высказывания были очень эмоциональны, но они совершенно ничего не объясняли. Многие выдающиеся ученые и исследователи были десантниками. Было время, когда Сидоров тоже восхищался десантниками. Например, в школе, когда спорил с Капитаном о Горбовском... Но одно дело — восхищаться, сидя за партой, и совсем другое — смотреть, как Горбовский черепахой ползет по километрам, которые можно было бы преодолеть одним рискованным, но молниеносным броском.

Вернувшись из шестнадцатого поиска, Горбовский объявил, что собирается приступить к исследованию последней и самой сложной части пути к поверхности Владиславы.

— До поверхности остаются двадцать пять километров совершенно неизученного слоя, — сказал он, по обыкновению помаргивая сонными глазами и глядя поверх голов. — Это очень опасные километры, и здесь я буду продвигаться особенно осторожно. Мы с Валькенштейном сделаем еще по крайней мере десять — пятнадцать поисков. Если, конечно, директор Бадер обеспечит нас горючим.

— Директор Бадер обеспечит вас горючим, — сказал Бадер величественно. — Вы можете несколько не сомневаться, Леонид.

— Вот отлично! — сказал Горбовский. — Дело в том, что я буду предельно осторожен и потому считаю себя вправе взять с собой Сидорова.

Сидоров вскочил. Все посмотрели на него.

— Ну, вот и дождался, мальчик, — произнес Диксон.

— Да. Надо дать шанс новичку, — сказал Бадер.

Лю только улыбнулся, кивая красивой головой. И даже Валькенштейн промолчал, хотя он был недоволен. Валькенштейн не любил героев-удальцов.

— Это будет справедливо, — сказал Горбовский. Он попятился и, не оглядываясь, с завидной аккуратностью сел на диван. — Пусть идет новичок. — Он улыбнулся и лег. — Готовьте ваши контейнеры, Михаил Альбертович, мы берем вас с собой.

Сидоров сорвался с места и выбежал из кают-компании. Когда он выбежал, Валькенштейн сказал:

— Зря.

— Не будь эгоистом, Марк, — сказал Горбовский лениво. — Парень сидит здесь уже год. А ему всего-то и нужно только, что добыть бактерии из атмосферы.

Валькенштейн покачал головой и сказал:

— Зря. Он герой-удалец.

— Это ничего, — сказал Горбовский. — Я теперь вспоминаю, курсанты звали его Атосом. Кроме того, я читал его книжку. Он хороший биолог и не будет шалить. Я тоже когда-то был героем. И ты тоже. И Лю. Верно, Лю?

— Верно, командир, — сказал Лю.

Горбовский сморщился и погладил плечо.

— Болит! — сказал он жалобным голосом. — Такой ужасный выраж! Да еще против потока. А как твое колено, Марк?

Валькенштейн поднял ногу и несколько раз согнул и разогнул ее. Все внимательно следили за его движениями.

— «Увы мне, чашка на боку», — сказал он нараспев.

— А вот я вам сейчас массаж, — сказал Диксон и тяжело поднялся.

«Таризель» двигался по меридиональной орбите и проходил над Северным полюсом Владиславы каждые три с половиной часа. К концу цикла планетолет с Горбовским, Валькенштейном и Сидоровым отделился от звездолета и бросился вниз, в самый центр черной спиральной воронки, медленно скручивающейся в оранжевом тумане, который скрывал Северный полюс Владиславы.

Сначала все молчали, потом Горбовский сказал:

— Разумеется, они высадились на Северном полюсе.

— Кто? — спросил Сидоров.

— Они, — пояснил Горбовский. — И если они построили где-нибудь свой город, то именно на Северном полюсе.

— На том месте, где тогда был Северный полюс, — сказал Валькенштейн.

— Да, конечно, на том месте. Как на Марсе.

Сидоров напряженно глядел, как на экране стремительно разлетаются из какого-то центра оранжевые зерна и черные пятна. Затем это движение замедлилось. «Скиф-Алеф» тормозил. Теперь он спускался вертикально.

— Но они могли сесть и на Южном полюсе, — сказал Валькенштейн.

— Могли, — согласился Горбовский.

Сидоров подумал, что, если Горбовский не найдет поселения чужеземцев у Северного полюса, он так же методически будет копать у Южного, а потом, если не найдет у Южного, будет вылизывать всю планету, пока не найдет. Ему даже стало жалко Горбовского и его товарищей. Особенно его товарищей.

— Михаил Альбертович! — позвал вдруг Горбовский.

— Да? — отозвался Сидоров.

— Михаил Альбертович, вы когда-нибудь видели, как танцуют эльфы?

— Эльфы? — удивился Сидоров.

Он оглянулся. Горбовский сидел вполоборота к нему и косил на него нечестивым глазом. Валькенштейн сидел спиной к Сидорову.

— Эльфы? — спросил Сидоров. — Какие эльфы?

— С крылышками. Знаете, такие... — Горбовский отнял руку от клавиш управления и неопределенно пошевелил пальцами. — Не видели? Жаль. Я вот тоже не видел. И Марк тоже, и никто не видел. А интересно было бы посмотреть, правда?

— Несомненно, — буркнул Сидоров.

— Леонид Андреевич, — сказал Валькенштейн, — а почему они не демонтировали оболочки станций?

— Им это было не нужно, — ответил Горбовский.

— Это неэкономно.

— Значит, они были неэкономны.

— Расточительные разведчики, — сказал Валькенштейн и замолчал.

Планетолет тряхнуло.

— Взяли, Марк, — сказал Горбовский незнакомым голосом.

И планетолет начало ужасно трясти. Просто невозможно было представить, что можно вынести такую тряску. «Скиф-Алеф» вошел в атмосферу, где ревели бешеные горизонтальные потоки, таща за собой длинные черные полосы кристаллической пыли, где сейчас же ослепли локаторы, где в плотном оранжевом тумане носились молнии невиданной силы. Здесь мощные, совершенно необъяснимые всплески магнитного поля сбивали приборы и расщепляли плазменный шнур в реакторе фотонных ракет. Фотонные ракеты здесь негодились, но и первоклассному атомному планетолету «Скиф-Алеф» тоже приходилось не сладко.

Впрочем, в рубке было тихо. Перед пультом скорчился Горбовский, примотанный к креслу ремнями. Черные волосы падали ему на глаза, при каждом толчке он скалился зубами. Толчки следовали непрерывно, и, казалось, что он смеется. Но это был не смех. Сидоров никогда не предполагал, что Горбовский может быть таким... не странным, а каким-то чужим. Горбовский был похож на дьявола. Валькенштейн тоже был похож на дьявола. Он висел, раскорячившись, над пультом атмосферных фиксаторов, дергая вытянутой шеей. Было удивительно тихо. Но стрелки приборов, зеленые зигзаги и пятна на флуоресцентных экранах, черные и оранжевые пятна на экране перископа — все металось и кружилось в веселой пляске, и пол дергался из стороны в сторону, как укороченный маятник, и потолок падал и снова подскакивал.

— Киберштурман, — хрипло сказал Валькенштейн.

— Рано, — сказал Горбовский и снова оскалился.

— Сносит... Много пыли.

— Рано, черт, — сказал Горбовский. — Иду к полюсу.

Ответа Валькенштейна Сидоров не услышал, потому что заработала экспресс-лаборатория. Вспыхнула сигнальная лампа, и под прозрачной пластмассовой пластижкой поползла лента записи.

— Ага! — закричал Сидоров.

За бортом был белок! Живая протоплазма! Ее было много и с каждой секундой становилось все больше.

Планетолет бросился в самый центр черной спиральной воронки.

— Что же это! — сказал Сидоров.

Самописцу не хватило ширины ленты, и прибор автоматически переключился на нулевой уровень. Затем сигнальная лампа погасла, и лента остановилась. Сидоров зарычал, сорвал заводскую пломбу и обеими руками залез в механизм прибора. Он хорошо знал этот прибор, он сам принимал участие в его конструировании и не мог понять, что разладилось. С огромным напряжением, стараясь сохранить равновесие, Сидоров ощупывал блоки печатных схем. Они могли расколоться от толчков. Он совсем забыл об этом. Они двадцать раз могли расколоться во время прошлых поисков. Только бы они не раскололись, думал он. Только бы они остались целы. Корабль трясло невыносимо, и Сидоров несколько раз ударился лбом о пластмассовую панель. Один раз он ударился переносицей и на некоторое время совсем ослеп от слез. Блоки, по-видимому, были целы. Тут «Скиф-Алеф» круто лег на борт.

Сидорова выбросило из кресла. Он пролетел через всю рубку, сжимая в обеих руках вырванные с корнем обломки панелей. Он даже не сразу понял, что произошло. Потом он понял, но не поверил.

— Надо было привязаться, — сказал Валькенштейн. — Пилот!..

Сидоров на четвереньках добрался по пляшущему полу до своего кресла, пристегнулся ремнями и тупо уставился в развороченные внутренности прибора.

Планетолет ударило так, словно он налетел на скалу. Сидоров, разинув пересохший рот, глотал воздух. Очень тихо было в рубке, только хрипел Валькенштейн, — шея его наливалась кровью.

— Киберштурман, — сказал он.

И тотчас снова дрогнули стены. Горбовский молчал.

— Нет подачи горючего, — сказал Валькенштейн неожиданно спокойно.

— Вижу, — сказал Горбовский. — Делай свое дело.

— Нет ни капли. Мы падаем. Замкнуло...

— Включаю аварийную, последнюю. Высота сорок пять... Сидоров!

— Да, — сказал Сидоров и принялся откашливаться.

— Ваши контейнеры наполняются. — Горбовский повернул к нему свое длинное лицо с сухими блестящими глазами. Сидоров никогда не видел у него такого лица,

когда он лежал на диване.—Компрессоры работают. Вам везет, Атос!

— Мне здорово везет, — сказал Сидоров.

Теперь ударило снизу. У Сидорова что-то хрустнуло внутри, и рот наполнился горькой слюной.

— Пошло горючее! — крикнул Валькенштейн.

— Хорошо... Прелесть! Но занимайся своим делом, ради бога. Сидоров! Эй, Миша...

— Да, — сипло сказал Сидоров, не разжимая зубов.

— Запасного комплекта у вас нет?

— Ага, — сказал Сидоров. Он плохо соображал сейчас.

— Что «ага»? — закричал Горбовский. — Есть или нет?

— Нет, — сказал Сидоров.

— Герой... — сказал Валькенштейн. — Удалец...

Сидоров скрипнул зубами и стал смотреть на экран перископа. По экрану справа налево неслись мутные оранжевые полосы. Было так страшно и тошно видеть это, что Сидоров закрыл глаза.

— Они высадились здесь! — закричал Горбовский. — Там город, я знаю!

Что-то тоненько звенело в рубке в страшной шатающейся тишине, и вдруг Валькенштейн заревел тяжелым, прерывистым басом:

Бешеных молний крутой зигзаг,
Черного вихря взлет,
Злое пламя слепит глаза,
Но, если бы ты повернул назад,
Кто бы пошел вперед?

«Я бы пошел, — подумал Сидоров. — Дурак, осел! Нужно было дожидаться, пока Горбовский решится на посадку. Не хватило терпения. Если бы сегодня он шел на посадку, плевал бы я на экспресс-лабораторию!» А Валькенштейн ревел:

Чужая улыбка, недобрый взгляд,
Губы скривил пилот...
Струсил десантник, тебе говорят,
Но, если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Высота двадцать один! — крикнул Горбовский. — Перехожу в горизонталь.

«Теперь бесконечные минуты горизонтального полета, — подумал Сидоров. — Ужасные минуты горизонтального полета. Многие минуты толчков и тошноты, пока они не насладятся своими исследованиями. А я буду сидеть, как слепой, со своей дурацкой разбитой машиной!»

Планетолет ударило. Удар был очень сильный, такой, что потемнело в глазах. И Сидоров, задыхаясь, увидел, как Горбовский с размаху ударился лицом о пульт, а Валькенштейн раскинул руки, взлетел над креслом и медленно, как это бывает во сне, с раскинутыми руками опустился на пол и остался лежать лицом вниз. Кусок ремня, лопнувшего в двух местах, плавно, как осенний лист, скользнул по его спине. Несколько секунд планетолет двигался по инерции, и Сидоров, вцепившись в замок ремня, чувствовал, что все падает. Но затем тело снова стало весомым.

Тогда он расстегнул замок и поднялся на ватные ноги. Он смотрел на приборы. Стрелка альтиметра ползла вверх, зеленые зигзаги контрольной системы метались в голубых окошечках, оставляя медленно гаснущие туманные следы. Киберштурман вел планетолет прочь от Владиславы. Сидоров перешагнул через Валькенштейна и подошел к пульту. Горбовский лежал головой на клавишах. Сидоров оглянулся на Валькенштейна. Тот уже сидел, упираясь руками в пол. Глаза его были закрыты. Тогда Сидоров осторожно поднял Горбовского и положил его на спинку кресла. «Плывать я хотел на экспресс-лабораторию», — подумал он. Он выключил киберштурман и опустил пальцы на липкие клавиши. «Скиф-Алеф» начал разворачиваться и вдруг упал на сто метров. Сидоров улыбнулся. Он услышал, как позади Валькенштейн яростно прохрипел:

— Не смей...

Но он даже не обернулся.

— Вы хороший пилот, и вы хорошо посадили корабль. И, по-моему, вы прекрасный биолог, — сказал Горбовский. Лицо его было все забинтовано. — Просто прекрасный биолог. Настоящий энтузиаст. Правда, Марк?

Валькенштейн кивнул и, разлепив губы, сказал:

— Несомненно. Он хорошо посадил корабль. Но поднял корабль не он.

— Понимаете, — Горбовский говорил очень проникновенно, — я читал вашу монографию о простейших — она превосходна. Но нам с вами не по дороге.

Сидоров с трудом глотнул и сказал:

— Почему?

Горбовский поглядел на Валькенштейна, затем на Бадера:

— Он не понимает.

Валькенштейн кивнул. Он не смотрел на Сидорова. Бадер тоже кивнул и посмотрел на Сидорова с какой-то неопределенной жалостью.

— А все-таки? — вызывающе спросил Сидоров.

— Вы слишком любите штурмы, — сказал Горбовский мягко. — Знаете, это штурм унд дранг, как сказал бы директор Бадер.

— Штурм и натиск, — важно перевел Бадер.

— Вот именно, — сказал Горбовский. — Слишком. А это не нужно. Это па-аршивое качество. Это кровь и кости. И вы даже не понимаете этого.

— Моя лаборатория погибла, — сказал Сидоров. — Я не мог иначе.

Горбовский вздохнул и посмотрел на Валькенштейна. Валькенштейн сказал брезгливо:

— Пойдемте, Леонид Андреевич.

— Я не мог иначе, — упрямо повторил Сидоров.

— Нужно было совсем иначе, — сказал Горбовский. Он повернулся и пошел по коридору.

Сидоров стоял посреди коридора и смотрел, как они уходят втроем: Бадер и Валькенштейн поддерживают Горбовского под локти. Потом он посмотрел на свою руку и увидел красные капли на пальцах. Тогда он пошел в медицинский отсек, придерживаясь за стену, потому что его качало из стороны в сторону. «Я же хотел, как лучше, — думал он. — Это же было самое важное — высидеться. И я привез контейнеры с микрофауной. Я знаю, это очень ценно. И для Горбовского это тоже очень ценно: ведь Горбовскому рано или поздно самому придется высидеться и провести рейд по Владиславе. И бактерии убьют его, если я не обезврежу их. Я сделал то, что надо. На Владиславе, планете голубой звезды, есть жизнь. Конечно, я сделал то, что надо». Он несколько раз про-

шептал: «Я сделал то, что надо». Но он чувствовал, что это не совсем так. Он впервые почувствовал это там, внизу, когда они стояли возле планетолета по пояс в бурлящей нефти и на горизонте огромными столбами поднимались гейзеры, а Горбовский спросил его: «Ну, и что вы намерены предпринять, Михаил Альбертович?», а Валькенштейн что-то сказал на незнакомом языке и полез обратно в планетолет. Затем он почувствовал это, когда «Скиф-Алеф», в третий раз оторвавшись от поверхности страшной планеты, снова плюхнулся в нефтяную грязь, сброшенный ударом бури. И он чувствовал это теперь.

— Я же хотел как лучше, — невнятно сказал он Диксону, помогавшему ему улечься на стол.

— Что? — сказал Диксон.

— Я должен был высадиться, — сказал Сидоров.

— Лежите, — сказал Диксон. Он проворчал: — Первобытный энтузиазм...

Сидоров увидел, как с потолка спускается большая белая груша. Груша повисла совсем близко, у самого лица, перед глазами поплыли темные пятна, заложило уши, и вдруг тяжелым басом запел Валькенштейн:

И если бы ты не вернулся назад,
Кто бы пошел вперед?

— Кто угодно... — упрямо сказал Сидоров с закрытыми глазами. — Любой пойдет вперед...

Диксон стоял рядом и смотрел, как тонкая блестящая игла киберхирурга входит в изуродованную руку. «Как много крови!» — подумал Диксон. Много-много. Горбовский вовремя вытащил их. Опоздай он на полчаса, и мальчишка никогда уже больше не оправился бы. Ну, да Горбовский всегда возвращается вовремя. Так и надо. Десантники должны возвращаться, иначе они бы не были десанниками.

люди, люди...

Вильгельм Эрмлер стоял перед своим огромным письменным столом и разглядывал блестящие глянцевиные фотографии.

— Здравствуй, Вилли, — сказал охотник.

Эрмлер поднял голову и закричал:

— At Home is the sailor, home from sea!
— And the hunter home from the hill¹, — сказал охотник.

Они обнялись.

— Чем ты меня порадуешь на этот раз? — деловито спросил Вилли. — Ты ведь с Яйлы?..

— Да, прямо с Серых Болот. — Охотник сел в кресло и достал трубку. — А ты все толстеешь и лысеешь, Вилли. Сидячая жизнь тебя доконает. В следующий раз я возьму тебя с собой.

Эрмлер озабоченно взялся за свой толстый живот.

— Да, — сказал он, — ужасно. Нарушение метаболизма и еще что-то... Так ты привез что-нибудь интересное?

— Нет, Вилли. Одни пустяки. Десяток двуххордовых змей, несколько новых видов многостворчатых моллюсков... А это у тебя что? — Он протянул руку и взял со стола пачку фотографий.

— Это привез один новичок, Поль Гнедых. Он вообще-то агролог. Знаешь его?

— Нет. — Охотник разглядывал фотографии. — Недурно. Это, конечно, с Пандоры.

— Правильно. Пандора. Гигантский ракапук. Очень крупный экземпляр.

— Да, — сказал охотник, разглядывая ультразвуковой карабин, прислоненный для масштаба к желтому голому брюху ракапука. — Неплохой экземпляр для новичка. Но я-то видел крупнее. Сколько раз он стрелял?

— Он говорит — два раза. И оба раза — в главный нервный узел. Теперь я не могу разобраться в двигательной системе этого господина.

— Надо было стрелять анестезирующей иглой. Мальчик немножко растерялся. — Охотник с усмешкой рассматривал фотографию, где возбужденный новичок горделиво попирает мертвое чудовище. — Ну ладно, а что у тебя дома?

Эрмлер махнул рукой:

— Сплошная матримония. Все выходят замуж. Марта вышла за гидролога.

— Это которая Марта? — спросил охотник. — Внучка?

— Правнучка, Игорь! Правнучка!

¹ Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря,
И охотник вернулся с холмов.

— Да, идет время... — Охотник положил на стол стереографии и поднялся. — Ну что ж, я пойду. На свидание пойду. Ты знаешь.

— Опять! — с досадой сказал Эрмлер. — Может быть, хватит?

— Нет, Вилли. Надо. А встретимся, как всегда, в десятом павильоне.

Он сунул в карман трубку, которую так и не закурил, кивнул и вышел. «Надо, Вилли, — думал он. — Тебе, конечно, невдомек, как это важно». Он спустился в парк и направился к павильонам. Как всегда, в музее было очень много народу. Особенно молодежи и детей. Люди шли по аллеям, обсаженным оранжевыми венерианскими пальмами, толпились вокруг террариев и над бассейнами с прозрачной водой. В высокой траве между деревьями возились детишки — они играли в «марсианские прятки». Охотник остановился посмотреть. Это была очень увлекательная, хотя и не очень поучительная игра. Давным-давно с Марса на Землю были привезены мимикродоны, крупные, меланхоличного нрава ящеры, отлично приспособленные к резким сменам условий существования. Мимикродоны обладали необычайно развитой способностью к мимикрии. В парке музея они пользовались полной свободой. Ребятишки развлекались тем, что разыскивали их — это требовало немалой зоркости и ловкости — и затем таскали их с места на место, чтобы посмотреть, как мимикродоны меняют окраску. Ящеры были большие, тяжелые, ребятишки тащили их волоком за отставшую кожу на загривке. Мимикродоны не сопротивлялись. Кажется, им это нравилось.

Охотник миновал огромный прозрачный колпак, под которым помещался террарий «Лужайка планеты Ружена». Там в бледной голубоватой траве прыгали и дрались забавные рэмбы, гигантские, изумительной расцветки насскомые, немного похожие на земных богомолов. Охотник вспомнил, как лет двадцать назад он впервые охотился на Ружене. Он трое суток сидел в засаде, поджидая кого-нибудь, и огромные радужные рэмбы прыгали вокруг и садились на ствол его карабина. У «Лужайки» всегда было полно народу, потому что рэмбы очень забавны и красивы.

Недалеко от входа в Центральный Павильон охотник задержался у балюстрады, окружающей глубокий круг-

лый бассейн-колодец. В бассейне, в воде, освещенной сиреневым светом, без усталости кружило длинное волосатое животное, ихтиомаммал, единственное теплокровное, дышащее жабрами. Ихтиомаммал непрерывно двигался; он плывал так кругами и год назад, и пять лет назад, и сорок лет назад, когда охотник впервые увидел его. Ихтиомаммала с большим трудом добыл знаменитый Салье. Теперь Салье давно уже мертв и спит вечным сном где-то в болотах Пандоры, а его ихтиомаммал все кружит и кружит в сиреновой воде бассейна.

В вестибюле павильона охотник опять остановился и присел в легкое кресло в углу. Всю середину светлого зала занимало чучело летучей пиявки (животный мир Марса, Солнечная система, углеродный цикл, тип «полихордовые», класс «кожедышащие», отряд, род, вид «летучая пиявка»). Это чучело было одним из первых экспонатов Кейптаунского Музея Космозоологии. Вот уже полтора века омерзительное чудище скалило пасть, похожую на многочелюстный грейфер, в лицо каждому, кто входил в павильон. Девятиметровое, покрытое жесткой блестящей шерстью, безглазое, безногое... Бывший хозяин Марса...

«Да, были дела на Марсе, — подумал охотник. — Такое не забудешь. Полсотни лет назад эти чудовища, почти полностью истребленные, неожиданно размножились вновь и принялись, как встарь, пиратствовать на коммуникациях марсианских баз. Вот тогда-то и была проведена знаменитая глобальная облава.

...Я трясся на краулере и почти ничего не видел в тучах песка и пыли, поднятых гусеницами. Справа и слева неслись желтые песчаные танки, набитые добровольцами, и один танк, выскочив на бархан, вдруг перевернулся, и люди стремглав посыпались с него, и тут мы выскочили из пыли, и Вилли Эрмлер вцепился в мое плечо и заорал, указывая вперед. И я увидел пиявок, сотни пиявок, которые крутились на солончаке в низине между барханами. Я стал стрелять, и другие тоже начали стрелять, а Эрмлер все возился со своим самодельным ракетометателем и никак не мог привести его в действие. Все кричали и ругали его и даже грозили побить, но никто не мог оторваться от карабинов. Кольцо облавы смыкалось, мы уже видели вспышки выстрелов с краулеров, идущих навстречу, и тут Эрмлер просунул между мной и водителем ржавую трубу своей пушки, раздался ужасный рев и грохот, и я пова-

лился, оглушенный и ослепленный, на дно краулера. Солончак заволокло густым черным дымом, все машины остановились, а люди прекратили стрельбу и только орали, размахивая карабинами. Эрмлер в пять минут растратил весь свой боезапас, машины съехали на солончак, и мы принялись добивать все живое, что здесь осталось после ракет Эрмлера. Пиявки металась между машинами, их давили гусеницами, и я все стрелял, стрелял, стрелял... Я был молод тогда и очень любил стрелять. К сожалению, я всегда был отличным стрелком, к сожалению, я никогда не промахивался. К сожалению, я стрелял не только на Марсе и не только по отвратительным хищникам. Лучше бы мне никогда в жизни не видеть карабина...»

Он встал, обошел чучело летучей пиявки и побрел вдоль галереи. Вероятно, он выглядел неважно, потому что многие останавливались и с тревогой смотрели на него. В конце концов к нему подошла одна девушка и робко осведомилась, не может ли она чем-либо помочь.

— Ну что ты, девочка! — сказал охотник. Он через силу улыбнулся, залез двумя пальцами в нагрудный карман и достал дивной красоты раковину с Яйлы. — Это тебе, — сказал он. — Я привез ее издалека.

Она слабо улыбнулась в ответ и взяла раковину.

— Вы очень дурно выглядите, — сказала она.

— Я уже не молод, детка, — ответил охотник. — Мы, старики, редко выглядим хорошо. Нам приходится слишком много таскать на душе.

Наверное, девушка не поняла его, но он и не хотел, чтобы она поняла. Он погладил ее по голове и пошел дальше. Только теперь он расправил плечи и старался держаться прямо. Люди больше не оглядывались на него.

«Не хватает еще, чтобы меня жалели девчонки! — думал он. — Совершенно расклеился. Наверное, мне больше не нужно возвращаться на Землю. Наверное, мне нужно навсегда остаться на Яйле, поселиться на краю Серых Болот и ставить западни на рубиновых угрей. Никто не знает Серых Болот лучше меня, и я был бы там как раз на месте. Там очень много дела для охотника, который никогда не стреляет...»

Он остановился. Он всегда останавливался здесь. В продолговатом стеклянном ящике на обломках серого песчаника стояло, растопырив три пары корявых ножек, чучело сморщенной невзрачной серенькой ящерицы.

У большинства неосведомленных посетителей серый шестиног не вызывал никаких эмоций. Не многие знали чудесную историю сморщенного шестинога. Но охотник знал и всегда испытывал чувство какого-то суеверного восхищения перед могучей силой жизни, когда останавливался здесь. Эта ящерица была убита в десяти парсеках от Солнечной системы, ее труп был препарирован, и сухое чучело простояло на этом самом стенде два года. И вдруг в один прекрасный день на глазах у посетителей из морщинистой серой кожи полезли десятки крошечных юрких шестиногов. Правда, они сразу же погибли в воздухе Земли, сгорели от избытка кислорода, но шум был страшный, и зоологи так до сих пор и не знают, как это могло произойти. Воистину жизнь — это единственное, чему стоит поклоняться в этом мире...

Охотник брел по галереям, переходя из павильона в павильон. Яркое африканское солнце — доброе горячее солнце Земли — освещало залитых в стеклопласт зверей, родившихся под другими солнцами, за сотни миллиардов километров отсюда. Почти все они были знакомы охотнику, он видел их много раз и не только в музее. Иногда он останавливался перед новыми экспонатами, читал диковинные названия диковинных животных и знакомые имена охотников. «Мальтийская шпага», «Крапчатый дзо», «Большой цзи-линь», «Малый цзи-линь», «Капуцин перепончатый», «Черное пугало», «Царевна-лебедь»... Симон Крейцер, Владимир Бабкин, Бруно Бельяр, Николас Друо, Жан Салье-младший... Он знал их всех и был теперь самым старшим из них, хотя не самым удачливым. Но он радовался, узнавая, что Салье-младший поймал наконец чешуйчатого скрытожаберника, что Володя Бабкин доставил на Землю живым слизняка-глайдера, а Бруно Бельяр подстрелил все-таки на Пандоре горбоноса с белой перепонкой, за которым охотился уже несколько лет...

Так он пришел в десятый павильон, где было много его собственных трофеев. Здесь он останавливался почти у каждого стенда, вспоминая и смакуя. Вот «ковер-самолет», он же «падающий лист». «Я выслеживал его четыре дня. Это было на Ружене, где так редко выпадают дожди, где когда-то, давным-давно, погиб замечательный зоолог Людвиг Порта. «Ковер-самолет» передвигается очень быстро и имеет очень тонкий слух. За ним нельзя охотиться

на машине, его надо выслеживать днем и ночью, отыскивая слабые маслянистые следы в листве деревьев. Я его выследил, и с тех пор больше никто его не может выследить, и гордый, самолюбивый Салье не раз говаривал, что это была случайная удача. — Охотник с гордостью потрогал буквы, врезанные в пояснительную табличку: «...Добыт и препарирован охотником И. Хариным». — Я выстрелил в него четыре раза и ни разу не промахнулся, но он был еще жив, когда валился на землю, ломая ветки деревьев с зелеными стволами. Это было, когда я еще стрелял...

А вот безглазое венерианское чудовище из тяжеловодных болот. Безглазое и бесформенное. Никто толком не знал, какую придать ему форму, когда набивали чучело, и в конце концов набили по самой удачной фотографии. Я гнал его через болото к берегу, где были открыты несколько ловушек, и он провалился в одну и долго ревел там, ворочаясь в черной жиже, и потребовалось два ведра бетановокаина, чтобы усыпить его. Это было совсем недавно, лет десять назад, и тогда я уже не стрелял... Это приятное свидание».

Чем дальше продвигался охотник по галерее десятого павильона, тем медленнее становились его шаги. Потому что ему не хотелось идти дальше. Потому что он не мог не идти дальше. Потому что приближалось главное свидание. И с каждым шагом он все сильнее ощущал знакомое тоскливое беспокойство. А из стеклянного ящика уже следили за ним круглые белые глаза...

Как всегда, он подошел к этому небольшому стенду, опустив голову, и прежде всего прочитал на пояснительной табличке надпись, которую давно выучил наизусть: «Животный мир планеты Крукса, система звезды ЕН 92, углеродный цикл, тип «монохордовые», класс, отряд, род, вид «четверорук трёхпалый». Добыт охотником И. Хариным, препарирован доктором В. Эрмлером». Потом он поднял глаза.

Под стеклянным колпаком на наклонной полированной доске лежала голова — сильно сплюснутая по вертикали, голая и черная, с плоской овальной лицевой частью. Кожа на лицевой части была гладкая, как на барабане, не было ни рта, ни лба, ни носовых отверстий. Были только глаза. Круглые, белые, с маленькими черными зрачками и необычайно широко расставленные. Правый глаз

был слегка попорчен, и это придавало мертвому взгляду странное выражение. Эрмлер — превосходный таксидермист: точно такое выражение было у четверорука, когда охотник впервые наклонился над ним в тумане. Давно это было...

Это было семнадцать лет назад. «Зачем это случилось? — подумал охотник. — Ведь я не собирался там охотиться. Крукс сообщал, что там почти нет жизни — только бактерии да сухопутные рачки. И все-таки, когда Сандерс попросил меня осмотреть окрестности, я взял в вездеход карабин...»

Над каменными осыпями висел туман. Поднималось маленькое красное солнце — красный карлик ЕН 92, — и туман казался красноватым. Под мягкими гусеницами вездехода шуршали камни, из тумана одна за другой выплывали темные невысокие скалы. Потом что-то зашевелилось на гребне одной из скал, и охотник остановил машину. На таком расстоянии рассмотреть животное было трудно. К тому же мешал туман и сумеречное освещение. Но у охотника был опытный глаз. Конечно, по гребню скалы пробиралось какое-то крупное позвоночное, и он обрадовался, что все-таки захватил с собой карабин. «Посраим Крукса!» — весело подумал он. Он поднял крышку люка, осторожно высунул наружу ствол карабина и стал целиться. В тот момент, когда туман поредел и горбатый силуэт животного отчетливо обозначился на фоне красноватого неба, охотник выстрелил. Сейчас же слепящая лиловая вспышка возникла на том месте, где находилось животное. Что-то громко треснуло, и послышался длинный шипящий звук. Затем над гребнем скалы поднялись и смешались с туманом облака серого дыма.

Охотник очень удивился. Он помнил, что зарядил карабин анестезирующей иглой, от которой меньше всего можно было ожидать такого взрыва. Поразмыслив несколько минут, он вылез из вездехода и отправился искать труп. Он нашел его там, где и ожидал, — под скалой, на каменной осыпи. Это действительно оказалось четвероногое или четверорукое животное размером с крупного дога. Оно было страшно обожжено и изувечено, и охотник вновь поразился, какое ужасное действие произвела обыкновенная анестезирующая игла. Трудно было даже представить себе первоначальный вид животного. Относительно целой осталась только передняя часть головы —

плоский овал, обтянутый гладкой черной кожей, и на нем белые потухшие глаза. Охотник перенес останки на вездеход и вернулся к кораблю.

На Земле трофеем охотника занялся Эрмлер. Через неделю он сообщил охотнику, что трофей сильно разрушен и особого интереса не представляет, разве что как доказательство существования высших форм животных в системах красных карликов. Он посоветовал охотнику на будущее поаккуратнее обращаться с термитными патронами. «Можно подумать, что ты палил с перепугу, — сказал он раздраженно, — словно оно на тебя напало». — «Но я отлично помню, что стрелял анестезирующей иглой», — возразил охотник. «А я отлично вижу, что ты попал ему термитной пулей в позвоночник», — ответил Эрмлер. Охотник пожал плечами и не стал спорить. Интересно было бы, конечно, узнать, отчего произошел такой взрыв, но, в конце концов, это было не так уж и важно.

«Да, тогда это казалось совсем не важным, — думал охотник. Он все стоял и смотрел на плоскую голову четверорука. — Посмеялся над Круксом, поспорил с Эрмлером и все забыл. А потом пришло сомнение и с сомнением — горе».

Крукс организовал две крупные экспедиции. Он обшарил большие пространства на своей планете. И он не нашел там ни одного животного крупнее рачка величиной с мизинец. Зато в Южном полушарии на каменном плато он обнаружил неизвестно чью посадочную площадку — круглый участок оплавленного базальта диаметром около двадцати метров. Сначала этой находкой заинтересовались, но вскоре выяснилось, что где-то в том районе два года назад приземлялся для текущего ремонта звездолет Сандерса, и о находке забыли. Забыли все, кроме охотника. Потому что к тому времени у охотника уже родились сомнения.

Как-то в Ленинградском Клубе Звездолетчиков охотник услышал историю о том, как на планете Крукса чуть не сгорел заживо бортинженер Адамов. Адамов вышел из корабля с неисправным кислородным баллоном. В баллоне была течь, а атмосфера планеты Крукса насыщена легкими углеводородами, бурно реагирующими со свободным кислородом. К счастью, с Адамова успели сорвать пылающий баллон, и он отделался только небольшими ожогами. Охотник слушал этот рассказ, и перед его

Он поднял крышку люка и высунул ствол карабина.

глазами стояла лиловая вспышка над черным гребнем скалы.

Когда на планете Крукса была обнаружена посадочная площадка неизвестного звездолета, сомнение превратилось в страшную уверенность. Охотник кинулся к Эрмлеру. «Кого я убил? — кричал он. — Это зверь или человек? Вилли, кого я убил?» Эрмлер слушал его, наливаясь кровью, а потом заорал: «Сядь! Прекрати истерику, старая баба! Как ты смеешь мне это говорить? Ты думаешь, что я, Вильгельм Эрмлер, не в состоянии отличить разумное существо от зверя?» — «Но посадочная площадка!» — «Ты сам садился на это плоскогорье с Сандерсом!» — «Вспышка! Я пробил иглой кислородный баллон!» — «Болван, не надо было стрелять термитными снарядами в углеводородной атмосфере!» — «Пусть так, но ведь Крукс не нашел там больше ни одного четверорука! Я знаю, это был чужой звездолетчик!» — «Баба! — орал Вилли. — Истеричка! Да на планете Крукса, может быть, еще сто лет не найдут ни одного четверорука! Огромная планета, изрытая пещерами, как голландский сыр! Тебе просто повезло, дурак, а ты не сумел воспользоваться и привез мне вместо животного обугленные кости!»

Охотник стиснул руки так, что затрещали пальцы.

— Нет, Вилли, я привез тебе не животное, — пробормотал он. — Я привез тебе все-таки чужого звездолетчика...

Как много слов ты потратил, старина Вилли! Сколько раз ты убеждал меня. Сколько раз мне казалось, что сомнения уходят навсегда, что я снова могу вздохнуть спокойно и не чувствовать себя убийцей. Как все люди на нашей Земле. Как детишки, которые играют в «марсианские прятки». Как юноши и девушки, что шепчутся на скамейках под оранжевыми пальмами. Но сомнения возвращаются, их не убьешь хитроумной логикой. Еще никто не встречался с разумными существами с других миров? Но разве это доказательство, что их нет вообще? Разумное существо не может быть похожим на моего четверорука? Но кто может доказать это? Нет прямых доказательств моего преступления? Да разве дело в доказательствах?

Он положил руки на стенд и прижался лицом к прозрачному пластику.

— Кто ты? — с тоской прошептал он.

...Эрмлер увидел его издалека, и, как всегда, ему стало невыносимо больно при виде этого гордого и сильного когда-то человека, так страшно сломленного собственной совестью. Но он притворился, что все отлично, как отличный солнечный день Кейптауна. Нарочито громко стуча каблуками, он подошел к охотнику, хлопнул его ладонью по спине и нарочито бодрым голосом воскликнул:

— Свидание окончено! Я зверски хочу есть, Игорь, и мы пойдем сейчас ко мне и славно отобедаем. Сегодня Марта приготовила в твою честь настоящий оксеншванцензуппе. Пойдем, охотник, зуппе ждет нас.

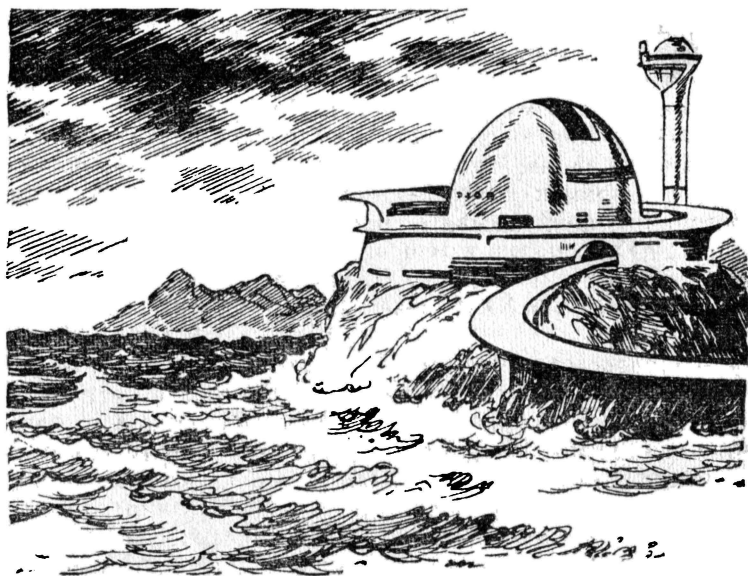
— Пойдем, — тихо сказал охотник.

— Я уже дважды звонил домой. Все жаждут видеть тебя и слушать твои рассказы.

Охотник покивал и медленно пошел к выходу. Эрмлер посмотрел на его сгорбленную спину и повернулся к стенду. Глаза его встретились с белыми мертвыми глазами за прозрачной стенкой. «Поговорили?» — молча спросил Эрмлер. — «Да». — «Ты ничего ему не сказал?» — «Нет». Эрмлер взглянул на пояснительную табличку. «...Четверорук трехпалый. Добыт охотником И. Хариным, препарирован доктором В. Эрмлером». Он снова оглянулся вслед охотнику и быстро украдкой написал мизинцем над словом «трехпалый»: «sapiens»¹. На табличке не осталось, конечно, ни одного штриха, но Эрмлер поспешно потер ее ладонью.

Доктору Эрмлеру тоже было тяжело. Он-то знал наверняка, знал с самого начала...

¹ Sapiens (лат.) — разумный, мыслящий,

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ БЛАГОУСТРОЕННАЯ ПЛАНЕТА

МОБИ ДИК

К концу октября стада усатых китов и кашалотов начинали миграцию в экваториальную зону. Их принимали малайские и индонезийские базы, а работники Океанской охраны Курильско-Камчатско-Алеутского пояса уходили в отпуск, или занимались любительским патрулированием, или помогали океанологическим и океанографическим экспедициям. Зимние месяцы на северо-востоке — неприятное время года. Это бури, дожди, серое, угрюмое небо и серый, злой океан. Собственно, исправление климатических условий в Беринговом море и южнее не состави-

ло бы большого труда: достаточно было бы опустить вдоль дуги ККА несколько сотен мезонных реакторов — стандартных микропогодных установок, какие используются в мире уже столетия. Но ни один синоптик не мог сказать, к чему это приведет. После катастрофы, вызванной на Британских островах попыткой утихомирить Бискайский залив, Мировой Совет воспретил такие проекты до тех времен, когда теоретическая синоптика будет в состоянии предсказывать все долговременные последствия значительных изменений макроклимата. Поэтому зимние месяцы по берегам Берингова моря остались почти такими же в XXII веке, какими были, скажем, в XV веке.

Что касается командира звена субмарин Кондратьева, то он не ездил в отпуск, очень редко ходил в патруль и никогда не предлагал своих услуг океанологам. Как говорили его друзья, Кондратьев тешил свои «родимые пятна капитализма» — предавался зимой безудержной лени. Великолепное овальное здание базы «Парамушир», уходящее на шесть этажей в гранит и возвышающееся стеклянно-стальным куполом на три этажа, располагалось на мысе Капустном. Квартира Кондратьева (кабинет и спальня) находилась на втором этаже, окна выходили на юг, на Четвертый Курильский пролив. Летом в особенно ясные дни из окон можно было видеть на юго-западе за синей гладью океана белый, как облачко, крошечный треугольник — вулкан Маканруши, а зимой чудовищной силы прибой ляпал в стекла зеленоватую, пузырящуюся пену. Обстановка квартиры была стандартной. Кондратьев по привычкам и по профессиональному духу был аскетом, и она казалась ему достаточно роскошной. Поэтому он и не пытался как-то обжить и украсить ее, только в кабинете над столом повесил полуметровый клык нарвала, убитого в рукопашной во время подводной прогулки лет пять назад, да завел самодельную полочку со старыми книгами, взятыми из походной библиотеки «Таймыра».

Кондратьев очень любил свою квартиру. Особенно зимой. Он часами сидел у огромного, во всю стену, окна в кабинете, беспричинно улыбаясь, вглядываясь в бушующие волны. Едва слышно пощелкивает система кондиционирования, в комнате полумрак, тепло и уютно, возле локтя чашка черного кофе, а за окном страшный ураган несет сжатые массы воздуха, перемешанного с дождем и

снегом, вихри соленой воды, и не понять, где кончается воздух и начинаются пенистые гребни волн.

Еще хорошо было встать среди ночи, чуть-чуть приоткрыть затененное освещение и чуть-чуть включить Грига или Шумана и покойно слушать тихую музыку и едва различимые шумы зимней ночи. А потом взять с полки потрепанную книжку автора, которого давно уже забыли на Планете, и не читать — только вспоминать о далеком прошлом, не то грустя, не то радуясь. Никак не понять, грусть или радость приносили эти часы одиночества, но они приносили счастье.

Зимой многие уезжали. Улетал в Среднюю Азию с женой веселый Толя Зайцев, на недели пропадал в экспедициях жадный до дела Эдик Свирский, отправлялся в дальние зимние рейсы серьезный насмешник Макс. Из тех, кто оставался на базе, одни уходили по вечерам в Васильево и там танцевали и веселились до утра, другие сидели по своим квартирам и обрабатывали материалы, полученные летом, занимались исследовательской работой. Сергея Ивановича частенько эксплуатировали — он очень любил помогать. «Слушай, Сергей, прости, беспокою тебя... Ты, кажется, был в июне на Зимней банке. У тебя есть данные по солености воды? Дай, пожалуйста... Спасибо». «Здравствуй, холостяк! Бездельничаешь? Будь другом, помоги труженику — дай твою статистику по зубам верхней челюсти у кашалотов... Вот спасибо, дружище!.. Будь здоров». «Сергей Иванович, разрешите... У меня спешная работа, завтра надо передать в Хабаровск... Я боюсь, что не успею, помогите мне посчитать вот это... Поможете? Вот хорошо-то!»

Сергею Ивановичу очень нравилось, что все незанятые люди собирались, как правило, в компании — большие и маленькие. Пестрые отряды скалолазов, обмотанных во круг пояса тридцатиметровыми шарфами, карабкались по обледенелым кручам, куда, впрочем, можно было при желании спокойно подняться по тропинкам с другой стороны. Зимние аквалангисты набивались в субмарины и переправлялись через пролив на Макаруши, где дни напролет бродили по лабиринтам подводных пещер. Из спортивных залов доносились выкрики, топот и буханье мячей. В клубах витийствовали дискуссионеры — там в утилитарных целях развития сообразительности и логического мышления обсуждались очень странные вопросы.

В музыкальных комнатах, неподвижные, как покойники, возлежали в глубоких креслах ценители нежнейших мелодий. Люди, как правило, чувствовали себя особенно хорошо, когда были вместе.

Некоторое исключение составляли художники, предпочитавшие развлекаться в одиночку. Их чем-то влекло серо-свинцовое однообразие скал, ледяной воды, низкого неба. Большинство из них прямого отношения к базе не имело. Они приезжали на зиму с материка и были необычайно трудолюбивы, но гениальности, по крайней мере, по мнению Кондратьева, не обнаруживали. Иногда они устраивали в коридорах выставки своих этюдов. На выставки сбегался народ, и начинались свирепые споры: должен ли художник писать то, что видит, или то, что он чувствует, или то, что он думает. Был еще на базе один скульптор, опытный работник Океанского патруля, страдавший, однако, гигантоманией. Он мечтал создать грандиозную статую чего-то такого, и все скалы в окрестностях базы носили неизгладимые следы его вдохновения.

Время от времени база оглашалась непривычным оголтело-веселым шумом. Это случалось, когда в гости приходили юноши и девчонки с Васильевского рыбного комбината. На комбинате работало шестьдесят человек — двадцать пять операторов, тридцать практикантов и пять кибернетистов-снабженцев, на обязанности которых лежало грузить и отправлять во Владивосток и в Магадан самоходные кибернетические баржи с готовой продукцией. Налаживать управление подводными баржами так, чтобы они без промаха и в назначенный срок приходили в нужный порт, — это была труднейшая и интереснейшая задача, поэтому многие студенты-практиканты склонны были отлынивать от переработки сырья и примазывались к кибернетистам. Молодой народ базы и молодой народ завода были тесно связаны. Обычно внепроизводственная связь осуществлялась на вечеринках в комбинатском клубе, но иногда Океанская охрана приглашала гостей к себе, и тогда на базе начиналось столпотворение.

Явившись на базу, эта толпа сразу рассыпалась кучками по комнатам хозяев. Но двери в пустой обычно коридор были распахнуты, все наполнялось шумом споров, песнями, музыкой, шарканьем танцующих, веселые ком-

пани шатались из комнаты в комнату... Одним словом, было весьма весело. Комнаты были великолепно звукоизолированы, так что весь этот шум и гам никому из «взрослых» не мешал. Первое время Кондратьев запирался в такие «праздничные» вечера, но потом любопытство и зависть победили, и он стал оставлять свою дверь открытой. И много пришлось ему услышать — и новые странные песни со всех концов света, и яростные споры по очень специальным и по очень общим вопросам, и маленькие локальные сплетни о старших, в том числе и о самом себе, и объяснения в любви, такие же мучительно бессвязные, как и в прошлом веке, и даже звуки поцелуев.

Сразу за дверью комнаты Кондратьева находился узенький тупичок-ниша, которым оканчивался коридор. Кто-то соответственно обставил его: поставил кресла, сосну в стеклянном ящике, повесил газосветную лампу, тусклую и подмигивающую. Эта ниша называлась «ловерс дайм» — «пяточок влюбленных». Именно сюда приходили в плохую погоду объясняться, строить планы и выяснять подпорченные отношения. Кондратьев вздыхал, стоя на пороге своей комнаты и слушая этот шепот. Он был отлично виден влюбленным на фоне светлого коридора, но на него никто не обращал внимания, его не стеснялись, как не стеснялись вообще никого из старших. Это его задевало — ему казалось, что сопляки смотрят на него как на мебель. Но однажды он подслушал, что его называли «стражем ловерс дайма», и он понял, что его просто считают неким негласным судьей и свидетелем, общественной совестью. Впрочем, это тоже было достаточно обидно. Кондратьев захлопывал дверь и подолгу с ворчанием рассматривал в зеркале свою худую коричневую физиономию и ежик жестких волос над широким большим лбом. «Да уж, — уныло думал он старую мыслишку. — Где уж мне...»

Как-то раз случился сильный тайфун, и волны разбили пластмассовую балюстраду, огораживавшую оранжерейную площадку базы. На следующий день по вызову базы с комбината прибыла вся молодежь и принялась за починку. Старшие тоже приняли участие. Самые ловкие и сильные ребята опускались в люльках со скалы и крепили легкие пластмассовые плиты к камню вдоль обрыва, предварительно размягчив камень ультразвуком. Бури уже не было, но серые ледяные волны накатывались на

берег из серого тумана и с ужасным громом лупили в скалы-стены, обдавая висящих в люльках потоками брызг. Работали весело, с большим шумом.

Кондратьев взялся крепить размякший, как тесто, камень вокруг оснований балюстрадных плит. Надо было густо намазывать это каменное тесто, как цемент, заглаживать специальной лопаточкой и затем обрабатывать место крепления ультразвуком второй раз. Тогда пластмасса и камень схватывались намертво и плита балюстрады становилась как бы частью скалы. В разгар работы Кондратьев обнаружил, что ему не приходится шарить рукой в поисках инструментов. Инструменты сами попадали в его протянутую руку, и именно те, которые были нужны. Кондратьев обернулся и увидел, что рядом с ним сидит на корточках лаборантка базы Ирина Егорова. Она была закутана в меховой комбинезон с капюшоном и казалась непривычно неуклюжей.

— Спасибо, — сказал Кондратьев.

— Сколько угодно, — сказала Ирина и засмеялась.

Несколько минут они работали молча, прислушиваясь к сварливому спору о природе ядов в молóках кистепёра, доносившемуся от соседней плиты сквозь рев волн и ветра.

— Вы все один да один, — сказала Ирина.

— Привычка, — ответил Кондратьев. — А что?

Ирина глядела на него странными глазами. Она была очень славная девочка, только очень уж суровая. Поклонники от нее стоном стонали, и Сергей Иванович тоже ее побаивался. Язык у нее был совершенно без костей, а чувство такта было явно недоразвито. Она была способна ляпнуть все, что угодно, в самый неподходящий момент и неоднократно делала это. Так вот посмотрит-посмотрит странными глазами и ляпнет что-нибудь. Хоть плачь.

— Я хочу давно спросить вас, Сергей Иванович, — сказала Ирина. — Можно?

Кондратьев покосился опасливо. «Ну вот, пожалуйста. Сейчас спросит, почему у меня волосатая спина, — был такой случай прошлым летом на пляже при большом скоплении народа».

— М-можно, — сказал он не очень уверенно.

— Скажите, Сергей Иванович, вы были женаты тогда, в своем веке?

«Пороть тебя некому!» — с чувством подумал Кондратьев и сказал сердито:

— Легко видеть, что не был.

— Почему это легко видеть?

— Потому что как бы я мог пойти в такую экспедицию, если б был женат?

Подошел океанский охотник Джонсон, который три года назад был строителем и сейчас взял на себя руководство работами, покивал одобрительно, погладил Кондратьева по спине, сказал: «О, вери, вер-ри гуд!» — и ушел.

— Тогда почему вы, Сергей Иванович, такой нелюдимый? Почему вы так боитесь женщин?

— Что? — Кондратьев перестал работать. — То есть как это — боюсь? Откуда это, собственно, следует?

«А ведь и вправду боюсь, — подумал он. — Вот ее боюсь. Все время привязывается и вышучивает. И все вокруг хохочут, а она нет. Только смотрит странными глазами».

— Дайте-ка насадку, — сказал он, сдвинув брови до упора. — Нет, не эту. На малую мощность. Спасибо.

— Я, наверное, неудачно выразилась, — сказала Ирина тихо. — Конечно, не боитесь. Просто сторонитесь. Я думала, может быть тогда, в своем веке...

— Нет, — сказал он.

Она и говорила как-то странно.

— Сегодня вечером будем танцевать, — быстро сказала она. — Вы придете?

— Я же не умею, Ирина.

— Вот и хорошо, — сказала Ирина. — Это самое интересное.

Кондратьев промолчал, и до конца работы они больше не разговаривали.

Работа была закончена к вечеру. Затем было много шума и смеха, много плеска в бассейне и в ваннах, и все сошлись в столовой, чистые, розовые, томные и зверски голодные. Ели много и вкусно, пили еще больше — вино и ананасный сок главным образом, затем стали танцевать. Ирина сразу вцепилась в Кондратьева и долго мучила его, показывая, с какой ноги надо выступать под левый ритм и почему нельзя делать шаг назад при правом ритме. Кондратьев никак не мог разобраться, что такое правый и левый ритмы, вспотел, рассердился и, крепко

взяв Ирину за руку, вывел ее из толпы танцующих в коридор.

— Будет с меня.

— Еще немножко, — просительно сказала Ирина.

— Нет. У меня уже бока болят от толчков. А что я ног сегодня отдал — счету нет...

Он повел ее по коридору, бессознательно прижимая ее руку к себе. Она молча шла за ним. Потом он вдруг остановился и нервно рассмеялся.

— Куда это я вас веду? — сказал он, глядя в сторону. — Идите, идите, танцуйте.

— А вы?

— А я... это... Да что я, пойду к старичкам, сыграю в го¹.

Они остановились посреди коридора. Из раскрытых дверей доносились звуки хориолы, кто-то пел сильным, свободным голосом:

Deep blue sea, baby, deep blue sea.

Deep blue sea, baby, deep blue sea.

Deep blue sea, baby, deep blue sea...

Hit was Willy, who got drowned in the deep blue sea...²

— Джонсон поет, — тихо сказала Ирина. — Красиво поет Джонсон.

— Да, красиво, — согласился Кондратьев. — Но вы тоже красиво поете.

— Да? А где вы слыхали меня?

— Ну господи, да хотя бы месяц назад, когда ребята с комбината приходили в последний раз.

— И вы слушали?

— Я всегда слушаю, — уклончиво сказал Кондратьев. — Встану у себя в дверях и слушаю.

Она засмеялась:

— Если бы мы знали, мы обязательно...

— Что?

— Ничего.

Кондратьев насупился. Затем он встрепенулся и с изумлением осмотрелся. Да полно, он ли это? Стоит в коридоре, не зная, куда идти, не желая никуда идти, чего-то ожидая, что-то предчувствуя, чему-то странно ра-

¹ Го — японская игра, разновидность шашек.

² В синем море, детка, в глубоком синем море...

Там наш Вилли утонул — в глубоком синем море (англ.).

дуясь... Наваждение. Колдовство. Эта синеглазая тощая девчонка. Праправнучка. Если бы у него были дети, это могла бы быть его собственная праправнучка.

Мимо пробежали юноша и девушка, оглянулись на них, подмигнули и скрылись в открытых дверях. Из дверей сейчас же донесся взрыв многоголосого хохота. Ирина словно очнулась.

— Пойдемте, — сказала она.

Кондратьев не спросил куда. Он просто пошел. И они пришли на «ловерс дайм». И сели в кресла под пахучей смолистой сосной. И над ними замигала мягко слабая газосветная лампа.

— Сергей Иванович, — сказала Ирина, — давайте помечтаем.

— В мои-то годы... — печально отозвался Кондратьев.

— Ага, в ваши. Очень интересно, о чем в ваши годы мечтают?

Положительно, никогда за свою жизнь Кондратьев не вел таких разговоров. Он удивился. Он до того удивился, что серьезно ответил:

— Я мечтаю добыть Моби Дика. Белого кашалота.

— Разве бывают белые кашалоты?

— Бывают. Должны быть. Я добуду белого кашалота и... это...

— Что?

— И все. Тогда моя мечта исполнится.

Ирина подумала. Затем сказала решительно:

— Нет. Это не мечта.

— Почему не мечта? Мечта.

— Не мечта.

— Ну, мне-то лучше знать...

— Нет. Это... Цель работы, что ли... Не знаю. Вот если бы белых кашалотов не существовало, тогда это была бы мечта.

— Но они существуют.

— В том-то и дело.

Она смотрела на лампу, и глаза ее вспыхивали и гасли.

— А раньше... Сто лет назад какая была у вас мечта? Большая мечта, понимаете?

Он стал добросовестно вспоминать.

— Было всякое. Но теперь это неважно. Мечтал... Мы все мечтали достигнуть звезд...

— Теперь это уже сделано.
— Да. Мечтали, чтобы всем на земле было хорошо.
— Это невозможно...
— Нет, это тоже сделано. Так, как мы тогда мечтали. Чтобы все на Планете не заботились о еде и о крыше и не боялись, что у них отнимут...

— Но ведь это так мало!..
— Но это было страшно трудно, Ирина. Вы тут и представить себе не можете, как это много — хлеб и безопасность...

— Да, да, я знаю. Но теперь это история. Мы помним об этом, но ведь все это уже сделано, правда?

— Правда.
— Вот я и спрашиваю: какая теперь у вас большая мечта?

Кондратьев стал думать и вдруг с изумлением и ужасом обнаружил, что у него нет большой мечты. Тогда, в начале ХХI века он знал: он был коммунистом и, как миллиарды других коммунистов, мечтал об освобождении человечества от забот о куске хлеба, о предоставлении всем людям возможности творческой работы. Но это было тогда, сто лет назад. Он так и остался с теми идеалами, а сейчас, когда все это уже сделано, о чем он может еще мечтать?

Сто лет назад... Тогда он был каплей в могучем потоке, зародившемся некогда в тесноте эмигрантских квартир и в застуженных залах экспроприированных дворцов, и поток этот увлекал человечество в неизведанное, ослепительно сияющее будущее. А сейчас это будущее наступило, могучий поток разлился в океан, и волны океана, заливая всю планету, катились к отдаленным звездам. Сейчас больше нет некоммунистов. Все десять миллиардов — коммунисты. «Милые мои десять миллиардов... Но у них уже другие цели. Прежняя цель коммуниста — изобилие и душевная и физическая красота — перестала быть целью. Теперь это реальность. Трамплин для нового, гигантского броска вперед. Куда? И где мое место среди десяти миллиардов?»

Он думал долго, вздыхал и поглядывал на Ирину. Ирина молча смотрела на него странными глазами, такими странными и чудными, что Сергей Иванович совсем потерял нить разговора.

— Что же это, Ирина, — произнес он наконец. — Что же, мне теперь и мечтать не о чем?

— Не знаю, — сказала Ирина.

Они смотрели друг на друга — глаза в глаза. Господи, подумал Кондратьев с тоской. Вот взять ее тихонько за руку и погладить тонкие пальцы. И прижаться щекой...

— Сергей Иванович, — сказала Ирина тихо, — мы хорошие люди?

— Очень.

— Вам нравится здесь?

— Да. Очень.

— И вам не одиноко?

— Нет, что вы, Иринка...

Это «Иринка» получилось у него как-то само собой.

— Мне очень хорошо. И Моби Дик... Мне это очень нравится, Иринка, — Моби Дик. Пусть сначала Моби Дик, а потом видно будет.

— Жаль.

— Ну, что делать. Не великой я мечты человек. Моя звезда — близкая звезда.

Ирина усмехнулась и покачала головой. Она сказала:

— Я не об этом. Я думала, вы одинокий... Я думала, вам тяжело одному... Я люблю вас.

Утром звено субмарин Кондратьева подняли по тревоге. С дежурного вертолета Океанской охраны сообщили, что в стаде кашалотов, идущем на кальмарное пастбище, произошла драка между старым самцом — вожаком стада и одиноком-пиратом. Кашалоты ходят стадами до тридцати голов, старый опытный самец-вожак и старые и молодые самки. Вожак не подпускает других самцов к стаду и изгоняет молодых, а иногда и убивает их, но время от времени стадо подвергается нападению злющего одиноца, которого Океанская охрана называет пиратом. Тогда происходит бой. Океанская охрана всегда старается помочь вожаку. Прежде всего потому, что вожак, как правило, приручен и водит стадо по привычным и известным трассам — к специально организованным пастбищам кальмаров и подальше от трасс миграций усатых китов. Известны случаи, когда одиноца, которому удавалось отделить от стада нескольких самок, вел их прямо в район китового молодняка и устраивал там кровавую бойню.

Летчик вертолета атаковал одиноца, но вертолет так

сильно трепало и противники находились так близко друг от друга, что он расстрелял весь боезапас и попал анестезирующей бомбой только один раз — и не в пирата, а в вожака. Оглушенный вожак перестал сопротивляться. Одинец быстро добил его, ловко отделил от стада молодых самок и погнал их на юг, в район планктонных полей, где благоденствовали молочные, только что ошенившиеся матки. Вдогонку пирату были брошены два звена субмарин охраны, и еще одно звено готовилось встретить его на дальних подступах к району шена.

Все в этой операции шло с самого начала неудачно. Первое звено, под командой Коршунова, разделилось в пылу погони и потеряло ориентировку. Звено субмарин Кондратьева было сброшено с транспортного турболета — оно должно было попасть в район впереди одиноца и отрезать его от самок, но вследствие ли поспешности или неопытности пилотов субмарины оказались далеко позади стада. Кондратьев распорядился всем идти на глубине в сто метров и только сам время от времени выскакивал на ходу на поверхность принять радиогаммы с сопровождающих вертолетов.

Погоня продолжалась весь день. Около семи вечера Ахмет, который шел правым ведомым, закричал:

— Вот он! Командир, цель обнаружена, дистанция триста — триста пятьдесят метров, четыре сигнала! Ух, понимаешь, настоящий Моби Дик!

— Координаты? — спросил Кондратьев в микрофон.

— Азимут... Высота с глубины двести десять...

— Вижу.

Кондратьев подрегулировал ультразвуковой прожектор. На экране всплыли и закачались большие светлые пятна-сигналы. Пять... Шесть... Восемь... Все здесь. Семь угнанных самок и сам одинец. Дистанция триста пятнадцать — триста двадцать метров. Идут «звездой»: самки по периферии вертикально поставленного кольца диаметром в пятьдесят метров, самец — в центре и немного позади.

Кондратьев круто повернул субмарину вверх. Надо было выскочить на поверхность и сообщить вертолетам, что стадо беглецов обнаружено. Субмарина задрожала от напряжения, пронзительно завывли турбины. У Кондратьева заложило уши. Он наклонился над приборной доской и вцепился обеими руками в мягкие рукоятки руля. Но он

не отрывал взгляда от иллюминатора. Иллюминатор быстро светлел. Мелькнули какие-то тени, неожиданно ярко блеснуло серебряное брюхо небольшой акулы, затем — у-ах! — субмарина стремительно вылетела из воды. Кондратьев торопливо отпустил кормовые крылья.

Раз-два! Сильная волна ударила субмарину в правый борт. Но инерция движения и крылья уже подняли ее и перебросили через пенистый гребень. На несколько секунд Кондратьев увидел океан. Океан был лилово-черный, изрытый морщинистыми волнами и покрытый кровавой пеной. Кровавой — это только на мгновение так подумалось Кондратьеву. На самом деле это были отблески заката. Небо было покрыто низкими сплошными тучами, тоже лилово-черными, как и океан, но на западе — справа по курсу — низко над горизонтом висело сплюснутое багровое солнце. Все это — свинцово-лиловый океан, свинцово-лиловое небо и кровавое солнце — Кондратьев увидел на один миг через искажающее, залитое водой стекло иллюминатора. В следующий миг субмарина вновь погрузилась, зарывшись острым носом в волну, и вновь натужно взвыли турбины.

— Я — Кондратьев, цель обнаружена, курс...

Субмарина неслась, как глиссер, прыгая с гребня на гребень, тяжело шлепая округлым днищем по воде. Белорозовая пена плескалась в иллюминатор и сейчас же смывалась зеленоватой пузырящейся водой. Быстроходные субмарины Океанской охраны способны передвигаться, как летающие рыбы: вырываться на полной скорости из воды, пролетать в воздухе до пятидесяти метров, снова погружаться и, набрав скорость, совершать новый прыжок. При преследовании и при других обстоятельствах, требующих поспешности, этот способ передвижения незаменим. Но только при спокойном или хотя бы не слишком беспокойном океане. А сейчас была буря. Субмарине так поддавало под крылья, что она подпрыгивала, как мяч на футбольном поле. Притом ее непрерывно сбивало с курса, и Кондратьев злился, не получая ответа на вызовы.

— Я — Кондратьев... Я — Кондратьев... Цель обнаружена, курс...

Ответа не было. Видимо, вертолет отнесло в сторону. Или он вернулся на базу из-за бури? Буря сильная, не меньше десяти баллов. Ладно, будем действовать сами.

Солнце то скрывалось за теперь уже черными валами, то вновь на короткое время выскакивало из-за горизонта. Тогда можно было видеть кроваво-черный океан. И бесконечные гряды волн, катившиеся с живым злым упрямством с запада. «С запада — это плохо, — думал Кондратьев. — Если бы волны шли по меридиану, то есть по курсу преследования, мы в два счета по поверхности догнали бы Моби Дика...»

Моби Дик! Пусть это еще не белый кашалот — все равно, это Моби Дик, кашалот, громадный самец в двадцать метров длиной, в сто тонн весом, грузный и грациозный. С тупой мордой, похожей на обрубок баобаба бревна, твердой и жесткой снизу и мягкой, расплывчатой сверху, где под толстой черной шкурой разлиты драгоценные пуды спермацета. С ужасной пастью, нижняя челюсть которой распахивается, как крышка перевернутого чемодана. С мощным горизонтальным хвостом, с одной длинной узкой ноздрей на кончике рыла, с маленькими злыми глазами, с белым морщинистым брюхом. Моби Дик, свирепый Моби Дик, гроза кальмаров и усатых китов. Интересно, когда наконец это животное выведет своих невест на поверхность? Пора бы им и подышать немного...

Кондратьев бросил субмарину под воду. Он обогнал звено, уклонился немного к востоку, повернул и снова занял свое место в строю звена. В звене пять субмарин. Звено идет «звездой», как и кашалоты. В центре — Кондратьев. Левее и на двадцать метров выше — Ахмет Баратбеков, кончивший курсы всего год назад. Правее и выше — его жена Галочка. Левее и ниже — серьезный здоровяк Макс, громадный сумрачный парень, прирожденный глубоководник. Правее и ниже — Николас Дрэгану, пожилой профессор, известный лингвист, двадцатый год проводивший отпуск в охране.

Теперь до стада не более ста метров. На экране ультразвукового прожектора отчетливо виден силуэт Моби Дика — круглое дрожащее пятно, разбрасывающее светлые искры.

— Плотнее к стаду! — скомандовал Кондратьев.

— Командир, включи ультраакустику! — крикнул Ахмет.

— Частота?

— Шестнадцать шестьсот пятьдесят... Они поют! Моби Дик поет!

Кондратьев наклонился к пульта. Каждая субмарина оснащена преобразователями ультразвука. На некоторых даже есть преобразователи инфразвука, но это только на исследовательских. Океан полон звуков. В океане звучит все. Звучит сама вода. Гремят пропасти. Пронзительно воют рыбы. Пищат медузы. Гудят и стонут кальмары и спруты. И поют и скрипят киты. И кашалоты в том числе. Некоторые считают, что красивее всех поют кашалоты.

Кондратьев завертел штурвальчик преобразователя. Когда тонкая стрелка на циферблате проползла отметку 16,5, субмарина наполнилась низкими, гулкими звуками. Несомненно, это пел Моби Дик, великий кашалот, и самки хором подпевали своему новому повелителю.

— Вот прохвост! — сказал Дрэгану с восхищением.

— Какой голосистый! — отозвалась Галя.

— Скотина горластая! — проворчал Макс. — Пират... Моби Дик орал: «Уа-ау-у-у... Уа-ау-у-у... Уа!...»

Его подруги отвечали: «И-и-и... Иа-и-и... И-и-и...»

Кондратьев переводил: «Скорее, скорее, еще немного, и мы будем там... Роскошное угощение... Маленькие молочные киты... Жирные, вкусные беспомощные матери... Скорее... Не отставайте!» И ему отвечают: «Мы спешим... Мы спешим изо всех сил... изо всех сил...»

Расстояние сократилось до шестидесяти метров. Пора было начинать. До искусственных пастбищ, где отлеживались сейчас синие киты с детенышами, оставалось не более сорока километров. Но когда Моби Дик собирается подышать?

— Макс, Дрэгану, вниз!

— Есть...

Макс и Дрэгану круто нырнули, заходя под «звезду» кашалотов. Кашалоты плохо видят, но все же следовало быть осторожным. Заметив преследователей, они могли бы начать игру в трех измерениях, ведь они способны погружаться на километр и более, и игра в прятки при наличии всего пяти субмарин сильно затруднила бы дело. Макс и Дрэгану, выйдя под «звезду», перерезали ей дорогу вглубь и ограничивали маневр Моби Дика двумя измерениями.

Ага, вот, наконец-то! «Звезда» сжалась и вдруг пошла к поверхности.

— Макс, Дрэгану, не зевать!

— Не зеваем, — недовольно отозвался Макс.

А профессор лингвистики весело сказал:

— Есть не зевать! — Видимо, ему нравились все эти «есть», атрибуты старинного морского и военного обихода.

Моби Дик вел свое стадо на поверхность, и снизу его подпирали Макс и Дрэгану. Кондратьев сказал:

— Иду на поверхность!

Он повернул субмарину носом кверху и включил турбины на полную мощность. Сейчас мы увидим тебя воочию, великий Моби Дик, пират и убийца!

Субмарина с ревом вырвалась из водоворота, пронеслась, сверкнув чешуей, над пенистым гребнем волны и снова ушла носом в воду, оставляя за собой клочья синтетической слизи. Солнце уже зашло, только на западе тускло горела багровая полоска. Но ночи не было над океаном. Потому что светились тучи. Над океаном царили сумерки. А буря была в самом разгаре, волны стали выше, двигались стремительнее и расшвыривали мохнатые клочья пены. Это было все, что увидел Кондратьев при первом прыжке. И при втором прыжке он разглядел только белесое светящееся небо и черные волны, плюющиеся пеной во все стороны.

Зато, когда субмарина вылетела из пучины в третий раз, Кондратьев увидел наконец Моби Дика. Метрах в ста от субмарины из волн вырвалось громадное черное тело, повисло в воздухе — Кондратьев отчетливо увидел тупое, срезанное рыло и широкий раздвоенный хвост, — описало в белесом небе длинную и медленную дугу и скрылось за бегущими волнами. Сейчас же впереди вылетел из волн ровный ряд теней поменьше и тоже скрылся. И субмарина тоже ушла под воду, и сразу же на ультразвуковом экране запрыгали огромные светлые пятна. И опять вверх... Минуты полета над кипящим океаном... гигантская туша вылетает из волн впереди, пролетает над пенистыми гребнями и исчезает, еще семь туш поменьше в полете... и снова иллюминатор заливают пузырчатая, белесая, как небо, вода.

Ну что ж, пора кончать с Моби Диком, гигантским кашалотом. Он прижат к поверхности, уйти вниз теперь стадо не может — там сердитый Макс и азартный Дрэгану. Повернуть вправо или влево оно тоже не может — на его

флангах опытные охотники Ахмет и его жена Галочка. В хвосте стада идет сам Кондратьев, и он уже ловит в прицел акустической пушки черный горб Моби Дика. Надо целиться именно в горб, в мозжечок, так будет наверняка и Моби Дику не придется мучиться. Бедный глупый Моби Дик, груды свирепых мускулов и маленький мозг, набитый жадностью. Сто тонн прочнейших в мире костей и сильнейших в мире мускулов и всего три литра мозга. Мало, слишком мало, чтобы соперничать с человеком, Моби Дик, пират и разбойник!

А Моби Дик ликовал! Он выскакивал стрелглаз из кипящей бури, мчался в спокойном теплом воздухе, захватывая его чудовищной пастью, открытой, словно перевернутый чемодан, и снова плюхался в волны, и семь самок, семь невест, из-за которых он на рассвете убил слугу человека, весело прыгали вслед за ним. Они мчались за ним, торопясь на подводные лежбища синих китов, где сладкие, жирные матери, повернувшись на спину, подставляют черные соски новорожденным китятам. Моби Дик вел подруг на веселый пир.

До Моби Дика осталось всего тридцать метров. Отличное расстояние для инфразвуковой пушки.

Командир звена субмарин Кондратьев нажал спусковую клавишу.

И Моби Дик потонул. Ахмет, Галочка и Дрэгану повернули растерянных и негодующих самок на север и погнали их прочь. В голове стада пристроился Макс. Он успел записать песни Моби Дика, и теперь снова под водой понеслись вопли «Уа-а-у-у... Уа... Уа-а-ау!» Молодые глупые самки сразу повеселели и устремились за субмариной Макса. Их больше не приходилось подгонять. А Кондратьев опускался в пучину вместе с Моби Диком. На черном горбу Моби Дика, там, куда пришелся мощный удар инфразвука, вспух большой бугор. Но Кондратьев вбил под толстую шкуру кашалота стальную трубу и включил компрессор. И под шкуру Моби Дика хлынул воздух. Много сжатого воздуха. Моби Дик быстро располнел, бугор на горбу исчез, да и сам горб был теперь едва заметным. Моби Дик перестал тонуть и с глубины полутора километров начал подниматься на поверхность. Кондратьев поднимался вместе с ним. Они рядом закачались на волнах, как на гигантских качелях.

Кондратьев открыл люк и высунулся по пояс. Это опас-

ное дело во время бури, но субмарины Океанской охраны очень устойчивы. К тому же волны не захлестывали субмарину. Они только поднимали ее высоко к белесому небу и сразу бросали в черную водяную пропасть между морщинистыми жидкими скалами. Рядом так же мерно взлетал и падал Моби Дик. У него был и сейчас зловещий и внушительный вид. Он был только чуть-чуть короче субмарины и гораздо шире ее. И мокро блестела живая, раздутая сжатым воздухом шкура. Вот и конец Моби Дику.

Кондратьев вернулся в рубку и захлопнул люк. В горбу Моби Дика остался радиопередатчик. Когда дня через два буря утихнет, Моби Дика запеленгуют и придут за ним. А пока он может спокойно покачаться на волнах. Ему не нужны больше ни невесты, ни нежные новорожденные киты. И хищники его не тронут — ни кальмары, ни акулы, ни касатки, ни морские птицы, — потому что шкура Моби Дика надута не простым чистым воздухом.

«Прощай, Моби Дик, прощай до новой встречи! Хорошо, что ты не белый кашалот. Мне еще долго-долго искать тебя по всем океанам моей Планеты, искать и снова и снова убивать тебя. Над бурной волной и в вечно спокойных глубинах ловить в перекрестие прицела твой жирный загривок.

А сейчас я немного устал, хотя мне очень и очень хорошо. Сейчас я вернусь к себе на базу, поставлю «Голубку» в ангар и, прощаясь, по обычаю поцелую ее в мокрый иллюминатор: «Спасибо, дружок». И все будет как обычно, только теперь на базе меня ждут».

СВЕЧИ ПЕРЕД ПУЛЬТОМ

В полночь пошел дождь. На шоссе стало скользко, и Званцев сбавил скорость. Было непривычно темно и неуютно, зарево городских огней ушло за черные холмы, и Званцеву казалось, что машина идет через пустыню. Впереди на шероховатом мокром бетоне плясал белый свет фар. Встречных машин не было. Последнюю встречную машину Званцев видел перед тем, как свернул на шоссе к институту. В километре от поворота был поселок, и Званцева удивило, что, несмотря на поздний час, почти все окна освещены, а на веранде большого кафе у дороги

полно людей. Званцеву показалось, что они молчат и чего-то ждут.

Акико оглянулась.

— Они все смотрят нам вслед, — сказала она.

Званцев не ответил.

— Наверное, они думают, что мы врачи.

— Наверное, — сказал Званцев.

Это был последний освещенный поселок, который они видели. За поворотом началась мокрая темнота.

— Где-то здесь должен быть завод бытовых приборов, — сказал Званцев. — Ты не заметила?

— Нет.

— Иногда ты ничего не замечаешь!

— За рулем — ты. Пусти меня за руль, я буду все замечать.

— Ну уж нет, — сказал Званцев.

Он резко затормозил, и машину занесло. Она боком проползла по взвизгнувшему бетону. Фары осветили столб с указателем. Сигнальных огней не было, надпись на указателе казалась выцветшей: «Новосибирский Институт Биологического Кодирования — 21 км». Под указателем был прибит перекошенный фанерный щит с корявой надписью: «Внимание! Включить все нейтрализаторы! Сбавить скорость! Впереди застава!» И то же самое на китайском и английском. Буквы были большие, с черными потеками.

— Ого! — пробормотал Званцев, полез под руль и включил нейтрализаторы.

— Какая застава? — спросила Акико.

— Какая застава, я не знаю, — сказал Званцев, — но, видимо, тебе нужно было остаться в городе.

— Глупости! — возразила Акико.

Когда машина тронулась, она осторожно спросила:

— Ты думаешь, что нас не пропустят?

— Я думаю, что тебя не пропустят.

— Тогда я подожду, — спокойно сказала Акико.

Машина медленно и беззвучно катилась по шоссе. Званцев сказал, глядя перед собой:

— Мне бы все-таки хотелось, чтобы тебя пропустили.

— Мне тоже, — сказала Акико. — Я очень хочу проститься с ним...

Званцев молча глядел на дорогу.

— Мы редко виделись последнее время, — продолжа-

да Акико. — Я очень люблю его. Я не знаю другого такого человека. Никогда я так не любила отца, как люблю его. Я даже плакала...

«Да, плакала, — подумал Званцев. — Океан был черно-синий, и небо было синее-синее, и лицо его было опухшим и синим, когда мы с Хен Чолем осторожно вели его к конвертоплану. Под ногами скрипел раскаленный коралловый песок, ему было трудно идти, он то и дело повисал у нас на руках, но ни за что не соглашался, чтобы мы несли его. Глаза его были закрыты, и он виновато бормотал: «Гокуро-сама, гокуро-сама...»¹ Сзади и сбоку молча шли океанологи, а Акико шла рядом со мной, держа обеими руками, как поднос, знаменитую на весь океан потрепанную белую шляпу. и горько плакала. Это был первый, самый страшный приступ болезни, — шесть лет назад, на безымянном островке в пятнадцати милях к западу от рифа Октопус».

— ...я тридцать лет знаю его. Почти столько, сколько тебя. Мне очень хочется проститься с ним.

Из мокрой темноты выплыла и прошла над головами решетчатая арка микропогодной установки. На синоптической станции огней не было. «Установка не работает, — подумал Званцев. — Вот почему эта мерзость с неба». Он покосился на жену. Акико сидела, забравшись на сиденье с ногами, и глядела прямо перед собой. На ее лицо падали отсветы от циферблатов на пульте, и оно казалось сосредоточенным и очень молодым, как тридцать два года назад, когда она вот так же сидела справа от работника Океанской охраны Званцева в его одноместной субмарине, в первом своем глубоководном поиске. Только тогда лицо ее освещали огоньки глубоководных креветок, стукавшихся об иллюминатор.

— Что здесь происходит? — сказал Званцев. — Какая-то мертвая зона.

— Не знаю, — сказала Акико.

Она заворочалась, устраиваясь удобнее, толкнула его коленом в бок и вдруг замерла, уставившись на него блестящими в полумраке глазами.

— Что? — спросил он.

— Может быть, он уже...

— Вздор, — сказал Званцев.

¹ Гокуро-сама — здесь: спасибо (японск.).

— И все ушли к институту...

— Вздор, — решительно сказал Званцев. — Вздор!

Далеко впереди загорелся неровный красный огонек. Он был слаб и мерцал, как звездочка на беспокойном небе. На всякий случай Званцев снова сбавил скорость. Теперь машина катилась очень медленно, и стал слышен шорох дождя. В свете фар появились три фигуры в блестящих мокрых плащах. Они стояли прямо посередине шоссе, перед ними поперек шоссе лежало здоровенное бревно. Тот, что стоял справа, держал над головой большой коптящий факел. Он медленно размахивал факелом из стороны в сторону. Званцев подвел машину поближе и остановился. «Ну и заставка!» — подумал он. Человек с факелом что-то крикнул неразборчиво в шорохе дождя, и все трое быстро пошли к машине, неуклюже шагая в огромных мокрых плащах. Человек с факелом снова крикнул что-то, сердито перекосив рот. Званцев выключил дальний свет и открыл дверцу.

— Двигатель! — крикнул человек с факелом. Он подошел вплотную. — Выключите двигатель наконец!

Званцев выключил двигатель и вылез на шоссе под мелкий частый дождь.

— Я океанолог Званцев, — сказал он. — Я еду к академику Окада.

— Выключите свет в машине! — сказал человек с факелом. — Да побыстрее, пожалуйста!

Званцев повернулся, но свет в кабине уже погас.

— Кто это с вами? — спросил человек с факелом.

— Океанолог Канда, — ответил Званцев сердито. — Моя жена.

Трое в плащах молчали.

— Мы можем ехать дальше?

— Я оператор Михайлов, — сказал человек с факелом. — Меня послали встретить вас и передать, что к академику Окада нельзя.

— Об этом я буду говорить с профессором Каспаро, — сказал Званцев. — Проводите меня к нему.

— Профессор Каспаро очень занят. Мы бы не хотели, чтобы его тревожили.

«Кто это — мы?» — хотел спросить Званцев, но сдержался, потому что у Михайлова был невнятный монотонный голос смертельно уставшего человека.

— Я должен передать академику сообщение чрезвычай-

чайной важности, — сказал Званцев. — Проводите меня к Каспаро.

Трое молчали, и красный неровный свет пробежал по их лицам. Лица были мокрые, осунувшиеся.

— Ну? — сказал Званцев нетерпеливо.

Вдруг он заметил, что Михайлов спит. Рука с факелом дрожала и опускалась все ниже. Глаза Михайлова были закрыты.

— Толя, — тихо сказал один из его товарищей и толкнул его в плечо.

Михайлов очнулся, мотнул факелом и уставился на Званцева припухшими глазами.

— Что? — сказал он хрипло. — А, вы к академику... К академику Окада нельзя. На территорию института вообще нельзя. Уезжайте, пожалуйста.

— Я должен передать академику Окада сообщение чрезвычайной важности, — терпеливо повторил Званцев. — Я океанолог Званцев, а в машине океанолог Канда. Мы везем важное сообщение.

— Я оператор Михайлов, — сказал человек с факелом. — К Окада сейчас нельзя. Он умрет в ближайшие четверть суток, и мы можем не успеть. — Он едва шевелил губами. — Профессор Каспаро очень занят и просит не беспокоить. Пожалуйста, уезжайте...

Он вдруг повернулся к своим товарищам.

— Ребята, — сказал он с отчаянием, — дайте еще две таблетки.

Званцев стоял под дождем и думал, что еще можно сказать этому человеку, засыпающему на ходу. Михайлов стоял боком к нему и, запрокинув голову, что-то глотал. Потом Михайлов сказал:

— Спасибо, ребята, я совсем падаю. У вас здесь все-таки дождь, прохладно, а у нас все просто валяется с ног, один за другим, поднимаются и опять валяются... Тогда уносим... — Он все еще говорил невнятно.

— Ничего, последняя ночь...

— Девятая, — сказал Михайлов.

— Десятая.

— Неужели десятая? У меня голова как чугун. — Михайлов повернулся к Званцеву: — Извините меня, товарищ...

— Званцев, — сказал Званцев в третий раз. — Товарищ Михайлов, вы должны нас пропустить. Мы только

что прилетели с Филиппин. Мы возем академику информацию, очень важную информацию. Он ждал ее всю жизнь. Поймите, мы знаем его тридцать лет. Нам виднее, может он без этого умереть или нет. Это чрезвычайно важная информация.

Акико вылезла из машины и встала рядом с ним. Оператор молчал, зябко ежась под плащом.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Только вас слишком много. — Он так и сказал: «слишком много». — Пусть идет один.

— Ладно, — сказал Званцев.

— Только, по-моему, это бесполезно, — сказал Михайлов. — Каспаро не пустит вас к академику. Академик изолирован. Вы можете испортить весь опыт, если нарушите изоляцию, и потом...

— Я буду говорить с Каспаро сам, — перебил Званцев. — Проводите меня.

— Хорошо, — сказал оператор. — Пошли.

Званцев оглянулся на Акико. На лице Акико было много больших и маленьких капель. Она кивнула и сказала:

— Иди, Николай.

Потом она повернулась к людям в плащах:

— Дайте ему плащ кто-нибудь, а сами полезайте в машину. Можно поставить машину поперек шоссе.

Званцеву дали плащ. Акико хотела вернуться в машину и развернуть ее, но Михайлов сказал, что двигатель включать нельзя. Он стоял и светил своим неуклюжим коптящим факелом, пока машину вручную разворачивали и ставили поперек дороги. Затем застава забралась в кабину. Званцев заглянул внутрь. Акико снова сидела свернувшись на переднем сиденье. Товарищи Михайлова уже спали, уткнувшись головами друг в друга.

— Передай ему... — сказала Акико.

— Да, обязательно.

— Скажи, что мы будем ждать.

— Да, — сказал Званцев. — Скажу.

— Ну, иди.

— Саёнара¹, Аки-тян.

Званцев осторожно прихлопнул дверцу и подошел к оператору.

¹ Саёнара — до свиданья (японск.).

— Пойдемте.

— Пойдемте, — откликнулся оператор совсем новым, очень бодрым голосом. — Пойдемте быстро, нужно пройти семь километров.

Они пошли, широко шагая, по мокрому шершавому бетону.

— Что у вас там делается? — спросил оператор.

— Где — у нас?

— Ну, у вас... В большом мире. Мы уже полмесяца ничего не знаем. Что в Совете? Как с проектом Большой Шахты?

— Очень много добровольцев, — сказал Званцев. — Не хватает аннигиляторов. Не хватает охладителей. Совет намерен перевести на проект тридцать процентов энергии. С Венеры отозваны почти все специалисты по глубокой проходке.

— Правильно, — сказал оператор. — На Венере им теперь нечего делать. А кого выбрали начальником проекта?

— Понятия не имею, — сердито сказал Званцев.

— Не Штирнера?

— Не знаю.

Они помолчали.

— Мерзость, верно? — сказал оператор.

— Что?

— Факелы — мерзость, правда? Такая дрянь! Чувствуете, как он воняет?

Званцев принял хался и отошел на два шага в сторону.

— Да, — сказал он. От факела воняло нефтью. — А зачем это? — спросил он.

— Так приказал Каспаро. Никаких электроприборов, никаких ламп. Мы стараемся свести все неконтролируемые помехи к минимуму... Кстати, вы курите?

— Курю.

Оператор остановился.

— Дайте зажигалку, — сказал он. — И ваш радиофон. Есть у вас радиофон?

— Есть.

— Дайте все мне. — Михайлов забрал зажигалку и радиофон, разрядил их и выбросил аккумуляторы в кювет. — Извините, но так надо. Здесь на двадцать километров в округе не работает ни один электроприбор.

— Вот оно в чем дело, — сказал Званцев.

— Да-да. Мы разграбили все пасеки вокруг Новосибирска и делаем восковые свечи. Вы слышали об этом?

— Нет.

Они снова быстро пошли под непрерывным дождем.

— Свечи тоже мерзость, но все-таки лучше, чем факелы. Или, знаете, лучина. Слышали про такое — лучина?

— Нет, — сказал Званцев.

— Есть такая песня: «Догорай, моя лучиночка». Я всегда думал, что лучина — это какой-то генератор.

— Теперь я понимаю, откуда этот дождь, — сказал Званцев, помолчав. — То есть я понимаю, почему выключены микропогодные установки.

— Нет, нет, — сказал оператор, — микропогодные установки — это само собой, а дождь нам гонят специально с Ветряного Кряжа. Там есть континентальная установка, знаете?

— Зачем это? — спросил Званцев.

— Закрываемся от прямого солнечного излучения.

— А разряды в тучах?

— Тучи приходят пустые, их разряжают по дороге. Вообще опыт получился гораздо грандиознее, чем мы сначала думали. У нас собрались все специалисты по биокодированию. Со всего мира. Пятьсот человек. И все равно мало. И весь Северный Урал работает на нас.

— И пока все благополучно? — спросил Званцев.

Оператор промолчал.

— Вы меня слышите? — спросил Званцев.

— Я не могу вам ответить, — сказал Михайлов неохотно. — Мы надеемся, что все идет как надо. Принцип проверен, но это первый опыт с человеком. Сто двадцать триллионов мегабит информации, и ошибка в одном бите может многое исказить.

Михайлов замолчал, и они долго шли молча изо всех сил. Званцев не сразу заметил, что они идут через поселок. Поселок был пуст. Слабо светлели матовые стены коттеджей, в окнах было темно. За ажурными изгородями в мокрых кустах чернели кое-где распахнутые ворота гаражей.

Оператор забыл про Званцева. «Еще часов шесть, и все будет кончено, — думал он. — Я вернусь домой и заваюсь спать. Великий Опыт будет закончен. Великий Окада умрет и станет бессмертным. Ах, как красиво! Но пока не придет время, никто не скажет, удался ли опыт.

Даже сам Каспаро. Великий Каспаро, Великий Окада, Великий Опыт! Великое Кодирование. — Михайлов потряс головой — привычная тяжесть снова ползла на глаза, заволакивая мозг. — Нет-нет, надо думать. Валерио Каспаро сказал, что надо начинать думать уже сейчас. Все должны думать, даже операторы, хотя мы слишком мало знаем. Но Каспаро сказал, что думать должны все. Валерио Каспаро, в просторечии Валерий Константинович. Забавно, когда он работает, работает и вдруг скажет на весь зал: «Достаточно. Посидим немного, тупо глядя перед собой!» Эту фразу он где-то вычитал. Если в этот момент спросить его о чем-нибудь, он скажет: «Юноша, вы же видите. Не мешайте мне сидеть, тупо глядя перед собой»... Опять я не о том думаю! Итак, прежде всего поставим задачу. Дано: комплекс физиологических нейронных состояний (говоря по-простому — живой мозг) жестко кодируется по третьей системе Каспаро-Карпова на кристаллическую квазибиомассу. При должной изоляции жесткий код на кристаллической квазибиомассе сохраняется при нормальном уровне шумов весьма долго, — время релаксации кода составляет ориентировочно двенадцать тысяч лет. Времени достаточно. Требуется найти: способ перевода кода биомассы на живой мозг, то бишь на комплекс физиологически функционирующих нейронов в нуль-состояниях. Кстати, для этого требуется еще и живой мозг в нуль-состоянии, но для такого дела люди всегда находились и найдутся — например, я... Эх, все равно не разрешат. О живом мозге Каспаро и слышать не хочет. Вот чудак! Сиди теперь и жди, пока ленинградцы построят искусственный. Вот... Короче говоря, мы закодировали мозг Скада на кристаллическую биомассу. Мы имеем шифр мозга Окада, шифр мыслей Окада, шифр его «я». И теперь требуется найти способ перенести этот шифр на другой мозг. Пусть искусственный. Тогда Окада возродится. Зашифрованное «я» Окада снова станет действующим, настоящим «я». Вопрос: как это сделать? Как?.. Хорошо бы догадаться прямо сейчас и порадовать старика. Каспаро думает об этом четверть века. Прибежать к нему в мокром виде, как Архимед, и возопить: «Эврика!» Михайлов споткнулся и чуть не уронил факел.

— Что с вами? — сказал Званцев. — Вы опять засыпаете?

Михайлов посмотрел на него. Званцев шагал, поднимая капюшон, засунув руки под плащ. Лицо его в красном бегущем свете казалось очень длинным и очень жестким.

— Нет, — сказал Михайлов. — Я думаю. Я не сплю.

Впереди замаячила какая-то темная гряда. Они шли быстро и скоро догнали большой грузовик, который медленно тащился по шоссе. Званцев не сразу понял, что грузовик идет с выключенным двигателем. Его волокли два здоровенных мокрых верблюда.

— Эй, Санька! — крикнул оператор.

Щелкнула дверь кабинки, высунулась голова, повела блестящими глазами и скрылась.

— Чем могу? — спросили из кабинки.

— Дай шоколадку, — сказал Михайлов.

— Возьми сам, не хочется вылезать. Мокро.

— И возьму, — бодро сказал Михайлов и куда-то скрылся вместе с факелом.

Стало очень темно. Званцев пошел рядом с грузовиком, принаравливаясь к верблюдам. Верблюды еле плелись.

— Быстрее они не могут? — проворчал он.

— Они, подлые, не хотят, — сказал голос из кабины. — Я пробовал лупить их палкой, но они только плюются. — Голос помолчал и добавил: — Четыре километра в час. И заплывали мне плащ.

Водитель тяжело вздохнул и вдруг завопил:

— Ну, мертвая-а! Но, н-но-о, или как там вас!

Верблюды пренебрежительно засопели.

— Вы бы отошли в сторонку, — посоветовал водитель. — Впрочем, сейчас они, кажется, ничего.

Понесло нефтью, и рядом снова появился Михайлов. Факел его чадил и трещал.

— Пойдемте, — сказал он. — Теперь уже близко.

Они легко обогнали упряжку, и скоро по сторонам дороги появились невысокие темные строения. Приглядевшись, Званцев увидел впереди в темноте огромное здание — черный провал в черном небе. В окнах кое-где слабо моргали желтые огоньки.

— Смотрите, — шепотом сказал Михайлов. — Видите, по сторонам дороги — блоки?

— Ну? — сказал Званцев тоже шепотом.

— В них квазибиомасса. Здесь он будет храниться.

— Кто?

— Мозг, — прошептал Михайлов. — Мозг!

Они вдруг свернули и вышли прямо к подъезду здания института. Михайлов откатил тяжелую дверь.

— Заходите, — сказал он. — Только не шумите, пожалуйста.

В вестибюле было темно, прохладно и странно пахло. На большом столе посредине мигало несколько толстых оплывших свечей, стояли тарелки и большая суповая кастрюля. Тарелки были грязные. В корзинке лежали высушенные куски хлеба. При свечах было плохо видно. Званцев сделал несколько шагов, зацепился плащом за стул, и стул повалился со стуком.

— Ай! — вскрикнул кто-то сзади. — Толя, это ты?

— Я, — сказал Михайлов.

Званцев оглянулся. В углу вестибюля стояла красноватая полутьма, и, когда Михайлов с факелом прошел туда, Званцев увидел девушку с бледным маленьким лицом. Она лежала на диване, закутавшись во что-то черное.

— Ты принес чего-нибудь вкусненького? — спросила девушка.

— Санька везет, — ответил Михайлов. — Хочешь шоколадку?

— Хочу.

Михайлов стал, мотая факелом, рыться в складках плаща.

— Иди смени Зину, — сказала девушка. — Пусть идет спать сюда. Теперь в двенадцатой спят мальчишки. А на улице дождь?

— Дождь.

— Хорошо. Теперь уж немного осталось.

— Вот тебе шоколадка, — сказал Михайлов. — Я пойду. Это товарищ к академику.

— К кому?

— К академику.

Девушка тихонько свистнула.

Званцев прошел через вестибюль и нетерпеливо оглянулся. Михайлов шел следом, а девушка сидела на диване и разворачивала шоколадку. При свете свечей только и можно было разобрать, что маленькое бледное лицо и странный серебристый халат с капюшоном. Михайлов сбросил плащ, и Званцев увидел, что он тоже в длинном

серебристом халате. Он был похож на привидение в неверном свете факела.

— Товарищ Званцев, — сказал он, — подождите здесь немножко. Я пойду принесу вам халат. Только, пожалуйста, пока не сбрасывайте плаща.

— Хорошо, — сказал Званцев и присел на стул.

В кабинете Каспаро было темно и холодно. Усыпляюще шумел дождь. Михайлов ушел, сказав, что позовет Каспаро. Факел он унес, а свечей в кабинете не было. Сначала Званцев сидел в кресле для посетителей у большого пустого стола. Потом поднялся, пробрался к окну и стал глядеть в ночь, упершись лбом в холодное стекло. Каспаро не приходил.

Будет очень тяжело без Окада, думал Званцев. Он мог бы жить еще лет двадцать, надо было больше беречь его. Надо было давным-давно запретить ему глубоководные поиски. Если человеку за сто и из них шестьдесят лет он провел на глубинах больше тысячи метров... Вот так и наживают синий паралич, будь он проклят!..

Званцев отошел от окна, направился к двери и выглянул в коридор. В длинном коридоре редко вдоль стен горели свечи. Откуда-то доносился голос, повторяющий одно и то же с размеренностью метронома. Званцев прислушался, но не разобрал ни слова. Потом из красноватых сумерек в конце коридора выплыли длинные белые фигуры и беззвучно прошли мимо, словно проплыли по воздуху. Званцев увидел осунувшиеся темные лица под козырьками серебристых капюшонов.

— Хочешь есть? — сказал один.

— Нет. Спать.

— Я, кажется, поем...

— Нет, нет. Спать. Сначала спать.

Они разговаривали негромко, но в коридоре было слышно далеко.

— Джин чуть не запорола свой сектор. Каспаро схватил ее за руку.

— О, черт побери!..

— Да. У него было такое лицо...

— Черт возьми... черт возьми... Какой сектор?

— Двенадцать тысяч шестьсот три. Ориентировочно — слуховые ассоциации.

— Ай-яй-яй-яй-яй...

— Каспаро послал ее спать. Она сидит в шестнадцатой и плачет.

Двое в белом исчезли. Было слышно, как они разговаривают, спускаясь по лестнице, но Званцев уже не разбирал слов. Он прикрыл дверь и вернулся в кресло.

Итак, какая-то Джин без малого запорола сектор слуховых ассоциаций. Дрянная девчонка! Каспаро поймал ее за руку. А если бы не поймал? Званцев стиснул руки и закрыл глаза. Он почти ничего не знал о Великом Опыте. Он знал только, что это Великий Опыт, что это самое сложное, с чем когда-либо сталкивалась наука. Закодировать распределение возбуждений в каждой из миллиардов клеток мозга, закодировать связи между возбуждениями, связи между связями... Малейшая ошибка грозит необратимыми искажениями... Девчонка чуть не уничтожила целый сектор... Званцев вспомнил, что это был сектор номер двенадцать тысяч шестьсот три, и ему стало страшно. Если даже вероятность ошибки или искажения при переносе кода очень мала... Двенадцать тысяч секторов, триллионы единиц информации... Каспаро все не приходил.

Званцев снова вышел в коридор. Он шел от свечи к свече на странный однообразный голос. Потом он увидел настежь распахнутую дверь, и голос стал совсем громким. За дверью был огромный зал, мерцающий сотнями огоньков. Званцев увидел протянувшиеся вдоль стен панели с циферблатами. Несколько сотен людей сидели вдоль стен перед панелями. Все они были в белом. Воздух в зале был тяжелый и горячий, пахло горячим воском. Званцев понял, что система вентиляции и кондиционирования отключена. Он вошел в зал и огляделся. Он искал Каспаро, но, если Каспаро и был здесь, его все равно нельзя было узнать среди сотен людей в одинаковых серебристых халатах с низко надвинутыми капюшонами.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать два заполнен, — сказал голос.

В зале было нестерпимо тихо — только этот голос и шорох многих движений. Посредине зала Званцев разглядел стол и несколько кресел. Он прошел к столу.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать три заполнен.

В одном из кресел напротив Званцева сидел, уронив

голову на руки, широкоплечий человек. Он спал и громко вздыхал во сне.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать четыре заполнен.

Званцев поглядел на часы. Было три часа ночи ровно. Он увидел, как в зал вошел человек в белом и исчез где-то в полумраке, где ничего не было видно, кроме мигающих огоньков.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать пять заполнен...

К столу подошел человек со свечой, поставил свечу в лужицу воска и сел. Он положил на стол пачку бумаг, перевернул страницу и сейчас же уснул. Званцев видел, как его голова опускалась все ниже и ниже и наконец уткнулась в бумагу.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать шесть заполнен...

Званцев снова взглянул на часы. На заполнение двух секторов ушло чуть больше полутора минут. Десять суток идет Великое Кодирование, заполнено меньше двадцати тысяч секторов...

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот двадцать семь заполнен...

И так десять суток. Чья-то сильная рука легла на плечо Званцева.

— Почему не спите?

Званцев поднял голову и увидел полное усталое лицо под капюшоном. Званцев узнал его.

— Спать. Сейчас же...

— Профессор Каспаро... — сказал Званцев и встал.

— Спать, спать... — Каспаро глядел ему в глаза. — Если не можете спать, смените кого-нибудь.

Он быстро пошел в сторону, остановился и снова поглядел пристально.

— Не узнаю, — сказал он. — Но все равно — спать!

Он повернулся спиной и быстро зашагал вдоль рядов людей, сидевших перед пультами. Званцев услышал его удаляющийся резковатый голос:

— Полделения... Внимательнее, Леонид, полтора деления... Хорошо... Отлично... Тоже хорошо... Деление, Джонсон, следите внимательней... Хорошо... Хорошо...

Званцев встал и пошел за ним, стараясь не терять его из виду. Каспаро вдруг крикнул:

— Товарищи! Все идет прекрасно! Будьте внимательней! Все идет очень хорошо!.. Только следите за стабилизаторами, и все будет очень хорошо!..

Званцев наткнулся на длинный стол, за которым спало несколько человек, — никто не обернулся и ни один из спящих не поднял головы. Каспаро исчез. Тогда Званцев пошел наугад вдоль желтой цепочки огоньков перед пультами.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот девяносто заполнен, — сказал новый бодрый голос.

Званцев понял, что заблудился и не знает теперь, где выход и куда девался Каспаро. Он сел на подвернувшийся стул, упер локти в колени, положил подбородок на ладони и уставился на мигающую свечу перед собой. Свеча медленно оплывала.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот девяносто восемь... Семьсот девяносто девять... Восемьсот... Заполнен... Заполнен...

— А-а-а-а!

Кто-то закричал протяжно и страшно. Званцев подскочил. Он увидел, что никто не обернулся, но все как-то разом застыли, напрягли спины. Шагах в двадцати, у одного из операторских кресел, стоял высокий человек и кричал, схватившись за голову:

— Назад! Назад! А-а-а!..

Откуда-то, стремительно, шагая, возник Каспаро, кинулся к пульту. В зале стало совсем тихо, только шипел воск.

— Простите! — сказал высокий человек. — Простите... Простите... — повторял он.

Каспаро выпрямился и крикнул:

— Слушать меня! Секторы восемнадцать тысяч семьсот девяносто шесть, семьсот девяносто семь, семьсот девяносто восемь, семьсот девяносто девять, восемьсот — переписать! Заново!

Званцев увидел, как сотни людей в белом одновременно подняли правые руки и что-то сделали на пультах. Огни свечей заколебались.

— Простите, простите! — повторял человек.

Каспаро подтолкнул его в спину.

— Спать, Генри, — сказал он. — Спать быстро. Успокойтесь, ничего страшного...

Человек пошел вдоль пультов, повторяя одно и то же:

«Простите, простите...» Никто не оборачивался. На его место уже сел другой.

— Сектор восемнадцать тысяч семьсот девяносто шесть заполнен, — сказал бодрый голос.

Каспаро постоял немного, затем медленно, сильно сутулясь, пошел мимо Званцева. Званцев шагнул ему навстречу и вдруг увидел его лицо. Он остановился и пропустил Каспаро. Каспаро подошел к небольшому отдельному пульту, вяло опустился в кресло и так сидел несколько секунд. Потом встрепенулся и, весь подавшись вперед, сунул лицо в большой нарамник перископа, уходящего в пол.

Званцев стал неподалеку, у длинного стола, и не отрываясь глядел в усталую горбатую спину. Он все еще видел лицо Каспаро в колеблющемся свете свечи. Он вспомнил, что Каспаро уже не молод, всего на пять — семь лет моложе Окада. Он подумал: сколько лет унесли эти десять суток! Все это скажется, и очень скоро.

К Каспаро подошли двое. У одного вместо капюшона халата тускло поблескивал круглый прозрачный шлем.

— Не успеем, — тихо сказал человек в шлеме.

Он говорил в спину Каспаро.

— Сколько? — спросил Каспаро, не оборачиваясь.

— Клиническая смерть наступит через два часа. С точностью плюс минус двадцать минут.

Каспаро повернулся.

— Но он хорошо выглядит... Посмотрите. — Он ткнул пальцем в нарамник.

Человек в шлеме покачал головой.

— Нервный паралич, — сказал второй очень тихо. Он оглянулся, скользнул выпуклыми глазами по Званцеву и, наклонившись к Каспаро, что-то сказал ему на ухо.

Званцев узнал его. Это был профессор Иван Краснов.

— Хорошо, — сказал Каспаро. — Сделаем так.

Двое разом повернулись и быстро ушли в темноту.

Званцев пошарил стул, сел и закрыл глаза. «Конец, — подумал он. — Не успеют. Он умрет. Он умрет совсем».

— Сектор девятнадцать тысяч ноль-ноль два заполнен, — повторял голос. — Сектор девятнадцать тысяч ноль-ноль три заполнен... Сектор девятнадцать тысяч ноль-ноль четыре...

Званцев почти ничего не знал о кодировании нервных связей, и ему представлялось, что Окада лежит на стран-

ном столе под белым смертным светом, тонкая игла медленно ползет по извилинам его обнаженного мозга, и на длинную ленту знак за знаком ложатся сигналы импульсов. Званцев отлично понимал, что в действительности это происходит совсем иначе, но воображение рисовало ему именно такую картину: блестящая игла ползет по мозгу, а на бесконечную ленту таинственными значками записывается память, привычки, ассоциации, опыт... А откуда-то наползает смерть, разрушая клетку за клеткой, связь за связью. И нужно ее обогнать.

Званцев почти ничего не знал о кодировании нервных связей. Но он знал, что до сих пор неизвестны границы участков мозга, ведающих отдельными мыслительными процессами. Что Великое Кодирование возможно лишь в условиях самой глухой изоляции и при точнейшем учете всех нерегулярных полей. Поэтому свечи и факелы, и верблюды на шоссе, пустые поселки и черные окна микропогодных установок, и остановленные самодвижущиеся дороги... Званцев знал, что до сих пор не найден способ контроля кодирования, не искажающий кода. Что Каспаро работает наполовину вслепую и кодирует в первую очередь, может быть, совсем не то, что следует кодировать. Но Званцев знал и то, что Великое Кодирование — это дорога к бессмертию человеческого «я», потому что человек — это не руки и ноги. Человек — это память, привычки, ассоциации, мозг. МОЗГ.

— Сектор девятнадцать тысяч двести шестнадцать заполнен...

Званцев открыл глаза, поднялся и подошел к Каспаро. Каспаро сидел, глядя перед собой.

— Профессор Каспаро,—сказал Званцев,— я океанолог Званцев. Я должен поговорить с академиком Окада.

Каспаро поднял глаза и долго смотрел на Званцева снизу вверх. Глаза у него были мутные, полузакрытые.

— Это невозможно,—сказал он.

Некоторое время они молча глядели друг на друга.

— Академик Окада ждал этой информации всю жизнь,— тихо сказал Званцев.

Каспаро ничего не ответил. Он отвел глаза и снова уставился перед собой. Званцев оглянулся. Тьма. Огоньки свечей. Белые серебристые халаты с капюшонами.

— Сектор девятнадцать тысяч двести девяносто два заполнен,—сказал голос.

Каспаро поднялся и сказал:

— Все. Конец.

И Званцев увидел маленькую красную лампу, мигающую на пульте рядом с окулярами перископа. «Лампочка, — подумал он. — Значит, все».

— Сектор девятнадцать тысяч двести девяносто четыре заполнен...

Из темноты зала изо всех сил бежала маленькая девушка в развевающемся халате. Она кинулась прямо к Каспаро, сильно оттолкнув Званцева.

— Валерий Константинович, — сказала она отчаянно, — остался только один свободный сектор...

— Больше не нужно, — сказал Каспаро. Он поднялся и наткнулся на Званцева. — Кто вы? — спросил он устало.

— Я Званцев, океанолог, — сказал Званцев тихо. — Я хотел поговорить с академиком Окада.

— Это невозможно, — произнес Каспаро. — Академик Окада умер.

Он перегнулся через пульт и один за другим повернул четыре рубильника. Ослепительный свет вспыхнул под потолком огромного зала.

Было уже совсем светло, когда Званцев спустился в вестибюль. В огромные окна вливался сероватый свет туманного утра, но чувствовалось, что вот-вот проглянет солнце и день будет ясный. В вестибюле никого не было. На диване валялось скомканное покрывало. Несколько свечей догорали на столе между банками и блюдами с едой. Званцев оглянулся на лестницу. Наверху шумели голоса. Где-то там был Михайлов, который обещал проводить Званцева.

Званцев подошел к дивану и сел. По лестнице спустились трое молодых людей. Один подошел к столу и принялся жадно есть прямо руками. Он двигал тарелки, уронил бутылку с лимонадом, подхватил ее и стал пить из горлышка. Второй спал на ходу, еле ворочая глазами. Третий, придерживая его за плечи, возбужденно говорил:

— ...Каспаро говорил Краснову. Только это и сказал. И тут же старик повалился прямо на пульт. Мы его подхватили и отнесли в кабинет, а там спит Сережка Круглов. Так мы их рядом и положили.

— Даже не верится, — невнятно сказал первый; он жевал. — Неужели так много успели?

— Вот черт, сколько раз тебе повторять!.. Девяносто восемь процентов. С какими-то десятитысячными, я не запомнил.

— Неужели девяносто восемь?

— Ты, я вижу, совсем отупел — не понимаешь, что тебе говорят!

— Я понимаю, но я не верю. — Тот, что ел, вдруг сел и придвинул к себе банку с консервами. — Не верится. Казалось, дело совсем плохо...

— Р-ребята, — пробормотал сонный, — пойдемте, а? Сил нет...

Все трое вдруг засуетились и вышли. По лестнице спускались всё новые и новые люди. Сонные, еле передвигающие ноги. Возбужденные, с опухшими глазами, с хриплыми от долгого молчания голосами.

На похороны это не похоже, подумал Званцев. Он знал, что Окада умер, но в это не верилось. Казалось, что академик просто заснул, только никто пока не знает, как его разбудить. Ничего, узнают. Девяносто восемь процентов, подумал он. Совсем не плохо. Ему было очень странно, что он не испытывал горечи утраты. Горя не было. Он ощущал только что-то вроде недовольства, думая о том, что придется, может быть, еще долго ждать, пока Окада вернется. Как раньше, когда Окада надолго уезжал на материк.

Михайлов тронул его за плечо. Он был без плаща и без халата.

— Пойдемте, океанолог Званцев.

Званцев встал и пошел за ним к двери. Тяжелые створки разошлись сами, бесшумно и мягко.

Солнце еще не поднялось, но было светло, и по серо-голубому небу быстро уходили облака. Званцев увидел плоские кремевые корпуса и улицы между ними, засыпанные красным опавшим листом. Люди выходили из института и растекались по улицам группками по двое, по трое. Кто-то крикнул:

— Товарищи из Костромы отдыхают в корпусе номер шесть, этажи второй и третий!

Вдоль улиц редкими цепями продвигались небольшие многоногие кибердворники. За ними оставался сухой серый чистый бетон.

— Хотите шоколаду? — спросил Михайлов.

Званцев покачал головой. Они пошли к шоссе между

рядами приземистых желтоватых зданий без дверей и окон. Зданий было много — целая улица. Это были блоки с квазибиомассой, хранилище мозга Окада — двадцать тысяч секторов биомассы, двадцать приземистых зданий с фасадами в три десятка метров, уходящих под почву на шесть этажей.

— Для начала неплохо, — сказал Михайлов. — Но дальше так нельзя. Двадцать зданий на одного человека — это слишком много. Если каждому из нас отводить столько помещений... — Он засмеялся и бросил обертку от шоколада на бетон.

Кто знает, подумал Званцев. Тебе, может быть, хватит и одного чемодана. Да и мне тоже. К брошенной бутылке неторопливо ковылял кибердворник, постукивая по бетону голенастыми ногами.

— Эй, Санька! — закричал вдруг Михайлов.

Обогнавший их грузовик остановился, и из кабины высунулся давешний водитель с блестящими глазами. Они залезли в кабину.

— Где твои верблюды? — спросил Михайлов.

— Пасутся где-то, — сказал водитель. — Надоели они мне. Пока я их выпрягал, они меня снова оплевали.

Михайлов уже спал, положив голову на плечо Званцеву.

Водитель — маленький, черноглазый — быстро вел тяжелую машину и тихонько пел, почти не двигая губами. Это была какая-то старая, полузабытая песенка. Званцев сначала прислушивался, а потом вдруг увидел идущие низко над шоссе вертолеты. Их было шесть. Тогда он подумал, что теперь снова закипит жизнь в этой мертвой зоне. Пошли самодвижущиеся дороги. Люди спешат к своим домам. Заработали микропогодные установки и сигнальные световые столбы на шоссе. Кто-нибудь уже отдирает фанерный лист с корявыми буквами. Радио передает, что Великое Кодирование закончено и прошло удовлетворительно. На вертолетах, наверное, прилетела пресс-группа — будут передавать на весь мир по СВ изображение приземистых желтых зданий и оплывших свечей перед выключенными пультами. И кто-нибудь, конечно, полезет будить Каспаро, и его будут оттаскивать за брюки и, может быть, даже сгоряча дадут по шее. И весь мир вскоре узнает, что человек совсем скоро станет вечным. Не человечество, а человек, каждый отдель-

ный человек, каждая личность. Ну, положим, сначала это будут лучшие.. Званцев посмотрел на водителя.

— Товарищ, — сказал он улыбаясь. — Хотите жить вечно?

— Хочу, — ответил водитель, тоже улыбаясь. — Да я и буду жить вечно.

— И я тоже хочу, — сказал Званцев.

ЗАГАДКА ЗАДНЕЙ НОГИ

— Ваша первая книга мне не понравилась, — сказал Парнкала. — В ней нет ничего, что могло бы поразить воображение серьезного человека.

Они лежали в шезлонгах под выцветшим горячим тентом на веранде поста Колд Крик — биотехник Гибсонского заповедника Жан Парнкала и корреспондент Европейского информационного центра писатель Евгений Славин. На низком столике между шезлонгами стоял запотевший пятилитровый сифон. Пост Колд Крик располагался на вершине холма, и с веранды открывался отличный вид на знойную сине-зеленую саванну Западной Австралии.

— Книга обязательно должна будить воображение, — продолжал Парнкала, — иначе это не книга, а дурной учебник. Собственно, можно выразиться так: назначение книги — будить воображение читателя. Правда, ваша первая книга была призвана выполнить и другую, не менее важную задачу, а именно: донести до нас точку зрения человека вашей героической эпохи. Я много ждал от этой книги, но — увы! — видимо, в процессе работы вы утратили эту самую точку зрения. Вы слишком впечатлительны, друг Женя!

— Все проще, Жан, — сказал Женя лениво. — Гораздо проще, мой друг. Мне ужасно не хотелось предстать перед человечеством таким Кампанеллой навыворот. А в общем-то все правильно — книжица серая...

Он свесился с шезлонга и набрал в длинный узкий бокал пенистого кокосового молока из сифона. Бокал мгновенно вспотел.

— Да, — сказал Парнкала, — вам очень не хотелось быть Кампанеллой навыворот. Вы слишком спешили сменить психологию, Женя. Вам очень хотелось перестать быть чужим здесь. И напрасно. Вам следовало бы

побольше оставаться чужим: вы смогли бы увидеть много такого, чего мы не замечаем. А разве это не важная задача всякого писателя — замечать то, что не видят другие? Это будит воображение и заставляет думать.

— Пожалуй, — сказал Женья.

Они замолчали. Глубокое спокойствие царило вокруг, дремотное спокойствие полуденной саванны. Наперебой трещали цикады. Пронесся легкий ветерок, зашумела трава. Издалека донеслись пронзительные звуки — это кричали эму. Женья вдруг сел и вытянул шею.

— Что это? — спросил он.

Мимо поста, ныряя в высокую траву, неслась странная машина — длинный вертикальный шест, видимо на колесах, с блестящим вращающимся диском на конце. У машины был на редкость нелепый вид. Подпрыгивая и раскачиваясь, она уходила на юг.

Парнкала приподнял голову, посмотрел и снова улегся.

— А, — сказал он. — Я забыл вам рассказать. Это уродцы.

— Какие уродцы?

— Никто не знает, — сказал Парнкала спокойно.

Женья вскочил и подбежал к перилам. Длинный нелепый шест быстро удалялся, раскачиваясь, и через минуту скрылся из глаз. Женья повернулся к Парнкале.

— Как это так — никто не знает? — спросил он.

Парнкала пил кокосовый сок.

— Никто не знает, — повторил он, вытирая губы. — Это очень забавная история, она вам понравится. Впервые они появились полторы декады назад — вот такие шесты на одном колесе и ползучие тарелки. Их часто видят в саванне между Колд Криком и Роальдом, а позавчера один шест пробежал по главной улице Гибсона. Одну тарелку растоптали мои эму. Я видел — большая куча осколков плохой пластмассы и остатки радиомонтажа на совершенно отвратительной керамике. Похоже на школьные модельки. Мы связались с Гибсоном, но там никто ничего не знал. И вообще, как выяснилось, никто ничего не знает.

Парнкала снова поднес бокал к губам.

— Удивительно спокойно вы об этом рассуждаете, друг Жан! — не вытерпел Женья. В его воображении возникли картины, одна фантастичнее другой.

Парнкала улыбнулся:

— Да вы сядьте, Женя. Оснований для беспокойства нет никаких. Вреда уродцы никому не приносят, эму и кенгуру их не боятся, и, кроме того, вы не дали мне закончить — ими уже занимаются товарищи в Джакое. Они... Куда вы, Женя?

Женя торопливо собирался. Он рассовывал по карманам диктофонные обложки, футлярики с микрокнигами и свои потрепанные записные книжки.

— Джаккой — это, кажется, центр австралийской кибернетики, — произнес он. — Там построили какую-то интересную машину, правда?

— Да, машину КРИ, — сказал Парнкала обиженно.

Он был очень огорчен, что корреспондент Славин уезжает так скоро. С Женей было приятно беседовать — он очень любил слушать.

— Почему КРИ?

— Коллектор Рассеянной Информации. Машина-археолог, как я слышал.

Женя остановился.

— Так, может, эти уродцы оттуда?

— Я же говорю — ничего не известно, — с досадой сказал Парнкала. — Никто ничего не знает. Ни в Джакое, ни в Гибсоне, ни во всем мире... Хоть ужин возьмите, Женя..

— Нет-нет, спасибо, я очень тороплюсь. Ну, дорогой Жан, благодарю за гостеприимство. Мы еще увидимся. — Женя залпом допил свой бокал, весело кивнул и, перепрыгнув через перила, побежал с холма к своему птерокару.

Научный поселок Джаккой располагался в тени чудовищных черных акаций с кронами поперечником в сорок — пятьдесят метров. Поодаль, на берегу глубокого озера с синей прозрачной водой, белели развалины фермы какого-то древнего переселенца. Между поселком и развалинами четко выделялся прямоугольник посадочной площадки. Машин на площадке не было.

Впрочем, птерокару посадочная площадка была не нужна, и Женя облетел вокруг акаций, выбирая место поближе к поселку. В полукилометре от поселка он вдруг заметил необычайное оживление. Сначала ему показалось, что там играют в регби. В траве шевелилась и пе-

рекаывалась куча переплетенных черных и белых человеческих тел. Из кучи неслись азартные возгласы. «Прелестно! — подумал Женя. — Отлично сыгрались!» В этот миг куча распалась, открыв что-то округлое, черное и блестящее, и один из игроков кубарем покатился в сторону, упал и остался лежать, скорчившись, держась руками за живот. «Э, нет, — подумал Женя, — это не игра». Из-под ветвей акаций вынырнули еще трое, на ходу сбрасывая куртки. Женя стремительно пошел на посадку.

Когда он выскочил из кабины, скорчившийся человек уже сидел и, по-прежнему держась за живот, громко кричал:

— Берегитесь задней ноги! Эй! Берегитесь задней ноги!

Женя рысью пробежал мимо него. Из кучи копошащихся тел раздавались крики. Кричали по-русски и по-английски:

— Ноги к земле! Прижимайте к земле!

— Антенны! Не ломайте антенны!

— Помогите, ребята! Закапывается!

— Да держите же, черт подери!

— Ой, Перси, отпусти мою голову!

— Закапывается!

«Поймали какого-то ящера», — мелькнуло в голове у Жени, и тут он увидел заднюю ногу. Она была черная, блестящая, с острыми зазубринами, похожая на ногу исполинского жука, и со страшной силой скребла по земле, оставляя глубокие борозды. Было там еще много других ног — черных, коричневых и белых, — которые тоже ерзали, дрыгали и упирались, но это все были обыкновенные человеческие ноги. Несколько секунд Женя ошеломленно наблюдал за задней ногой. Она раз за разом складывалась, глубоко зарывалась в землю и с натугой распрямлялась, и с каждым разом орущая куча перемещалась метра на полтора.

— А ну! — ужасным голосом воскликнул Женя, обеими руками вцепился в заднюю ногу у сустава и рванул на себя.

Раздался отчетливый хруст. Задняя нога с неожиданной легкостью оторвалась, и Женя упал на спину.

— Не смей ломать! — загремел яростный голос. — Уберите дурака!

Женя полежал, держа заднюю ногу в объятиях, затем медленно поднялся.

— Еще немного! Еще чуть-чуть, Джо! — гремел тот же голос. — Пропусти мою руку... Ага!.. Ага!.. Вот где ты, голубчик!

Что-то жалобно зазвенело, и наступила тишина. Груда тел застыла, слышно было только тяжелое, прерывистое дыхание. Затем все разом заговорили и засмеялись, поднимаясь, вытирая потные лица. В измятой траве остался большой неподвижный черный бугор. Кто-то разочарованно сказал:

— Опять такой же!

— Септопод... Семиножка!

— Вот ведь закопался, паршивец!..

— Еще немного — и ушел бы...

— Да, задал он нам жару...

— А где задняя нога?

Все взоры обратились на Женю. Женя смело сказал:

— Вот задняя нога. Она оторвалась. Я никак не ожидал, что она так легко оторвется.

Его обступили, с любопытством разглядывая. Громадный полуголый детина с копной растрепанных светлых волос на голове и с бородкой соломенного цвета протянул могучую исцарапанную руку:

— Дайте-ка сюда.

В другой руке детина держал обрывок блестящего провода. Женя с радостью отдал ногу.

— Я Евгений Славин, — сказал он. — Корреспондент Европейского информационного центра. Я прилетел сюда, потому что мне сказали, что здесь интересно.

Детина несколько раз с задумчивым видом согнул и разогнул черный коленчатый рычаг. Нога в суставе попискивала.

— Я заместитель директора КРИ Павел Рудак, — сказал детина. — А это, — он ткнул рычагом в сторону остальных, — это прочие слуги Великого КРИ. С ними вы познакомитесь после, когда они отнесут септопода в лабораторию.

— А стоит ли? — спросил маленький курчавый австралиец. — У нас уже есть два таких же. Пусть валяется здесь...

— Таких же, да не таких, Таппи, — сказал Рудак. — У этого задняя нога имеет всего один сустав.

— Правда? — Таппи выхватил у Рудака заднюю ногу и тоже несколько раз согнул и разогнул ее. — Да, действительно. Жаль, что она обломана.

— Я не знал, — сказал Женя.

Но его уже никто не слушал. Все обступили Таппи, затем гурьбой направились к черному бугру в траве и наклонились над ним. Рудак и Женя остались одни.

— Что это за семиног? — спросил Женя.

— Один из уродцев Великого КРИ, — ответил Рудак.

— А, — разочарованно сказал Женя. — Значит, это все-таки ваши уродцы?

— Не так это просто, товарищ Славин, не так просто. Я ведь не сказал, что это наши уродцы, я сказал, что это уродцы Великого КРИ... — Он наклонился, пошарил в траве и поднял несколько камешков. — И мы на них охотимся. Последнюю декаду мы только и делаем, что охотимся. Вообще, должен сказать, вы приехали вовремя, товарищ корреспондент...

Он стал очень метко кидать камешки в несчастного септопода, которого тащили в поселок. Камешки звонко щелкали о твердый панцирь.

— Пауль Рудак! — заорал кто-то из тащивших. — Наша кладь тяжела! Где твои сильные руки?

— О нерадивые! — воскликнул Рудак. — Мои сильные руки понесут заднюю ногу! Таппи, куда ты ее дел?

— В траве! Ищи в траве, Пауль!

— Давайте я понесу заднюю ногу, — сказал Женя. — Я ее оторвал, я ее и понесу.

— Валяйте, — весело разрешил Рудак. — А я помогу ребятам.

Он в два прыжка нагнал «нерадивых», растолкал их, подлез под септопода, ухнул и взвалил его на спину.

— Догоняйте! — сдавленно прогремел он и галопом побежал к поселку.

«Нерадивые» с гиканьем кинулись его догонять. Женя подхватил заднюю ногу, повесил ее на шею, как коромысло, и затрусил вслед. Нога была колючая и довольно тяжелая.

— Держу пари на заднюю ногу, — провозгласил Павел Рудак, появляясь в дверях лаборатории. — Готов держать пари даже на собственную заднюю ногу, что корреспондент изнывает от жажды!

Женя сидел под стеной лаборатории, тихо вздыхал и обмахивался чьей-то соломенной шляпой. Шея у него горела.

— Выиграли, — простонал он.

— А где нерадивые слуги? Как смели они бросить такого почтенного гостя? Позор на весь Европейский информационный центр!

— Ваши нерадивые поклоняются задней ноге в здании напротив, — ответил Женя, поднимаясь. — Они попросили меня подождать здесь, они сказали, что вы вернетесь через минутку. Это было как раз полчаса назад.

— Безобразия! — сказал Рудак с некоторым смущением. — Пойдемте, товарищ Славин, я постараюсь загладить их вину. Я утолю вашу жажду и распахну перед вами люки рефрижераторов.

— Скорее!

Рудак взял его за локоть и повлек наискосок через улицу к аккуратному белому коттеджу. В коттедже было чисто и прохладно. Рудак усадил Женю за стол, поставил перед ним стакан, графин и миску со льдом, сам принялся хозяйничать.

— Линии Доставки здесь нет, — гремел он. — Готовим сами. На киберкухнях.

— УКМ-207? — спросил Женя.

— Нет, у меня американская система.

Женя есть не стал. Он только пил и смотрел, как ест Рудак. Рудак опустошал тарелки и горшочки и увещевал:

— Не надо смотреть на меня такими глазами. Это у меня вчерашний ужин, сегодняшний завтрак и сегодняшний обед.

Женя украдкой пересчитал горшочки и подумал: «И сегодняшний ужин».

— Вам повезло, корреспондент, — продолжал Рудак. — У нас сейчас действительно очень интересно. Самое интересное будет сегодня вечером, когда вернется профессор Ломба, директор КРИ.

— А я видел профессора Ломбу, — сказал Женя.

Рудак перестал есть и быстро спросил:

— Когда?

— Сегодня рано утром, в Гибсоне. Он консультировал одного моего знакомого. Только я не знал, что он директор КРИ.

Рудак опустил глаза и снова принялся за еду.

— И как он вам показался? — осведомился он немного погодя. — Веселый старикан, не правда ли?

— Да как вам сказать... — сказал Славин. — Скорее какой-то угрюмый...

— Н-да-а, — протянул Рудак и оттолкнул тарелку. — Сегодня вечером будет оч-чень интересно. — Он вздохнул. — Ну что ж, товарищ Славин, разрешаю задавать вопросы.

Женя торопливо зарядил диктофон.

— Прежде всего, — сказал он, — что такое Великий КРИ?

— Минуточку. — Рудак откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. — Сначала спрошу все-таки я. Какое у вас образование?

— Окончил медицинский институт, институт журналистики и спецкурсы врача-межпланетника.

— И все это полтора века назад, — уточнил Рудак. — И больше ничего?

— Изъездил всю Планету, корреспондент, старая гена пера... Область научных интересов — сравнительное языкознание.

— Так, — сказал Рудак. — И вы ничего не слыхали о семи принципах Сунь Си-тао?

— Ничего.

— И об алгебре информационных полей, конечно?

— Нет.

— И о фундаментальной теореме диссипации информации?

Женя безмолвствовал. Рудак подумал и сказал:

— Хорошо. Совету все ясно. Постараемся сделать все, что можем. Только слушайте очень внимательно и, если я занесусь, хватайте меня за заднюю ногу.

Вот что понял Женя. Коллектор Рассеянной Информации предназначался главным образом для собирания рассеянной информации, что, впрочем, явствовало из названия. Под рассеянной информацией понимались рассеянные в пространстве и времени следы любых событий и явлений. Первый принцип Сунь Си-тао (единственный, который оказался доступен Жене) гласил, что ничто в природе и тем более в обществе не проходит бесследно, все оставляет следы. Подавляющее большинство этих следов находятся в виде чрезвычайно рассеянной инфор-

мации. В конечном счете они представляют собой энергию в той или иной форме, и проблема сбора очень осложняется тем, что за миллионы лет первичные формы претерпевают многократные изменения. Другими словами, следы накладываются друг на друга, смешиваются, частично стираются следами последующих событий и явлений. Теоретически любой след можно отыскать и восстановить — и след столкновения кванта света с молекулой в шкуре бронтозавра, и след зубов бронтозавра на древовидных папоротниках. Для отыскания, сортировки, сопоставления этих следов и для преобразования их в привычные формы информации — например, в изображение — был построен Великий КРИ.

О том, как работает Великий КРИ, у Жени составилось чрезвычайно смутное впечатление. Сначала ему представились миллиарды миллиардов кибернетических инфузорий-микроинформаторов, которые тучами бродят по всему свету, забираясь до самых звезд, собирая рассеянные следы давно минувшего и стаскивая их в необъятные кладовые механической памяти. Затем воображение нарисовало ему паутину проводов, облепивших всю Планету, натянутых на гигантские башни, которые сотнями разбросаны по островам и материкам от полюса до полюса. Короче говоря, он так ничего и не понял, но решил не переспрашивать: он решил, что как-нибудь на досуге прослушает несколько раз диктофонную запись с соответствующими книжками перед глазами и тогда все поймет. А когда Рудак принялся рассказывать о результатах работы, Женя забыл даже об уроках.

— Нам удалось получить очень интересные картины и даже целые эпизоды, — говорил Рудак. — Конечно, подавляющее большинство материалов представляют собой брак — сотни и тысячи кадров, наложенных друг на друга, и фильтр информации просто выходит из строя при попытке разделить их. Но кое-что мы все-таки видели. Мы стали свидетелями вспышки сверхновой вблизи от Солнца сто миллионов лет назад. Мы видели драки динозавров и эпизоды из битвы при Пуатье, звездолеты пришельцев и еще что-то странное и непостижимое, чему мы не имеем пока ни соответствий, ни аналогий.

— А можно будет посмотреть? — с трепетом спросил Женя.

— А как же, можно... Но вернемся к теме дня.

Великий КРИ не был только коллектором рассеянной информации. Это была необычайно сложная и весьма самостоятельная счетно-логическая машина. В ее этажах, помимо миллиардов ячеек памяти и логических элементов, помимо всевозможных преобразователей и фильтров информации, имелись собственные мастерские, которыми она сама управляла. При необходимости она надстраивала себя, создавала новые элементы, строила модели и вырабатывала собственную информацию. Это открывало широкие возможности для использования ее не по прямому назначению. В настоящее время она, например, вела дополнительно всю калькуляцию австралийской экономической сферы, использовалась для решения многих задач общей кибернетики, выполняла функции тончайшего диагностика, имея при этом отделение во всех крупнейших городах Планеты и на некоторых внеземных базах. Кроме того, Великий КРИ взялся за «предсказание будущего».

Нынешний директор КРИ, ученик «гения кибернетики» покойного Сунь Си-тао конголезец Августус Ломба, запрограммировал несколько задач, связанных с предсказанием поведения живого организма. С задачами по детерминизму поведения беспозвоночных КРИ справился сравнительно легко, и два года назад Ломба запрограммировал и ввел в машину задачу чрезвычайной сложности.

— Задача получила название «Буриданов баран». С молодого мериноса был снят биологический код по методу Каспаро-Карпова в тот момент, когда этот меринос находился между двумя кормушками с комбикормом. Этот код в сочетании с некоторыми дополнительными данными о баранах вообще был введен в КРИ. От машины требовалось: а) предсказать, какую кормушку меринос выберет, и б) дать психофизиологическое обоснование этого выбора.

— А как же насчет свободы воли? — осведомился Женья.

— Вот мы и хотим выяснить насчет этой самой свободы воли, — ответил Рудак. — Может быть, ее вовсе и нет.

Он помолчал.

— В контрольном эксперименте баран выбрал правую кормушку. Собственно, задача сводилась к вопросу:

почему? Два года машина думала. Потом начала строить модели. Эффекторные машины часто решают задачи по моделям. Вот когда КРИ решал задачу о земляном черве, он построил такую превосходную модель, что мы у него украли идею и стали строить землепроходные устройства. Изумительные устройства.

Рудак задумался. Женя нетерпеливо заерзал на стуле.

— Вам неудобно? — осведомился Рудак.

— Нет-нет, мне просто очень интересно.

— Ах, вам тоже интересно? Как бы это вам рассказать, чтобы не соврать?

«Крутит он что-то», — подумал Женя и сказал:

— Наверное, я видел одну из этих моделей, про которые вы рассказываете. Этаким шест с зеркалом. Только вряд ли это модель барана. Даже Буриданова.

— В том-то и дело, — со вздохом сказал Рудак. — Никто не верит, что это модель барана. Папа Ломба, например, не поверил. Забрал все материалы по программированию и поехал в Центр проверять. — Рудак опять вздохнул. — Вот сегодня вечером он придет.

— А в чем, собственно, проблема? — спросил Женя.

— Проблема в том, что КРИ делает шесты на колесах и семиногих жуков. Иногда еще такие плоские тарелки без ног, без рук, но с гироскопом. И никто не понимает, какое это имеет отношение к барану.

— Действительно, — задумчиво сказал Женя, — зачем барану так много ног?

Рудак посмотрел на него с подозрением.

— Действительно, зачем? — сказал он с неестественным энтузиазмом. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. «Крутит. Ой, крутит, борода!» — думал Женя.

Рудак ловко, без помощи рук, поднялся на одной ноге.

— А теперь пойдемте, товарищ Славин, я вас представлю заведующему фильмотекой.

— Еще один вопрос, — сказал Женя, перезаряжая диктофон. — Где он находится, ваш Великий КРИ?

— Вы на нем сидите. А сейчас встанете и пойдете. Он под землей, двадцать восемь этажей, шесть гектаров. Мозг, мастерские, энергогенераторы — все. Пошли.

...Фильмотека КРИ находилась на другом конце поселка, в низком павильоне, на крыше которого блестели решетчатые щиты стереосинерамного демонстратора. Сразу за павильоном начиналась саванна.

В павильоне пахло озоном и кокосовым молоком. Заведующая фильмотекой сидела за столом и изучала через биноклярный микроскоп роскошный фотоснимок сустава задней ноги. Заведующая была хорошенькой тантиянской лет двадцати пяти.

— Здравствуй, девочка, — нежно пророкотал Рудак. Заведующая оторвалась от микроскопа и расцвела улыбкой.

— Здравствуй, Польша, — сказала она.

— Вот это корреспондент Европейского центра товарищ Славин, — сказал Рудак. — Отнесись к нему с уважением. Покажи ему кадры двести шестьдесят семь, триста пятнадцать и семь тысяч пятьсот двенадцать...

— Если это вас не затруднит, конечно, — галантно добавил Женья.

Заведующая очень напоминала Шейлу.

— С удовольствием, — сказала заведующая. — А подготовлен ли товарищ Славин морально?

— Э-э... Как вы, товарищ Славин, подготовлены?

— Вполне, — уверенно ответил Женья.

— Тогда я оставляю вас, — сказал Рудак. — Меня ждут уродцы.

Он сделал ручкой и вышел. Было слышно, как он заорал на весь поселок: «Акитада! Привезли оборудование?» Ответа слышно не было. Заведующая вздохнула и сказала:

— Берите складной стул, товарищ Славин, и пойдете.

Женья вышел и уселся у стены павильона. Заведующая деловито прикинула высоту солнца, что-то подсчитала, шевеля губами, и вернулась в павильон.

— Кадр двести шестьдесят семь, — объявила она в раскрытое окно.

Солнечный свет померк. Женья увидел темно-фиолетовое ночное небо с яркими незнакомыми звездами. Низкие плоские облака протянулись над горизонтом, медленно возникли черные силуэты странных деревьев, похожих не то на пальмы, не то на гигантские ростки цветной капусты. Звездные отсветы дрожали в черной воде.

Затем над облаками возникло белое зарево. Оно разгоралось все ярче, уродливые тени заскользили по черной маслянистой поверхности, и вдруг из-за горизонта взрывом вынеслось ослепительно белое пульсирующее светило и рывками понеслось по небу, гася звезды. Серый туман заметался между стволами странных деревьев, замелькали радужные блики, и все исчезло. Перед Женей вновь была залитая солнцем саванна.

— Дальше идут сплошные помехи, — сказала заведующая.

— А что это было? — спросил Женя. Он ожидал большего.

— Это восход сверхновой. Больше ста миллионов лет назад. Она породила динозавров. Теперь кадр триста пятнадцатый. Это наша гордость. Пятьдесят миллионов лет спустя.

Снова исчезла саванна. Женя увидел серую, покрытую водой равнину. Из воды повсюду торчали мясистые стебли каких-то растений. Через равнину по колено в воде брело длинное серое животное. Женя не сразу понял, где у животного голова. Мокрое цистернообразное туловище, облепленное зеленой травой, равномерно сужалось к обоим концам и переходило в длинные гибкие хвост и шею. Затем Женя разглядел крохотную плоскую головку с безгубой жабьей пастью. В повадках чудовища было что-то куриное — на каждом шагу оно ныряло головой в воду и сразу вздергивало голову, быстро-быстро перетирая в пасти какую-то зелень.

— Диплодок, — сказала заведующая. — Длина двадцать четыре метра.

Затем Женя увидел другое чудовище. Оно змеиными движениями скользило рядом с первым, оставляя за собой полосу взбаламученной воды. Один раз оно едва увернулось от колоннообразной ноги диплодока, и на мгновение Женя увидел громадную бледную зубастую пасть. «Что-то будет?» — подумал он. Это было гораздо интереснее вспышки сверхновой. Диплодок, видимо, не подозревал о своем зубастом спутнике либо просто не обращал на него внимания. А тот, ловко лавируя вокруг его ног, подобрался поближе к голове, рывком высунулся из воды, моментально скусил голову и нырнул в сторону.

Женя закрыл рот, стукнув зубами. Картина была не-

обычайно яркая и четкая. На секунду диплодок остановился, высоко вздернул обезглавленную шею и... пошел дальше, все так же размеренно погружая кровоточащий обрубок в мутную воду. И только через несколько шагов у него подогнулись передние ноги. А задние продолжали ступать, и громадный хвост беспечно подергивался из стороны в сторону. Шея в последний раз взмыла в небо и бессильно плюхнулась в воду. Передняя часть туловища стала заваливаться набок, а задняя все продолжала двигаться вперед. Но вот подломились и задние ноги, и тотчас из мутной вспененной воды вынырнули и кинулись десятки оскаленных зубастых пастей...

— Ф-фу! — сказал Женя, вытирая пот. — Страшное зрелище...

— Типичная сцена охоты хищных динозавров на крупного диплодока, — деловито пояснила заведующая. — Они непрерывно жрали друг друга. Почти вся информация, которую мы получаем от тех эпох, — это непрерывное пожирание. Но как вам понравилось качество изображения, товарищ Славин?

— Качество отличное, — сказал Женя. — Только почему-то все время мигает...

Над кронами акаций с грохотом пронеслась пузатая шестимоторная машина. Заведующая выбежала из павильона.

— Аппаратура! — крикнула она. — Пойдемте, товарищ Славин, это привезли аппаратуру!

— Позвольте! — завопил Женя. — А еще? Вы обещали показать мне еще!

— Не стоит, право, не стоит, — убедительно сказала заведующая. Она поспешно складывала стул. — Не знаю, что это взбрело Полю в голову. Семь тысяч пятьсот двенадцать — это резня в Константинополе... Пятнадцатый век... Качество изображения превосходное, но... Настолько неприятное зрелище... Право, не стоит, товарищ Славин... Лучше пойдемте посмотрим, как Поль будет ловить уродцев.

Громадный шестивинтовой вертолет сел недалеко от того места, где Женя оставил свой птерокар, и разгрузочное оборудование было в разгаре. Из распаханых трюмов выкатывали платформы на высоких колесах, груженные желтыми матовыми ящиками. Ящики свозились к

подножию одной из акаций, где в развилке между двумя мощными корнями неутомимый Рудак руководил сборкой. Его зычный голос разносился далеко по вечерней саванне.

Заведующая фильмотекой извинилась и убежала куда-то. Женя принялся описывать неуверенные круги вокруг Рудака. Его одолевала любознательность. Платформы на высоких колесах подкатывали, разгружались и уезжали, «слуги КРИ» — парни и девушки — устанавливали и свинчивали желтые ящики, и под акацией вскоре обозначились контуры громоздкой угловатой установки. Рудак ворочался где-то в ее недрах, гудел, свистел и раскатисто покрикивал. Было шумно и весело.

— Стронг и Джой, займитесь интравизором!

— Трам-тара-рам-тарам-пам-пам! Давайте замыкающую, кто там!

— Фидеры! Куда запропастились фидеры?

— О ла-ла! Еще правее! Вот так...

— Фрост, на разгрузку!

Женю беззлобно толкали под бока и просили убраться в сторонку. Громадный вертолет разгрузился наконец, взревел, подняв ветер и клочья травы, и ушел из-под акации на посадочную площадку. Из-под установки выполз на четвереньках Рудак, встал, отряхнул ладони и сказал:

— Ну, можно начинать. Давайте все по местам.

Он вскочил на платформу, где был установлен небольшой пульт управления. Платформа крикнула.

— Молись, Великий КРИ! — заорал Рудак.

— Станислав еще не вернулся! — крикнул кто-то.

— Вот беда! — сказал Рудак и слез с платформы.

— А профессор Ломба знает? — робко спросила худенькая, остриженная под мальчика девица.

— Профессор узнает, — внушительно сказал Рудак. — Где же Станислав?

На полянке перед акацией вспучилась и треснула земля. Женя подскочил на целый метр. Ему показалось, что из травы высунулась бледная зубастая пасть динозавра.

— Наконец-то! — сказал Рудак. — Я уже беспокоиться начал: кислород-то у него кончился минуту назад...

Из-под земли медленно и неуклюже вытягивалось металлическое кольчатое тело в полметра толщиной, похожее на громадного дождевого червя. Оно все ползло и

ползло, и неизвестно было, сколько колец его еще прячется под землей, когда передняя его часть быстро закружилась, отвинчиваясь, и свалилась в траву. Из черного отверстия высунулась багровая, с широко разинутым ртом мокрая физиономия.

— Ого-го! — заревел Рудак. — С легким паром, Станислав!

Физиономия свесилась через край, сплюнула и сильным голосом объявила:

— У него там целый арсенал. Целые армады ползучих тарелок. Вытащите-ка меня отсюда...

Кольчатый червь все лез и лез из земли, и красное заходящее солнце играло на его металлических боках.

— Начнем, — объявил Рудак и снова взобрался на платформу.

Он разгладил налево и направо бороду, скорчил зверскую рожу девицам, столпившимся внизу, и жестом пианиста положил руки на пульт. Пульт вспыхнул индикаторными лампочками.

И сейчас же все затихло на поляне. Женя, взводя киноаппарат, с беспокойством отметил, что несколько человек торопливо вскарабкались на акацию и расселись на ветвях, а девушки теснее придвинулись к платформе. На всякий случай он тоже подошел поближе к платформе.

— Стронг и Джой, приготовились! — громовым голосом сказал Рудак.

— Приготовились! — откликнулись два голоса.

— Пою на главной частоте. Подпевайте в крыльях. И побольше шуму.

Женя ожидал, что все сейчас запоют и забарабанят, но стало еще тише. Прошла минута.

— Повысить напряжение, — негромко приказал Рудак.

Прошла еще минута. Солнце зашло, на небе выпали крупные звезды. Где-то лениво прокричал эму. Девушка, стоявшая рядом с Женей, судорожно вздохнула. Вдруг наверху, на ветке акации, зашевелились, и чей-то дрожащий от возбуждения голос крикнул:

— Да вот же они! Вон там, на поляне! Вы не туда смотрите!

Жене не было видно, куда надо смотреть, и он не знал, кто должны быть «они» и чего от них можно было ждать. Он поднял киноаппарат, попятился еще немного,

тесня к платформе девушек, и вдруг он увидел. Сначала он подумал, что ему показалось. Что это просто плывут пятна в утомленных глазах. Черная под звездами саванна шевелилась. Неясные серые тени возникли на ней, молчаливые и зловещие, зашелестела трава, что-то скрипнуло, послышался дробный перестук, звяканье, потрескивание. И в одно мгновение тишина наполнилась густыми невнятными шорохами.

— Свет! — рявкнул Рудак. — Идут зольдатики!

С акации откликнулись радостным воем. Посыпались сухие листья и сучья. В тот же миг над поляной вспыхнул ослепительный свет.

Через саванну шла армия Великого КРИ. Она шла сдаваться. Такого парада механического уродства Женя не видел еще никогда в жизни. Очевидно, слуги Великого КРИ тоже видели такое впервые. Гомерический хохот потряс акацию. Конструкторы, испытанные бойцы за механическое совершенство, неистовствовали. Они гроздьями валились с ветвей и катались по поляне.

— Нет, ты посмотри! Ты только посмотри!

— Семнадцатый век! Кулиса Ватта!

— Где Робинзон? Робинзон, это ты считал, что КРИ умнее тебя?

— Ура Робинзону! Качать Робинзона!

— Ребята, да подоприте же кто-нибудь эти колеса! Они не доедут до нас!

— Мальчики! Мальчики! Посмотрите! Паровая машина!

-- Тележка Кювье!

— Автора! Автора!

Ужасные страшилища двигались на поляну. Кособокие трехколесные велосипеды на паровом ходу. Гремящие жестью тарелкоподобные аппараты, от которых летели искры и смердило горелым. Знакомые уже септоподы, неистово лежащиеся знаменитой задней ногой. Паукообразные механизмы на длинейших проволочных ногах, которыми они то и дело спутывались. Позади, уныло вихляясь, приближались шесты на колесиках с поникшими зеркалами на концах. Все это тащилось, хромало, толкалось, стучало, ломалось на ходу и исходило паром и искрами. Женя самозабвенно водил киноаппаратом.

— Я больше не слуга! — орал кто-то с акации.

— И я тоже!

— А что задних ног-то!

Передние ряды механических чудовищ, достигнув платформы, остановились. Задние карабкались на них и тоже замирали в куче, перепутавшись, растопырив уродливые сочленения. Поверх упали с деревянным стуком, ломаясь пополам, шесты на колесиках. Одно колесо, звеня пружинками, докатилось до платформы, покрутилось и улеглось у Жениных ног. Тогда Женя оглянулся на Рудака. Рудак стоял на платформе, уперев руки в бока. Борода его шевелилась.

— Ну вот, ребята, — сказал он, — отдаю это вам на поток и разграбление. Теперь мы, наверное, узнаем, как и почему они тикают.

Победители набросились на павшую армию.

— Неужели Великий КРИ построил все это, чтобы изучать поведение Буриданова барана? — с ужасом спросил Женя.

— Отчего нет? — сказал Рудак. — Очень даже может быть. Даже наверное. — Он подмигнул с необыкновенной хитростью: — Вообще-то, конечно, ясно, что здесь что-то не в порядке.

Мимо два здоровенных конструктора проволокли за заднюю ногу небольшого металлического жука. Как раз напротив платформы нога оторвалась, и конструкторы повалились в траву.

— Уродцы, — пробурчал Рудак.

— Я же говорил, что она слабо держится, — сказал Женя.

Резкий старческий голос врезался в веселый шум:

— Что здесь происходит?

Мгновенно наступила тишина.

— Ай-яй-яй, — шепотом сказал Рудак и слез с платформы. Жене показалось, что Рудак как-то сразу усох.

К платформе, прихрамывая, приближался старый седой негр в белом халате. Женя узнал его — это был профессор Ломба.

— Где здесь мой Польш? — зловеще ласковым голосом спрашивал он. — Дети, кто мне скажет, где мой заместитель?

Рудак молчал. Ломба шел прямо на него. Рудак попытался, наткнулся спиной на платформу и остановился.

— Так что же здесь происходит, Польш, сыночек? — спросил Ломба, подходя вплотную.

Ужасные страшилища двигались на поляну.

Рудак печально ответил:

— Мы перехватили управление у КРИ... и согнали всех уродцев в одну кучу...

— Ах, уродцев? — вкрадчиво сказал Ломба. — Важная проблема! Откуда берется седьмая нога? Важная проблема, дети мои! Очень важная проблема!

Неожиданно он схватил Рудака за бороду и потащил его на середину поляны сквозь расступившуюся толпу.

— Посмотрите на него, дети! — вскричал он торжествующе. — Мы изумляемся! Мы ломаем голову! Мы впадаем в отчаяние! Мы воображаем, что КРИ перехитрил нас!

С каждым «мы» он дергал Рудака за бороду, словно звонил в колокол. Голова Рудака покорно раскачивалась.

— А что случилось, учитель? — робко спросила какая-то девушка. По ее лицу было видно, что ей очень жалко Рудака.

— Что случилось, деточка? — Ломба наконец отпустил Рудака. — Старый Ломба едет в Центр. Отрывает от работы лучших специалистов. И что он узнает? О стыд! Что он узнает, ты, рыжий паршивец? — Он снова схватил Рудака за бороду, и Женя торопливо застрекотал аппаратом. — Над старым Ломбой смеются! Старый Ломба стал посмешищем всех кибернетистов! О старом Ломбе уже рассказывают анекдоты! — Он отпустил бороду и постучал костлявым кулаком в широченную грудь Рудака. — Ну-ка ты, осадная башня! Сколько ног у обыкновенного австралийского мериноса? Или, может быть, ты забыл?

Женя вдруг заметил, что несколько молодых людей при этих словах принялись пятиться с явным намерением затереться в толпу.

— Программистов не выпускать, — не поворачивая головы, приказал Ломба.

В толпе зашумели, и молодые люди были выпихнуты на середину круга.

— Что делают эти интеллектуальные пираты? — спросил Ломба, круто поворачиваясь к ним. — Они показывают в программе семь ног у барана...

Толпа зашумела.

— Они лишают барана мозжечка...

В толпе начался хохот, как показалось Жене — одобрителный.

— Бедный, славный, добросовестный КРИ! — Ломба воздел руки к небесам. — Он громоздит нелепость на нелепость! Мог ли он предположить, что его рыжебородый хулиганствующий хозяин даст ему задачу о пятиугольном треугольнике?

Рудак уныло пробубнил:

— Больше не буду. Честное слово, не буду.

Толпа с хохотом лупила программистов в гулкие спины.

Женя ночевал у Рудака. Рудак постелил ему в кабинете, тщательно расчесал бороду и ушел обратно к акациям. В раскрытое окно заглядывала громадная оранжевая луна, расчерченная серыми квадратами Д-космодронов. Женя смотрел на нее и весело хихикал, с наслаждением перебирая в памяти события дня. Он очень любил такие дни, которые не пропадали даром, потому что удавалось познакомиться с новыми хорошими, веселыми или просто славными людьми. С такими, как вдумчивый Парнкала, или великолепный Рудак, или Ломба-громовержец...

«Об этом я обязательно напишу, — подумал он. — Обязательно! Как веселые, умные молодые ребята на свой страх и риск вложили заведомо бессмысленную программу в необычайно сложную и умелую машину, чтобы посмотреть, как эта машина будет себя вести. И как она себя вела, тщетно тужась создать непротиворечивую модель барана с семью ногами и без мозжечка. И как шла через черную теплую саванну армия этих уродливых моделей, шла сдаваться рыжебородому интеллектуальному пирату. И как интеллектуального пирата таскали за бороду — наверное, не в первый и не в последний раз... Потому что его очень интересуют задачи о пятиугольных треугольниках и о квадратных шарах... которые ранят достоинство честной добросовестной машины... Это может получиться хорошо — рассказ об интеллектуальном хулиганстве...

Женя заснул и проснулся на рассвете. В столовой тихонько гремели посудой и рассуждали вполголоса:

— ...Теперь все пойдет как по маслу. Папаша Ломба успокоился и заинтересовался.

— Еще бы, такой материалище по теории машинных ошибок!

— Ребята, а КРИ оказался все же довольно примитивен. Я ожидал от него большей выдумки.

Кто-то вдруг захохотал и сказал:

— Семиногий баран без малейших признаков органов равновесия! Бедный КРИ!

— Тише, корреспондента разбудишь!

После длинной паузы, когда Женя уже начал дремать, кто-то вдруг сказал с сожалением:

— А жалко, что все уже позади. Как было интересно! О семиногий баран! До чего грустно, что больше нет твоей загадки!

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В МИРЕ ДУХОВ

Лаборант Кочин на цыпочках приблизился к двери и заглянул в спальню. Ридер¹ спал. Это был довольно пожилой ридер, и лицо у него было очень несчастное. Он лежал на боку, подложив ладони под щеку. Когда Кочин приоткрыл дверь, ридер зачмокал и явственно произнес:

— Я еще не выспался. Я хочу спать.

Кочин подошел к постели и потрогал его за плечо:

— Пора, товарищ Питерс. Вставайте, пожалуйста...

Питерс открыл мутные глаза.

— Еще полчаса! — жалобно сказал он.

Кочин сокрушенно покачал головой:

— Нельзя, товарищ Питерс. Если вы переспите...

— Да, — сказал ридер со вздохом, — я отупею. — Он сел и потянулся. — Ты знаешь, какой мне сейчас снится сон, Джордж? Мне снилось, что я у себя на ферме, на Юконе. Будто вернулся с Венеры мой сын и я показываю ему бобровый заповедник. Ты знаешь, какие у меня бобры, Джордж? Они совсем как люди.

Ридер вылез из постели и принялся делать гимнастику. Кочин знал, что сын Питерса два года назад погиб на Венере, что Питерс очень скучает по своей жене, что он не доверяет своим молодым помощникам на ферме и очень беспокоится о бобрах, что ему очень тоскливо и нудно здесь и не нравится то, чем он здесь занимается...

— Ничего! — сказал Питерс, энергично вращая волосатым торсом. — Не надо меня жалеть, Джорджи-бой!

¹ Ридер — человек, способный непосредственно воспринимать и расшифровывать чужие мысли (фантастич.).

Я ведь понимаю: раз нужно, значит, нужно, и никуда не денешься...

Кочин мучительно покраснел. Кажется, он никогда не научится держать себя в присутствии ридера. Все время получаются какие-то неловкости...

— Ты добрый мальчик, Джорджи, — ласково сказал Питерс. — Обычно люди не любят, когда читают их мысли. Поэтому мы, ридеры, предпочитаем уединение, а уж когда появляемся на людях, стараемся побольше болтать — ведь наше молчание очень часто принимают за некий производственный процесс. Здесь у вас один молодой петушок в моем присутствии все время твердит про себя какие-то математические формулы. И что же? Я не понимаю ни одной формулы, но зато ясно чувствую, что он до смерти боится, как бы я не угадал его нежности в отношении одной молодой особы...

Питерс взял полотенце и отправился в ванную. Кочин поспешно стер со лба холодную испарину. «Слава богу, что я ни в кого не влюблен! — фальшиво подумал он. — Катенька могла бы обидеться. Превосходнейшие люди эти ридеры! Интересно, слышит он что-нибудь через дверь ванной? Мы, конечно, здорово досаждаем ему своими опытами, но и он не остается в долгу... Молодой петушок — это, конечно, Петька Быстров. А интересно, к кому это у него нежность?»

— Этого я вам не скажу, — заявил Питерс, появляясь в дверях ванной. Он натягивал свитер. — Ладно, Джорджи, я готов. Куда сегодня? Опять в камеру пыток?

— Опять, — сказал Кочин. — Как всегда. Может быть, позавтракаете? У вас еще четверть часа.

— Нет, — сказал Питерс. — От еды я тоже тупею. Дайте мне только глюкозы.

Он засучил рукав. Кочин достал из кармана плоскую коробку с ампулами активированной глюкозы, взял одну ампулу и прижал ее присоском к вздувшейся вене на руке Питерса. Когда глюкоза всосалась, Питерс щелчком сбил пустую ампулу и опустил рукав.

— Ну, пошли страдать, — сказал он со вздохом.

Институт Физики Пространства был построен лет двадцать назад на острове Котлин в Финском заливе. Старый Кронштадт был снесен окончательно, остались только

серые замшелые стены древних фортов и золотой памятник участникам Великой Революции в парке научного городка. К западу от Котлина был создан искусственный архипелаг, на котором располагались ракетодромы, аэродромы, энергоприемники и энергостанции института. Крайние к западу острова архипелага были заняты так называемыми «громкими» лабораториями—время от времени там бухали взрывы и занимались пожары. Теоретические работы и «тихие» эксперименты велись в длинных плоских зданиях собственно института на Котлине.

Институт работал на переднем крае науки. Диапазон работ был необычайно широк. Проблемы тяготения. Деритринитация. Вопросы новой физической аксиоматики. Теория дискретного пространства. И многие, многие более специальные, более узкие проблемы. Нередко институт брался за разработку проблем, казавшихся и в конечном счете оказывавшихся безнадежно сложными и недоступными. Экспериментальный подход к этим проблемам требовал зачастую чудовищных расходов энергии. Руководство института то и дело беспокоило Мировой Совет однообразными просьбами дать часовую, двухчасовую, а иногда и суточную энергию Планеты. В ясную погоду ленинградцы могли видеть над горизонтом блестящие шары гигантских энергоприемников, установленных на крайних островах «Котлинского архипелага». Какой-то остряк (из Комитета Ресурсов) назвал эти энергоприемники «бочками Данаид», имея в виду, что энергия Планеты проваливается туда, как в бездонные бочки, без видимого результата; и в Совете многие довольно ядовито прохаживались относительно деятельности института, но энергию давали безотказно, потому что считали, что человечество богато и может себе позволить расходы на проблемы послезавтрашнего дня. Даже в разгар работ на Большой Шахте, прорывавшейся к центру Планеты.

Четыре года назад группа сотрудников института произвела опыт, имеющий целью замерить распределение энергии при сигма-деритринитации. На окраине Солнечной системы, далеко за орбитой Трансплутона, два спаренных автоматических космолета были разогнаны до релятивистских скоростей и приведены в столкновение при относительной скорости 295 тысяч километров в секунду. Взрыв был ужасен; масса обоих звездолетов почти целиком перешла в излучение, звездолеты исчезли в

ослепительной вспышке, оставив после себя реденькое облачко металлического пара. Закончив измерения, сотрудники обнаружили дефект энергии: относительно очень малая, но вполне ощутимая доля энергии «исчезла». С качественной стороны в результате опыта не было ничего странного. Согласно теории сигма-деритринитации, определенная доля энергии и должна была исчезнуть в данной точке пространства, с тем чтобы выделить-ся в том или ином виде в каких-то, может быть, весьма удаленных от места эксперимента областях. В этом, собственно, и состояла сущность сигма-Д-принципа, и нечто подобное произошло в свое время с известным «Таймыром». Но с количественной стороны дефект энергии превзошел расчетную величину. Часть энергии «исчезла» неизвестно куда. Для объяснения возникшего противоречия с законами сохранения были привлечены два соображения. Одним из них была гипотеза о том, что энергия выделялась в неизвестной пока форме, например, в виде неизвестного науке поля, для улавливания и учета которого еще не существовало приборов. Другим — послужила Теория Взаимопроникающих Пространств.

Теория взаимопроникающих пространств была разработана задолго до описанного эксперимента. Эта теория представляла мир в виде, может быть, бесконечной совокупности взаимопроникающих пространств с весьма различными физическими свойствами. Именно это различие в свойствах позволяло пространствам физически сосуществовать, не взаимодействуя друг с другом сколько-нибудь заметным образом. Вообще говоря, это была абстрактная теория, она так и не привела к конкретным формулам, которые можно было бы проверить на опыте. Однако из теории следовало, что различные формы материи обладают неодинаковой способностью проникать из одного пространства в соседствующее. Доказывалось также, что проникновение происходит тем легче, чем больше концентрация энергии. Концентрация энергии электромагнитного поля в опыте с космолетами была громадна. Это позволяло предположить, что «утечка» энергии объясняется переходом энергии из нашего пространства в какое-то соседнее пространство. Данных было мало, но идея была настолько заманчива, что в институте у нее сразу же нашлись сторонники.

За экспериментальную разработку теории взаимо-

проникающих пространств взялись сотрудники отдела физики дискретного пространства. Они сразу же отказались от громоздких, опасных и не слишком точных опытов, связанных с поглощениями и выделениями огромных энергий. К тому же при таких опытах оставался открытым вопрос о неизвестных полях. Исследования пространственной проницаемости планировалось вести над самыми разнообразными полями: гравитационным, электромагнитным, ядерным. Но основным козырем и главной надеждой являлась блестящая идея одного из сотрудников, подметившего замечательное сходство между психодинамическим полем человеческого мозга и гипотетическим «полем связи», общее математическое описание которого было найдено теорией взаимопроникающих пространств еще в те времена, когда исследователи психодинамики не имели математического аппарата. Гипотетическое «поле связи» было полем, обладавшим, согласно теории, максимальной способностью проникать из заданного пространства в соседствующее. Достаточно чутких искусственных приемников психодинамического поля (а значит, и «поля связи») не существовало, и в бой были брошены ридеры.

На Планете было десять миллионов человек и всего сто двадцать два зарегистрированных ридера. Ридеры «читали» мысли. Загадка этой необычайной способности была еще, по-видимому, очень далека от разрешения. Ясно было только, что ридеры удивительно чутки к психодинамическому излучению человеческого мозга и что эта чуткость прирожденная. Некоторые ридеры были очень сильны: они воспринимали и расшифровывали мысль человека, удаленного на тысячи тысяч километров. Другие воспринимали психодинамические сигналы лишь в пределах нескольких шагов. Парапсихологи спорили, являются ли ридеры первой ласточкой, возвещающей о появлении на эволюционной лестнице нового человека, или это просто атавизм, остаток таинственного шестого чувства, помогавшего некогда нашим предкам ориентироваться в дремучих первобытных лесах. Наиболее мощные ридеры работали на станциях дальней связи, дублируя обычную радиосвязь с далекими экспедициями. Многие ридеры работали врачами. А многие занимались в областях, никак не связанных с «чтением мыслей».

Как бы то ни было, работники института физики пространства надеялись, что ридеры сумеют хотя бы просто «подслушать» «поле связи». Это было бы замечательным подтверждением теории взаимопроникающих пространств. По приглашению института на Котлин съехались лучшие ридеры Планеты. Замысел опыта был прост. Если «поле связи» между соседствующими пространствами существует, то оно, по теории, должно быть очень похоже на психодинамическое поле человеческого мозга и должно, следовательно, восприниматься ридерами. Если ридера изолировать в специальной камере, защищенной от внешнего мира (в том числе от человеческих мыслей) толстым слоем мезовещества, то в этой камере останется только гравитационное поле Земли, безразличное к психодинамическому полю и гипотетическому «полю связи», приходящему из соседствующих пространств. Конечно, такая постановка опыта была далека от идеальной. Решающим мог быть только положительный результат. Отрицательный результат не говорил ни о чем — он не опровергал и не подтверждал теории. Но пока это была единственная возможность. Ридеров активизировали нейтринным облучением, увеличивающим чувствительность мозга, помещали в камеры и оставляли «слушать».

Питерс и Кочин неторопливо шли по главной улице научного городка. Утро было туманное, немного сырое, солнце еще не взошло, но впереди, далеко-далеко, на огромной высоте отсвечивали розовым решетчатые башни энергоприемников. Питерс шагал, заложив руки за спину, и мурлыкал себе под нос песенку про то, как «Джонни каминг даун ту Хайлоу, пуар олд мэн». Кочин с независимым видом шел рядом и старался ни о чем не думать. У одного из коттеджей Питерс вдруг перестал петь и остановился.

— Надо подождать, — сказал он.

— Зачем? — осведомился Кочин.

— Сиверсон просит меня подождать. — Питерс кивнул в сторону коттеджа: — Он уже надевает пальто.

«Раз-два-три, пионеры мы, — сказал про себя Кочин. — Два ридера — это ровно в два раза... пятью пять одиннадцать или что-то в этом роде».

— Разве Сиверсон один? У него нет провожатого?

— Пятью пять будет двадцать пять, — ворчливо сказал Питерс. — И я не знаю, почему вы не дали Сиверсону провожатого.

В дверях коттеджа появился Сиверсон, застегивая пальто под подбородком.

— Не бранитесь, молодой человек, — строго сказал он Кочину. — В ваши годы мы были вежливей...

— Ну-ну, Сиверсон, старина, — сказал Питерс. — Ты сам знаешь, что ты этого не думаешь... Спасибо, я спал хорошо. И ты знаешь, мне снились бобры. И будто прилетел с Венеры мой Гарри...

Сиверсон спустился на тротуар и взял Питерса под руку.

— Пошли, — сказал он. — Бобры... Я сам чувствую себя бобром эти последние дни. Тебе, по крайней мере, снятся сны, а вот мне... Я тебе рассказывал, что у меня родилась внучка, Питерс?.. Рассказывал... Так я не могу увидеть ее даже во сне, потому что еще ни разу не видел наяву... И мне стыдно, Питерс. На старости лет заниматься такой ерундой!.. Конечно, ерунда, не противоречь мне...

Кочин плелся позади пары маститых ридеров и повторял про себя: «Интеграл от нуля до бесконечности, «е» в степени минус икс квадрат, корень из «пи» пополам... Окружностью называется геометрическое место точек, равноудаленных...»

Старый Сиверсон бубнил:

— Я врач, в своем поселке я знаю всех до седьмого колена вверх и вниз, и меня все знают... Всю жизнь я слушаю мысли людей... Всю жизнь каждый день я приходил к кому-нибудь на помощь, потому что я слышал их мысли... Сейчас мне стыдно и душно, стыдно и душно сидеть в полном одиночестве в этих дурацких казематах и слушать — что? — шепот призраков! Шепот выдуманных духов, порожденных чьим-то бредовым воображением! Не противоречь мне, Питерс, я вдвое старше тебя!

Неписанный кодекс ридеров запрещал им разговор мыслями в присутствии неридера. Кочин был неридер, и он присутствовал. Он повторял про себя: «Математическое ожидание суммы случайных величин равно сумме их математических ожиданий... Сказать бы пару словечек этому... Значит, сумме их математических ожиданий... математических ожиданий...»

— Нас оторвали от привычной работы... — продолжал брюзжать Сиверсон. — Нас загнали в этот серый туман... Не спорь, Питерс, именно загнали! Меня загнали! Я не мог отказаться, когда меня просили, но ничто не мешает мне рассматривать эту просьбу как насилие над личностью... Не спорь, Питерс, я старше тебя! Никогда в жизни мне не приходилось жалеть, что я ридер... Ах, ты жалел? Ну, это твое дело. Разумеется, бобрам не нужен ридер... А людям, больным и страждущим людям, нужен...

— погоди, старина, — сказал Питерс. — Как видишь, ридеры нужны и здоровым... Здоровым, но страждущим...

— Это кто здесь здоровые? — вскричал Сиверсон. — Эти физики-алхимики? А как ты думаешь, почему я до сих пор не уехал отсюда? Не могу же я, черт возьми, их огорчать! Нет, молодой человек, — он внезапно остановился и повернулся к Кочину, — таких, как я, немного! Таких старых и опытных ридеров! И можете не бормотать свою абракадабру, я прекрасно слышу, куда вы меня посылаете! Питерс, не защищай молокососа, я знаю, что говорю! Я старше вас всех, помноженных друг на друга!

«Шестьдесят два умножить на двадцать один, — упорно думал Кочин, красный и мокрый от злости. — Это будет... Это будет... Шестью два... Врешь, старикашка, не может тебе быть столько лет... И вообще... «По небу луночи ангел летел...» Кто сочинил? Лермонтов...»

Над городком разнесся хрипловатый голос репродуктора: «Внимание, товарищи! Передаем предупреждение местной микропогодной станции. С девяти часов тридцати минут до десяти часов пяти минут над восточной оконечностью острова Котлин будет пролит дождь средней обильности. Западная граница зоны дождя — окраина парка».

— Ты предусмотрителен, Сиверсон, — сказал Питерс: — ты надел пальто.

— Я не предусмотрителен, — проворчал Сиверсон. — Просто я взял решение синоптиков еще в шесть утра, когда они его обсуждали...

«Вот это да!» — с восхищением подумал Кочин.

— Ты очень сильный ридер, — с большим уважением сказал Питерс.

— Чепуха! — резко ответил Сиверсон. — Двадцать три километра. Ты бы тоже взял эту мысль, но ты спал. А меня мучает бессонница на этом туманном острове.

Когда они вышли на окраину городка, их нагнал третий ридер. Это был молодой ридер, очень представительный на вид, с холеной уверенной физиономией. Он живописно драпировался в модную золотистую тогу. Сопровождал его Петя Быстров.

Пока ридеры обменивались безмолвными приветствиями, Петя Быстров, воровато на них поглядев, провел ладонью по горлу и одними губами сказал:

— Ох, и плохо же мне!

Кочин развел руками.

Сначала ридеры шли молча. Кочин и Быстров, понурившись, следовали за ними в нескольких шагах. Вдруг Сиверсон заорал надтреснутым фальцетом:

— Извольте говорить словами, Мак-Кonti! Извольте говорить словами в присутствии молодых людей — неридеров!

— Сиверсон, старина! — укоризненно сказал Питерс.

Мак-Кonti шикарным жестом махнул полой тоги и надменно сказал:

— Что ж, могу повторить и словами! Мне нечего скрывать. Я ничего не могу взять в этих дурацких камерах. Там нечего брать. Уверяю вас, там совершенно нечего брать.

— Это вас не касается, молодой человек! — заклекотал Сиверсон. — Я старше вас и тем не менее сижу здесь и не жалуюсь и буду сидеть до тех пор, пока это нужно ученым! И раз ученые просят нас сидеть здесь, значит, у них есть для этого основания! («Сиверсон, старина!» — сказал Питерс). Да-да, это, конечно, скучнее, нежели торчать на перекрестках, закутавшись в безобразную золотую хламиду, и подслушивать чужие мысли! А потом изумлять девиц! Не спорьте со мной, Мак-Кonti, вы делаете это!

Мак-Кonti увял, и некоторое время все шли молча. Затем Питерс сказал:

— К сожалению, Мак-Кonti прав. То есть не в том, что он подслушивает чужие мысли, конечно... Я тоже ничего не могу взять в камере. И ты тоже, Сиверсон, старина. Боюсь, что эксперимент проваливается.

Сиверсон что-то неразборчиво проворчал.

— И все же, — сказал Мак-Конти, — этот эксперимент при всей его бессмысленности сыграл свою роль для нас, ридеров. Кажется, впервые все лучшие ридеры Планеты собрались вместе. Я думаю, нам следует воспользоваться случаем и обсудить целый ряд наших дел. Я активно работаю над проектом первого съезда ридеров. Нас немного, но мы сила, и нам давно пора объединиться в некоторую профессиональную единицу. Пора потребовать у людей особых прав для ридеров. Ваше мнение, Питерс?

Питерс медленно сказал:

— Во-первых, не «Питерс», а «товарищ Питерс». Вторых, вашу идею профессионального объединения... успокойся, Сиверсон... я считаю вредным бредом. Вы начитались скверных книжек о тайных организациях, Мак-Конти. Сиверсон, старина, успокойся, еще раз прошу тебя. В-третьих. Вы собираетесь требовать особых прав у людей? А вы кто? Марсианин? Кто вас вырастил и воспитал, Мак-Конти? Чей вы хлеб едите? И кто вам дал вот это? — Питерс двумя пальцами взял и приподнял пол роскошной тоги. — Какой срам, Мак-Конти!

Воцарилось молчание, и так в молчании они дошли до здания института. У подъезда Сиверсон сказал:

— Хорошо, что сначала вы обратились со своим предложением к нам, Мак-Конти. Люди помоложе попортили бы вам тогу. Я вас очень попрошу зайти ко мне сегодня вечером, часов в восемь. До свидания, ридер Мак-Конти. И поберегите вашу тогу. Хотя бы до вечера.

Тяжелая плита титанистой стали, покрытая с двух сторон блестящим слоем мезовещества, медленно опустилась, и Питерс остался один. Он сел в кресло перед пустым столиком и приготовился скучать десять часов подряд. По условиям эксперимента не рекомендовалось ни читать, ни писать. Нужно было сидеть и «слушать» тишину. Тишина была полная. Мезозащита не пропустила извне ни одной мысли, и здесь, в этой камере, Питерс впервые в жизни испытал удивительно неприятное ощущение глухоты. Наверное, конструкторы камер и не подозревали, как благоприятна для эксперимента эта тишина. «Оглохший» ридер вольно или невольно напряженно вслушивался, стараясь уловить хотя бы тень

сигнала. Кроме того, конструкторы не знали, каких мучений стоит ридерам, привыкшим к постоянному шуму человеческих мыслей, отсидеть десять часов в глухой камере. Питерс назвал камеру камерой пыток, и многие ридеры подхватили это название.

«Я отсидел здесь уже сто десять часов, — думал Питерс. — Сегодня к концу дня будет сто двадцать. И ничего. Никаких следов пресловутого «поля связи», о котором так много думают наши бедные физики. Все-таки сто с лишним часов — это много. На что же они рассчитывают? Сотня ридеров, каждый просидел примерно по сто часов, — это десять тысяч часов. Десять тысяч часов без всякой пользы. Бедные, бедные физики! И бедные, бедные ридеры! И бедные, бедные мои бобры! Пит Белантайн сопляк, мальчишка, зоолог без году неделя... Чует мое сердце, что он запоздает с подкормкой. На декаду он наверняка опоздает. Надо сегодня же вечером дать еще одну радиограмму. Но ведь он упрям, как осел, он ничего не желает слышать об юконской специфике... И Винтер тоже сопляк, мямля! — Питерс рассвирепел. — И Юджин — зеленая самодовольная дура... Бобров надо любить! Любить нежно! Любить всем сердцем! Чтобы они сами выползали к тебе на берег и тыкались мордочками тебе в ладони! У них такие славные, потешные мордочки... А у этих... звероводов на уме одни проблемы... Звероведение! Как с одного бобра снимать две шкурки! Да еще заставить отрастить третью! Эх, Гарри нет у меня... Гарри, мой мальчик, как мне трудно без тебя, если бы ты знал!

Как сейчас помню, пришел он ко мне... Когда же это было? В январе... нет, в феврале... в сто девятнадцатом. Он пришел и сказал, что уходит добровольцем на Венеру. Так и сказал: «Прости, па, наше место сейчас там». Потом он прилетал два раза — в сто двадцать первом и сто двадцать пятом. Старые бобры помнили его, и он помнил всех старых бобров до одного. Он мне все говорил, что приехал, потому что соскучился, но я-то знал, что он приезжал лечиться. Ах, Гарри, Гарри, мы могли бы сейчас забрать всех наших добрых бобров и поставить отличную ферму на Венере! Теперь это уже можно. Теперь туда перевозят много разных животных... А ты не дожил, мой мальчик».

Питерс достал платок, промакнул глаза, встал и при-

нялся ходить по камере. «Проклятая бессмысленная клетка!.. Долго они будут еще держать нас здесь?» Он подумал, что сейчас, вероятно, вся сотня ридеров мечется каждый в своей камере. Старый крикливый Сиверсон, который одновременно ухитряется быть и желчным и добрым. И самовлюбленный дурак Мак-Конти... Впрочем, Мак-Конти сидит, наверное, тихонько, как мышь, думает о предстоящей беседе с Сиверсоном. Откуда берутся такие, как Мак-Конти? Наверное, они встречаются только среди ридеров. И все потому, что ридеризм, как там ни суди, есть уродство. По крайней мере пока. К счастью, такие, как Мак-Конти, редкость даже среди ридеров. А среди ридеров-профессионалов таких и вообще нет. Вот, например, Юра Русаков, ридер Дальней Связи. На станциях Дальней Связи много профессиональных ридеров, но, говорят, Юра Русаков самый сильный из них. Говорят, он вообще самый сильный в мире ридер. Он берет даже направление. Очень редко кто может брать направление. Он ридер с самого раннего детства и с самого раннего детства знает об этом. И все-таки он веселый, хороший мальчик. Его хорошо воспитали, не делали из него с детства гения и уника. Самое страшное для ребенка — это любвеобильные родители. Но его то воспитывала школа, и он очень славный парень. Говорят, он плакал, когда принимал последние сигналы «Искателя». На «Искателе» после катастрофы остался только один живой человек — мальчишка-стажер Вальтер Саронян. Очень, очень талантливый юноша по-видимому. И железной воли человек. Раненый, умирающий, он стал искать причину катастрофы... и нашел. Какие люди, ах, какие люди!

Питерс насторожился. Ему показалось, что что-то постороннее, едва заметное неслышной тенью скользнуло в сознании. Нет. Это только эхо от стен. Интересно, как все-таки должно выглядеть это, если бы оно существовало? Джорджи-бой утверждает, что теоретически это должно восприниматься как шум. Но он не может, естественно, объяснить, что такое этот шум, а когда пытается, то немедленно скатывается в математику либо проводит неуверенные аналогии с испорченными радиоприемниками. Физики знают, что такое шум, теоретически, но не имеют о нем никакого чувственного представления, а ридеры, ничего не понимая в теории, может быть,

слышат этот шум двадцать раз в день, но не подозревают об этом. «Как жалко, что нет ни одного физика-ридера! Вот, может быть, Юра Русаков станет первым. Он или кто-нибудь еще из молодежи станций Дальней Связи... Хорошо, что мы инстинктивно отличаем свои мысли от чужих и только случайно можем принять эхо за посторонний сигнал...»

Питерс сел и вытянул ноги. Забавное все-таки дело придумали физики: ловить духов из иного мира. Воистину естествознание в мире духов. Он посмотрел на часы. Только тридцать минут прошло. Ну что ж, духи так духи. Будем слушать.

Ровно в семнадцать ноль-ноль Питерс подошел к двери. Тяжелая плита титанистой стали поднялась, и в сознание Питерса ворвался вихрь чужих возбужденных мыслей. Как всегда, он увидел напряженные, ожидающие лица физиков и, как всегда, отрицательно покачал головой. Ему было нестерпимо жалко этих молодых умных ребят, он много раз представлял себе, как это будет замечательно, если прямо с порога он улыбнется и скажет: «Есть поле связи, я взял ваше поле связи». Но что ж поделаешь, если «поля связи» либо не существует, либо оно не под силу ридерам.

— Ничего, — сказал он вслух и шагнул в коридор.

— Очень жаль, — сказал один из физиков расстроено. Он всегда говорил это «очень жаль».

Питерс подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Послушайте, — сказал он, — может быть, достаточно? Может быть, у вас какая-нибудь ошибка?

Физик натянуто улыбнулся.

— Ну что вы, товарищ Питерс! — сказал он. — Опыты еще только начинаются. Мы и не ожидали ничего другого для начала... Усилим активирование... да, активирование... Только бы вы согласились продолжать...

— Мы должны набрать большой статистический материал, — сказал другой физик. — Только тогда можно делать какие-нибудь выводы... Мы очень надеемся на вас, товарищ Питерс, на вас лично и на ваших друзей...

— Да, — сказал Питерс, — конечно.

Он хорошо видел, что они больше ни на что не надеются. Только на чудо. Но, может быть... Все может быть.

Лю стоял по пояс в сочной, зеленой траве и смотрел, как опускается вертолет. От ветра, поднятого винтами, по траве шли широкие волны, серебристые и темно-зеленые. Лю казалось, что вертолет опускается слишком медленно, и он нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Было очень жарко и душно. Маленькое белое солнце стояло высоко, от травы поднималась влажная жара. Винты заверещали громче, вертолет развернулся бортом к Лю, затем упал сразу метра на полтора и утонул в траве на вершине холма. Лю побежал вверх по склону.

Двигатель стих, винты стали вращаться медленнее и остановились. Из кабины вертолета полезли люди. Первым вылез долговязый человек в куртке с засученными рукавами. Он был без шлема, выгоревшие волосы его торчали дыбом над длинным коричневым лицом. Лю узнал его: это был начальник группы следопыт Комов.

— Здравствуйте, хозяин! — весело сказал он, протягивая руку. — Ниньхао!

— Хаонинь, капитан, — сказал Лю. — Добро пожаловать на Леониду.

Он тоже протянул руку, но им пришлось пройти навстречу друг другу еще десяток шагов.

— Очень, очень рад вам! — сказал Лю улыбаясь.

— Соскучились?

— Очень, очень соскучился. Один на целой планете.

— Вам привет от Атоса.

— От Атоса?

— Ну да, от Сидорова. Помните?

— Ах, Сидоров? Микробиолог? Спасибо. Где он?

— Все там же, на Владиславе.

— И по-прежнему ругается с Бадером, я полагаю?

За спиной Комова кто-то сказал «ох ты», и что-то с шумом повалилось в траву.

— Это Борис Фокин, — сказал Комов не оборачиваясь. — Самопадающий археолог.

— Если такая жуткая трава!.. — сказал Борис Фокин поднимаясь. У него были рыжие усики, засыпанный веснушками нос и белый пенопластовый шлем, сбитый набекрень. Он вытер о штаны измазанные зеленью ладони и представился: — Фокин, следопыт-археолог.

— Добро пожаловать, Фокин, — сказал Лю.

— А это Татьяна Палей, инженер-археолог.

Лю подобрался и вежливо наклонил голову. У инженера-археолога были серые отчаянные глаза и ослепительные зубы. Рука у инженера-археолога была крепкая и шершавая. Комбинезон на инженер-археологе висел с большим изяществом.

— Меня зовут Таня, — сказал инженер-археолог.

— Лю Гуан-чэн, — нерешительно пробормотал Лю.

— Мбога, — сказал Комов. — Биолог и охотник.

— Где? — спросил Лю. — Ох, извините, пожалуйста!

— Ничего, товарищ Лю, — сказал Мбога.

Мбога был пигмеем из Конго, и над травой виднелась только его черная голова, туго повязанная белым платком. Рядом с головой торчал вороненый ствол карабина.

— Это Тора-охотник, — сказала Татьяна.

Лю пришлось нагнуться, чтобы пожать руку Тора-охотнику. Теперь он знал, кто такой Мбога. Тора-охотник, член Комитета по охране животного мира иных планет. Биолог, открывший «бактерию жизни» на Пандоре. Зоопсихолог, приручивший чудовищных марсианских соратобу хиру — летающих пиявок. Лю было ужасно неловко за свой промах.

— Я вижу, вы без оружия, Лю, — заметил Мбога.

— Вообще у меня есть пистолет, — отозвался Лю. — Но он очень тяжелый.

— Понимаю. — Мбога одобрительно покивал. Он огляделся. — Все-таки зажгли степь, — сказал он негромко.

Лю обернулся. От холма до самого горизонта тянулась плоская равнина, покрытая блестящей сочной травой. В трех километрах от холма трава горела, запыленная реактором бота. В белесое небо ползли густые клубы белого дыма. За дымом смутно виднелся бот — темное яйцо на трех растопыренных упорах. Вокруг бота чернел широкий выгоревший круг.

— Она скоро погаснет, — сказал Лю. — Здесь очень влажно. Пойдемте, я покажу вам ваше хозяйство.

Он взял Комова под руку и повел его мимо вертолета на другую сторону холма. Остальные двинулись следом. Лю несколько раз оглянулся, с улыбкой кивая им. Комов сказал с досадой:

— Всегда неприятно, когда напакостишь при посадке.

— Она скоро погаснет, — повторил Лю. Он слышал, как позади Фокин заботился об инженер-археологе:

— Осторожно, Танечка, здесь, кажется, кочка...
— Вижу, — отвечал инженер-археолог. — Смотри себе под ноги.

— Вот ваше хозяйство, — сказал Лю.

Зеленую равнину пересекала широкая, спокойная река. В излучине реки блестела гофрированная крыша.

— Это моя лаборатория, — сказал Лю.

Правее лаборатории поднимались в небо струи красного и черного дыма.

— Это строится склад, — сказал Лю.

Было видно, как в дыму мечутся какие-то тени. На мгновение появилась огромная неуклюжая машина на гусеницах — робот-матка, — в дыму сейчас же что-то сверкнуло, донесся раскатистый грохот, и дым повалил гуще.

— А вон там город, — сказал Лю.

От базы до города было немногим больше километра. С холма здания города казались серыми приземистыми кирпичами. Шестнадцать серых плоских кирпичей, выступающих из зеленой травы.

— Да, — сказал Фокин, — планировка необычайная.

Комов молча кивнул. Этот город был совсем не похож на другие. До открытия Леониды следопыты — работники Комиссии по изучению следов деятельности иного разума в Космосе — имели дело только с двумя городами. Пустой город на Марсе и пустой город на Владиславе, планете голубой звезды ЕН 17. Оба города строил явно один и тот же архитектор — цилиндрические, уходящие на много этажей под почву здания из светящегося кремний-органика, расположенные по концентрическим окружностям. А вот город на Леониде был совсем другим. Два ряда серых коробок из ноздреватого известняка.

— Вы там бывали? — спросил Комов.

— Нет, — ответил Лю, — ни разу. Собственно, мне было некогда. Я ведь не археолог, я атмосферный физик. И потом, Горбовский просил меня не ходить туда.

Бу-бух! — донеслось со стройки. Там густыми облаками взлетели красные клубы дыма. Сквозь них уже обрисовывались гладкие стены склада. Робот-матка выбрался из дыма в траву. Рядом с ним прыгали черные киберстроители, похожие на богомолов. Затем киберы построились цепью и побежали к реке.

— Куда это они? — с любопытством спросил Фокин.

— Купаться, — сказала Таня.

— Они разравнивают завал, — объяснил Лю. — Склад почти готов. Сейчас вся система перестраивается. Они будут строить ангар и водопровод.

— Водопровод! — восхитился Фокин.

— Все-таки лучше было бы отодвинуть базу подальше от города, — сказал Комов с сомнением.

— Так распорядился Горбовский, — сказал Лю. — Нехорошо удаляться от базы.

— Тоже верно, — согласился Комов. — Только не испортили бы киберы города...

— Ну, что вы! Они у меня туда не ходят.

— Какая благоустроенная планета! — сказал Мбога.

— Да! — радостно подтвердил Лю. — Река, воздух, зелень, и никаких комаров, никаких вредных насекомых!..

— Очень благоустроенная планета, — повторил Мбога.

— А купаться можно? — спросила Таня.

Лю посмотрел на реку. Река была зеленоватая, мутная, но это была настоящая река с настоящей водой. Леониды была первой планетой, на которой оказался пригодный для дыхания воздух и настоящая вода.

— Купаться, я думаю, можно, — сказал Лю. — Правда, я сам не купался — времени не было.

— Мы будем купаться каждый день, — сказала Таня.

— Еще бы! — закричал Фокин. — Каждый день! Три раза в день! Мы только и будем делать, что купаться!

— Ну ладно, — сказал Комов, — а там что? — Он указал на гряды плоских холмов на горизонте.

— Не знаю, — ответил Лю. — Там еще никто не был. Валькенштейн заболел внезапно, и Горбовскому пришлось улететь. Он успел только выгрузить для меня оборудование и улетел.

Некоторое время все стояли молча и глядели на холмы у горизонта. Потом Комов сказал:

— Дня через три я сам летаю вдоль реки.

— Если есть еще какие-нибудь следы, — заметил Фокин, — то их нужно искать именно возле реки.

— Наверное, — вежливо согласился Лю. — А сейчас пойдемте ко мне.

Комов оглянулся на вертолет.

— Ничего, пусть остается здесь, — сказал Лю. — Бегемоты на холмы не поднимаются.

— О! — удивился Мбога. — Бегемоты?

— Это я их так называю. Издали они похожи на бегемотов, а вблизи я их не видел.

Они стали спускаться с холма.

— На той стороне трава очень высокая, я видел только их спины.

Мбога шел рядом с Лю мягкой, скользкой походкой. Трава словно обтекала его.

— Затем здесь есть птицы, — продолжал Лю. — Они очень большие и иногда летают очень низко. Одна чуть не сбила у меня локатор.

Комов, не замедляя шага, поглядел в небо, прикрываясь ладонью от солнца.

— Кстати, — сказал он, — я должен послать радиogramму на «Подсолнечник». Можно будет воспользоваться вашей рацией?

— Сколько угодно, — сказал Лю. — Вы знаете, Перси Диксон хотел подстрелить одну. Я говорю о птицах. Но Горбовский не разрешил.

— Почему? — спросил Мбога.

— Не знаю, — ответил Лю. — Но он был страшно рассержен и даже хотел отобрать у всех оружие.

— У нас он его отобрал, — сказал Фокин. — Это был великий скандал на Совете. По-моему, очень некрасиво вышло — Горбовский раздавил всех своим авторитетом.

— Только не Тора-охотника, — заметила Таня.

— Да, я взял оружие, — сказал Мбога. — Но я понимаю Леонида Андреевича. Здесь не хочется стрелять.

— И все-таки Горбовский человек со странностями, — заявил Фокин.

— Возможно, — сказал Лю сдержанно. — По-моему, это замечательный человек.

Они подошли к просторному куполу лаборатории с низкой круглой дверцей. Над куполом вращались в разные стороны три решетчатых блюда локаторов.

— Вот здесь можно поставить ваши палатки, — сказал Лю. — А если нужно, я дам команду киберам, и они вам построят что-нибудь попрочнее.

Комов поглядел на купол, поглядел на клубы красного и черного дыма за лабораторией, затем оглянулся на серые крыши города и сказал виновато:

— Знаете, Лю-тунджи¹, боюсь, мы будем вам тут мешать. Уж лучше мы устроимся в городе, а?

¹ Тунджи — товарищ (кит.).

— И потом здесь как-то гарью пахнет, — добавила Таня, — и я киберов боюсь...

Лю обиженно пожал плечами.

— Как хотите. По-моему, здесь очень хорошо.

— Вот мы поставим палатки, — сказала Таня, — и перебирайтесь к нам. Вам понравится, вот увидите. А от города до базы совсем недалеко.

— М-м-м... — промычал Лю. — Пожалуй... А пока прошу ко мне.

Археологи, заранее сгибаясь, направились к низкой дверце. Мбога шел последним, ему даже не пришлось наклонить голову. Лю задержался на пороге. Он осматрелся и увидел вытопанную землю, пожелтевшую, смятую траву, унылые штабеля литопласта и подумал, что здесь действительно как-то пахнет гарью.

Город состоял из единственной улицы, очень широкой, заросшей густой травой. Улица тянулась почти точно по меридиану и кончалась недалеко от реки. Комов решил ставить лагерь в центре города. Разбивку лагеря начали в три часа пополудни по местному времени (сутки на Леониде составляли двадцать семь часов с минутами).

Жара как будто усилилась. Ветра не было, над серыми параллелепипедами зданий дрожал горячий воздух, и только в южной части города, ближе к реке, было немного прохладнее. Пахло, по словам Фокина, сеном и «немножко хлорелловой плантацией».

Комов взял Мбога и Лю, предложившего свою помощь, сел в вертолет и отправился к боту за оборудованием и продуктами, а Татьяна и Фокин занялись съемкой города. Оборудования было немного, и Комов перевез его в два приема. Когда он прилетел в первый раз, Фокин, помогавший при выгрузке, многозначительно сообщил, что все здания города весьма близки по размерам и отклонения размеров от средних хорошо укладываются на гауссиану¹.

— Очень интересно, — сказал вежливый Лю.

— Это доказывает, — сообщил Фокин, — что все здания имеют одно и то же назначение. Остается только установить — какое, — добавил он, подумав.

¹ Гауссиана — здесь: кривая, определяющая вероятность отклонения каждого отдельного измерения от средней величины.

Когда вертолет вернулся второй раз, Комов увидел, что Таня и Фокин установили высокий шест и подняли над городом неофициальное знамя следопытов — белое полотнище со стилизованным изображением семигранной гайки. Давным-давно, почти столетие назад, один крупный межпланетник, ярый противник идеи изучения следов деятельности иного разума в Космосе, как-то сгоряча заявил, что неопровержимым свидетельством такого рода деятельности он готов считать только колесо на оси, чертеж пифагоровой теоремы, высеченный в скале, и семигранную гайку. Следопыты приняли вызов и украсили свое знамя изображением семигранной гайки.

Комов с удовольствием отсалютовал знамени. Много было сожжено горючего и пройдено парсеков с тех пор, как родилось это знамя. Впервые его подняли над круговыми улицами пустого города на Марсе. Тогда еще имели хождение фантастические гипотезы о том, что и город, и спутники Марса могут иметь естественное происхождение. Тогда еще самые смелые следопыты считали город и спутники единственными следами таинственно исчезнувшей марсианской цивилизации. И много пришлось пройти парсеков и перекопать земли, прежде чем неопровергнутой осталась единственная гипотеза: пустые города и покинутые спутники построены пришельцами из далекой и неведомой планетной системы. Только вот этот город на Леониде...

Комов вывалил из кабины вертолета последний тюк, прыгнул в траву и с силой захлопнул дверцу. Лю подошел к нему, опуская засученные рукава, и сказал:

— Теперь разрешите мне покинуть вас, Геннадий. Через двадцать минут у меня зондирование.

— Конечно, — сказал Комов. — Какой может быть разговор. Спасибо, Лю. Приходите к нам ужинать.

Лю посмотрел на часы и сказал:

— Спасибо. Не обещаю.

Мбога, прислонив карабин к стене ближайшего здания, надувал палатку прямо посреди улицы. Он поглядел вслед Лю и улыбнулся Комову, растягивая серые губы на маленьком сморщенном лице.

— Поистине благоустроенная планета, Гена, — сказал он. — Здесь ходят без оружия, ставят палатки прямо в траве... И вот это...

Он кивнул в сторону Фокина и Тани. Следопыт-археолог и инженер-археолог, вытоптав вокруг себя траву, вошли в тени здания над экспресс-лабораторией. Инженер-археолог была в шелковой безрукавке и в коротких штанах. Ее тяжелые башмаки красовались на крыше здания, а комбинезон валялся рядом на тюках. Фокин в волейбольных трусах с остервенением тащил через голову мокрую от пота куртку.

— Борис, Борис, — говорила Таня, — куда ты подключил аккумуляторы?

— Сейчас, Танечка! — невнятно отвечал Фокин.

— Да, — сказал Комов, — это не Пандора.

Он вытянул из тюка вторую палатку и принялся прилаживать к ней центробежный насос. Да, это не Пандора, подумал он и вспомнил, как на Пандоре они ломались через сумрачные джунгли, и на них были тяжелые скафандры высшей защиты, и руки оттягивал громоздкий дезинтегратор со снятым предохранителем. Под ногами хлюпало, и при каждом шаге в разные стороны бросалась многоногая мерзость, а над головой сквозь путаницу липких ветвей мрачно светили два близких кровавых солнца. Да разве только Пандора! На всех планетах с атмосферами следопыты и десантники передвигались с величайшей осторожностью, гнали перед собой колонны роботов-разведчиков, самоходные кибернетические биолaborатории, токсиноанализаторы, конденсированные облака универсальных вирусобов. Немедленно после высадки капитан корабля был обязан выжечь термитом зону безопасности. И величайшим преступлением считалось возвращение на корабль без предварительной тщательнейшей дезинфекции и дезинсекции. Невидимые чудовища страшнее чумы и проказы подстерегали неосторожных. Так было всего десять лет назад.

Так могло бы быть и сейчас и на благоустроенной Леониде. Здесь тоже есть микрофауна, и очень обильная. Но десять лет назад маленький доктор Мбога нашел на страшной Пандоре «бактерию жизни», и профессор Карпенко на Земле открыл биоблокаду. Одна инъекция в сутки. Можно даже одну в неделю. Как тогда спросил учитель Тенин: «Вы слыхали про биоблокаду?» Комов вытер потное лицо и стал расстегивать куртку.

Когда солнце склонилось к западу и небо на востоке из белесого сделалось темно-лиловым, они сели ужинать.

Лагерь был готов. Поперек улицы стояли три палатки, тюки и ящики с оборудованием были аккуратно сложены вдоль стены одного из зданий. Фокин, вздыхая, приготовил ужин. Все были голодны, поэтому Лю ждать не стали. Из лагеря было видно, что Лю сидит на крыше своей лаборатории и что-то делает с антеннами.

— Ничего, мы ему оставим, — пообещала Таня.

— Чего там, — сказал Фокин, поедая вареную телятину. — Проголодается и придет.

— Неудачно ты поставил вертолет, Гена, — заметила Татьяна. — Весь вид на реку загородил.

Все посмотрели на вертолёт. Вида на реку действительно не было.

— Хороший вид на реку открывается с крыши, — хладнокровно сказал Комов.

— Нет, правда, — произнес Фокин, сидевший к реке спиной. — Абсолютно не на что со вкусом поглядеть.

— Как — не на что? — сказал Комов по-прежнему хладнокровно. — А телятина?

Он лег на спину и стал глядеть в небо.

— Вот о чем я думаю, — начал Фокин, вытирая салфеткой усы. — Как мы будем прорываться в эти гробы? — Он ткнул пальцем в ближайшее здание. — Будем копать или резать стену?

— Вот это как раз не проблема, — ответил Комов лениво. — Интересно, как туда попадали хозяева, — вот проблема. Тоже резали стены?

Фокин задумчиво поглядел на Комова и спросил:

— А что, собственно, ты знаешь об этих хозяевах? Может быть, им и не нужно было туда попадать.

— Ага, — сказала Таня. — Новый архитектурный принцип. Человек садился на травку, возводил вокруг себя стены и потолок и... и...

— ...и отходил, — закончил Мбога.

— А может быть, это действительно гробницы? — сказал Фокин вызывающе.

Некоторое время все обдумывали это предположение.

— Татьяна, а что с анализами? — спросил Комов.

— Известняк, — ответила Таня. — Углекислый кальций. Много примесей, конечно. Но, в общем, знаете, на что все это похоже? На коралловые рифы. И еще похоже, что все здание сделано из одного куска...

— Монолит естественного происхождения.

— Вот уж и естественного! — воскликнул Фокин. — Характерная закономерность: стоит обнаружить новые следы, и сразу же находятся товарищи, которые заявляют, что это естественные образования...

— Естественное предположение, — сказал Комов.

— А вот мы завтра соберем интравизор¹ и посмотрим, — пообещала Таня. — Главное, что этот известняк не имеет ничего общего с янтаринном, из которого построен марсианский город. И город на Владиславе.

— Значит, еще кто-то бродит по планетам, — сказал Комов. — Хорошо, если бы они на этот раз оставили нам что-нибудь посущественней.

— Библиотеку бы найти! — простонал Фокин. — Машины бы какие-нибудь!

Они замолчали. Мбога достал и принялся набивать короткую трубочку. Он сидел на корточках и задумчиво глядел поверх палаток в светлое небо. Его маленькое лицо под белым платком выражало полный покой и убагтовренность.

— Тихо как!

Бум! Бах! Тарарах! — донеслось со стороны базы.

— О дьявол! — пробормотал Фокин. — Это-то зачем?

Мбога выпустил колечко дыма и произнес негромко:

— Я понимаю вас, Боря. Я сам впервые в жизни не ощущал радости, слушая, как наши машины работают на чужой планете.

— Она какая-то не чужая, вот в чем все дело, — сказала Таня.

Большой черный жук прилетел неизвестно откуда, тяжело гудя, сделал круг над следопытами и улетел.

Фокин тихонько засопел, уткнувшись носом в согнутый локоть. Таня поднялась и ушла в палатку. Комов тоже встал и с наслаждением потянулся. Было так тихо и хорошо вокруг, что он совершенно растерялся, когда Мбога, словно подброшенный пружиной, вдруг вскочил на ноги и застыл, повернувшись лицом к реке. Комов тоже повернулся лицом к реке.

Какая-то исполинская черная туша надвигалась на лагерь со стороны реки. Вертолет отчасти скрывал ее, но было видно, как она колышется на ходу и как вечернее

¹ И н т р а в и з о р — прибор, позволяющий видеть сквозь толстые слои вещества (фантастич.).

солнце блестит на ее влажных лоснящихся боках, раздутых, словно брюхо гиппопотама. Туша двигалась довольно быстро, раздвигая траву, и Комов с ужасом увидел, как вертолет качнулся и стал медленно валиться на бок. Между стеной здания и днищем вертолета протиснулся низкий массивный лоб с двумя громадными буграми. Комов увидел два выпуклых тупых глаза, устремленных, как ему показалось, прямо на него.

— Осторожнее! — заорал он.

Вертолет свалился, упираясь в траву лопастями винтов. Чудовище продолжало двигаться на лагерь. Оно было не менее трех метров высоты, покатые бока его мерно вздувались, и было слышно ровное, шумное дыхание.

За спиной Комова Мбога щелкнул затвором карабина. Тогда Комов очнулся и попятился к палаткам. Обгоняя его, мимо очень быстро на четвереньках пробежал Фокин. Чудовище было уже шагах в двадцати.

— Успеете разобрать лагерь? — быстро спросил Мбога.

— Нет, — ответил Комов.

— Я буду стрелять!

— Погодите, — сказал Комов. Он шагнул вперед, взмахнул рукой и крикнул: — Стой!

На мгновение гора живого мяса приостановилась. Шишковатый лоб вдруг задрался, и распахнулась просторная, как кабина вертолета, пасть, забитая зеленой травяной жвачкой.

— Гена! — закричала Таня. — Немедленно назад!

Чудовище издало продолжительный сипящий звук и двинулось вперед еще быстрее.

— Стой! — снова крикнул Комов, но уже без всякого энтузиазма. — По-видимому, оно травоядное, — сообщил он и попятился к палаткам.

Он оглянулся. Мбога стоял с карабином у плеча, и Таня уже зажимала уши. Возле Тани с тюком на спине стоял Фокин. Усы его были взъерошены.

— Будут в него сегодня стрелять или нет? — заорал Фокин натужным голосом. — Уносить интравизор или...

Ду-дут! Полуавтоматический охотничий карабин Мбога имел калибр 16,3 миллиметра, и живая сила удара пули с дистанции в десять шагов равнялась восьми тоннам. Удар пришелся в самую середину лба, между двумя шишками. Чудовище с размаху уселось на зад.

Ду-дуд! Второй удар опрокинул чудовище на спину. Короткие толстые ноги судорожно задергались в воздухе. «Х-ха-а...» — донеслось из густой травы. Вздудось и опало черное брюхо, и все стихло. Мбога опустил карабин.

— Пойдем посмотрим, — сказал он.

По размерам чудовище не уступало взрослому африканскому слону, но больше всего оно напоминало гигантского гиппопотама.

— Кровь красная, — сказал Фокин. — А это что?

Чудовище лежало на боку, и вдоль его брюха тянулись три ряда мягких выростов величиной с кулак. Из выростов сочилась блестящая густая жидкость. Мбога вдруг шумно потянул носом воздух, взял на кончик пальца каплю жидкости и попробовал на язык.

— Фи! — произнес Фокин.

На всех лицах появилось одно и то же выражение.

— Мед, — произнес Мбога.

— Да ну! — удивился Комов. Он поколебался и тоже протянул палец.

Таня и Фокин с отвращением следили за его движениями.

— Настоящий мед! — воскликнул он. — Липовый мед!

— Доктор Диксон говорил, что в этой траве много сахаридов, — сообщил Мбога.

— Медоносный монстр, — сказал Фокин. — Зря мы его так.

— «Мы»! — воскликнула Таня. — Горе мое! Иди лучше прибери интравизор.

— Ну ладно, — сказал Комов. — Что же делать дальше? Здесь жарко, и такая туша рядом с лагерем...

— Это на мне, — сказал Мбога. — Оттащите палатки шагов на двадцать вдоль улицы. Я сделаю все обмеры, кое-что посмотрю и уничтожу его.

— Как? — спросила Таня.

— Дезинтегратором. У меня есть дезинтегратор. А ты, Таня, уходи отсюда: я сейчас буду заниматься очень неаппетитной работой.

Послышался топот, и из-за палаток выскочил Лю с большим автоматическим пистолетом в руке.

— Что случилось?! — задыхаясь, спросил он.

— Мы убили одного из ваших бегемотов, — важно объяснил Фокин.

На мгновение гора живого мяса остановилась.

Лю быстро оглядел всех и сразу успокоился. Он сунул пистолет за пояс.

— Нападение? — спросил он.

— В общем то нет, — сказал Комов смущенно. — По моему, он просто гулял, но его надо было остановить.

Лю посмотрел на перевернутый вертолет и кивнул.

— А нельзя ли его есть? — крикнул Фокин из палатки.

Мбога медленно произнес:

— Кажется, кто-то уже пробовал его есть.

Комов и Лю подошли к нему. Мбога ощупывал пальцами широкие и глубокие прямые рубцы на филейных частях животного.

— Это сделали могучие клыки, — сказал Мбога. — И острые, как ножи. Кто-то снимал с него ломти по дватри килограмма в один прием.

— Ужас какой-то! — сказал Лю очень искренне.

Странный протяжный крик пронесся высоко в небе. Все подняли головы.

— Вот они! — закричал Лю.

На город стремительно падали большие светло-серые птицы, похожие на орлов. Они падали друг за другом с огромной высоты, затем над самыми головами людей расправляли широкие мягкие крылья и так же стремительно взмывали вверх, обдавая людей волнами теплого воздуха. Это были громадные птицы, крупнее земных кондоров и даже летучих драконов Пандоры.

— Хищники! — встревоженно произнес Лю.

Он потянул было из-за пояса пистолет, но Мбога крепко взял его за руку.

Птицы пронеслись над городом и уходили на запад, в лиловое вечернее небо. Когда последняя исчезла, раздался тот же тревожный протяжный крик.

— Я уже хотел было стрелять, — проговорил Лю с облегчением.

— Я знаю, — кивнул Мбога. — Но мне показалось... — Он остановился.

— Да, — сказал Комов, — мне тоже показалось...

Поразмыслив, Комов распорядился не только отодвинуть палатки на двадцать шагов, но и поднять их на плоскую крышу одного из зданий. Здания были невысокие —

всего два метра, — и забираться на них было нетрудно. На крышу соседнего здания Таня и Фокин подняли тюки с наиболее ценными приборами. Вертолет, как выяснилось, не пострадал. Комов поднял его и аккуратно посадил на крышу третьего здания.

Мбога провозился над тушей чудовища всю ночь при свете прожекторов. На рассвете улица огласилась пронзительным шипением, над городом взлетело большое облако белого пара и вспыхнуло короткое оранжевое зарево. Фокин, никогда прежде не видевший, как действует органический дезинтегратор, в одних трусах вылез из палатки, но увидел только Мбога, который неторопливо убирал прожектора, и огромную кучу мелкой серой пыли на почерневшей траве. От медоносного монстра осталась только отлично препарированная, залитая в прозрачную пластмассу уродливая голова. Она предназначалась для Кейптаунского Музея космозоологии.

Фокин пожелал Мбога доброго утра и полез было обругать в палатку досыпать, но встретился с Комовым.

— Куда? — осведомился Комов.

— Одеться, конечно, — с достоинством ответил Фокин.

Утро было свежее и ясное, только на юге в лиловом небе неподвижно стояли белые растрепанные облака. Комов спрыгнул на траву и отправился готовить завтрак. Он хотел сделать яичницу, но вскоре обнаружил, что не может отыскать масло.

— Борис, — позвал он, — где масло?

Фокин стоял на крыше в странной позе: он занимался гимнастикой по системе йогов.

— Понятия не имею, — ответил он гордо.

— Ты же вчера был дежурным.

— Э-э... да. Значит, масло там, где было вчера вечером.

— А где оно было вчера вечером? — спросил Комов, сдерживаясь.

Фокин с недовольным видом выпростал голову из-под правого колена.

— Откуда я знаю? Мы же потом все ящики переставили.

Комов стиснул зубы и принялся терпеливо осматривать ящик за ящиком. Масла не было. Тогда он подошел к зданию и стащил Фокина за ногу вниз.

— Где масло? — спросил он.

Фокин открыл было рот, но тут из-за угла вышла Таня в безрукавке и коротких штанах. Волосы у нее были мокрые.

— Доброе утро, мальчики, — сказала она.

— Доброе утро, Танечка, — отозвался Фокин. — Ты не видела случайно ящик с маслом?

— Где ты была? — свирепо спросил Комов.

— Купалась.

— Напрасно, — сказал Комов. — Кто тебе разрешил?

Таня отстегнула от пояса и бросила на ящики электрический резак в пластмассовых ножнах.

— Генечка, там нет никаких крокодилов. Замечательная вода и песчаное дно.

— Ты не видела масло? — спросил Комов.

— Масло я не видела, а вот кто видел мои башмаки?

— Я видел, — сказал Фокин. — Они на той крыше.

— На той крыше их нет.

Все трое повернулись и посмотрели на крышу. Башмаков действительно не было. Тогда Комов поглядел на доктора Мбога. Доктор Мбога лежал в траве в тени и крепко спал, подложив под щеку маленький кулачок.

— Ну что ты! Зачем ему мои башмаки? — сказала Таня.

— Или масло, — добавил Фокин.

— Может быть, они ему мешали, — проворчал Комов. — Ну ладно, я попытаюсь приготовить что-нибудь без масла...

— И без башмаков.

— Хорошо, хорошо, — сказал Комов. — Иди и займись интравизором. И ты, Таня, тоже. И постарайтесь собрать поскорее.

К завтраку пришел Лю. Он гнал перед собой большую черную машину на шести гомомеханических ногах. За машиной в траве оставалась широкая просека. Она тянулась от самой базы. Лю вскарабкался на крышу и сел к столу, а машина застыла посреди улицы.

— Послушайте, Лю, — сказал Комов, — у вас на базе ничего не пропадало?

— В каком смысле? — спросил Лю.

— Ну... вы оставляете что-нибудь на ночь на дворе, а утром не можете найти.

— Да как будто нет. — Лю пожал плечами. — Пропадают иногда мелочи, всякие отходы... обрывки проводов,

обрезки пластолита. Но я думаю, этот хлам забирали мои киберы. Они очень экономные товарищи, у них все идет в дело.

— А могут у них пойти в дело мои башмаки? — спросила Таня.

Лю засмеялся.

— Не знаю, — сказал он. — Вряд ли.

— А может у них пойти в дело ящик со сливочным маслом? — спросил Фокин.

Лю перестал смеяться.

— У вас пропало масло? — спросил он.

— И башмаки.

— Нет, киберы в город не ходят.

На крышу ловко, как ящерица, вскарабкался Мбога.

— Доброе утро, — сказал он. — Прошу извинить, я запоздал.

Таня налила ему кофе. Мбога всегда завтракал одной чашкой кофе.

— Итак, мы обворованы, — произнес он улыбаясь.

— Значит, это не вы? — спросил Фокин.

— Нет, это не я. Но ночью над городом два раза пролетали вчерашние птицы.

— Ну, вот и башмаки, — сказал Фокин. — Я где-то читал...

— А ящик с маслом? — нетерпеливо перебил Комов.

Никто не ответил. Мбога задумчиво пил кофе.

— За два месяца у меня ничего не пропало, — сказал Лю. — Правда, я все держу в куполе... И потом, у меня киберы. И все время дым и треск.

— Ладно, — сказал Фокин поднимаясь. — Пойдем работать, Танечка. Подумаешь, башмаки!

Они ушли, и Комов принялся собирать посуду.

— Сегодня же вечером, — сказал Лю, — я поставлю вокруг вас охрану.

— Пожалуй, — отозвался Мбога задумчиво. — Но я предпочел бы сначала сам. Гена, сейчас я лягу спать, а ночью устрою небольшую засаду.

— Хорошо, доктор Мбога, — сказал Комов неохотно.

— Тогда я, с вашего разрешения, тоже приду, — предложил Лю.

— Приходите, — согласился Мбога. — Но без киберов, пожалуйста.

С соседней крыши донесся взрыв негодования.

— Борис, Борис, я же просила тебя разложить тюки в порядке сборки!

— А я что сделал? Я и разложил!

— Это называется в порядке сборки? Индекс «Е-7», «А-2», «В-16»... Снова «Е»!..

— Танечка!.. Честное слово... Товарищи! — обиженно завопил Фокин через улицу. — Кто перепутал тюки?

— Вот! — крикнула Таня. — А тюка «Е-9» вообще нет!

Мбога тихонько сказал:

— Миссус, а у нас простыня пропала!

— Что? Ищите хорошенько! — крикнул Комов. Он спрыгнул с крыши и побежал к Фокину и Тане.

Мбога проводил его глазами и стал смотреть на юг, за реку. Было слышно, как Комов на соседней крыше сказал:

— Что, собственно, пропало?

— ВЧГ, — ответила Таня.

— Ну, и что вы раскудахтались? Соберите новый.

— На это два дня уйдет.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Резать надо, — сказал Фокин.

На крыше воцарилось молчание.

— Смотрите, товарищ Лю, — проговорил вдруг Мбога. Он стоял и, прикрывшись от солнца, смотрел на реку.

Лю повернулся. Зеленая равнина за рекой пестрела черными пятнами. Это были спины «бегемотов», и их было очень много. Лю и в голову не приходило, что за рекой так много «бегемотов». Черные пятна медленно двигались на юг.

— Они уходят, — сказал Мбога. — Прочь от города, за холмы.

Комов решил ночевать под открытым небом. Он вытащил из палатки свою постель и улегся на крыше, заложив руки за голову.

Небо было черно-синее, из-за горизонта на востоке медленно выползал большой зеленовато-оранжевый диск с неясными краями — Пальмира, луна Леониды. С темной равнины за рекой доносились приглушенные протяжные крики; должно быть, кричали птицы. Над базой вспыхивали короткие зарницы и что-то негромко скрежетало и потрескивало.

«Надо ставить ограду, — думал Комов. — Обнести город проволокой и пустить ток, не очень сильный. Впрочем, если это птицы, то ограда не поможет. А скорее всего, это птицы. Такой громадине ничего не стоит утащить тюк. Ей, наверное, ничего не стоит утащить и человека. Ведь был же случай, когда на Пандоре крылатый дракон подхватил человека в скафандре высшей защиты, а это полтора центнера. Так оно и идет — сначала башмачки, потом тючок... И на весь отряд — один карабин! Почему Леонил Андреевич был так против оружия? Конечно, надо было стрелять тогда — по крайней мере, отпугнули бы их... Почему доктор не стрелял? Потому что ему «показалось»... И я сам бы не выстрелил, потому что мне тоже «показалось»... А что мне, собственно, показалось? — Комов сильно потер ладонью сморщенный от напряжения лоб. — Огромные птицы, очень красивые птицы, и как они летели!.. Какой бесшумный, легкий и правильный полет... Что ж, даже охотники иногда жалеют дичь, а я даже не охотник».

Среди мигающих звезд неторопливо прошло через зенит яркое белое пятнышко. Комов приподнялся на локтях, следя глазами за ним. Это был «Подсолнечник» — полутонкилометровый десантный звездолет сверхдальнего действия. Сейчас он обращался вокруг Леониды на расстоянии двух мегаметров от поверхности. Стоит подать сигнал бедствия, и оттуда придут на помощь. Но стоит ли подавать сигнал бедствия? Пропала пара башмаков, два тюка, и что-то показалось начальнику. Благоустроенная планета!

Белое пятнышко потускнело и скрылось — «Подсолнечник» ушел в тень Леониды. Комов снова улегся и положил руки за голову. «Не слишком ли благоустроенная? — подумал он. — Теплые зеленые равнины, душистый воздух, идиллическая речка без крокодилов... Может быть, это только ширма, за которой действуют какие-то непонятные силы? Или все гораздо проще? Танька потеряла башмаки где-нибудь в траве; Фокин, как известно, растяпа, и пропавшие тюки лежат сейчас где-нибудь под грудой деталей экскаватора. То-то он сегодня весь день бегал, воровато озираясь, от штабеля к штабелю».

Кажется, Комов задремал, а когда проснулся, Пальмира стояла уже высоко. Из палатки, где спал Фокин,

раздавалось чмокание и всхрапывание. На соседней крыше шептались.

— ...Как только трос оборвался, мы улетели, а Костя остался внизу. Он гнался за нами и кричал, чтобы мы остановились, затем назначил меня капитаном и приказал, чтобы я остановился. Я, конечно, сразу стал править на релейную мачту. Там мы повисли и провисели всю ночь. И всю ночь мы орали друг на друга — идти Косте к учителю или нет. Костя мог пойти, но не хотел, а мы хотели, но не могли, а утром нас заметили с аэробуса и сняли.

— А я была девочка тихая и всегда очень боялась всяких механизмов. Киберов вот до сих пор боюсь.

— Киберов не нужно бояться, Танюша. Они добрые.

— Я их не люблю. Неприятно, что они какие-то и живые и неживые...

Комов повернулся на бок и поглядел. Таня и Лю сидели на соседней крыше, свесив ноги. «Воробышки, — подумал Ковов. — А завтра весь день зевать будут».

— Татьяна, — сказал он вполголоса, — пора спать.

— Не хочется, — отозвалась Таня. — Мы по берегу гуляли. (Лю смущенно задвигался.) — Очень хорошо на реке. Луна, и рыба играет.

Лю сказал:

— Э-э... А где доктор Мбога?

— Доктор Мбога на работе, — сказал Ковов.

— А правда, Гуан-чэн, — обрадовалась Таня. — Пошли искать доктора Мбога!

«Безнадежна», — подумал Ковов и повернулся на другой бок. На крыше продолжали шептаться. Ковов решительно поднялся, собрал постель и вернулся в палатку. В палатке было очень шумно — Фокин спал вовсю. «Растяпа ты, растяпа! — подумал Ковов, устраиваясь. — Вот в такую-то ночь и ухаживать. А ты усы отрастил и думаешь, что дело в шляпе». Он закутался в простыню и моментально заснул.

Оглушительный грохот подбросил его на постели. В палатке было темно. Ду-дут! Ду-дут! — прогремели еще два выстрела.

— Это еще что такое? — заорал в темноте Фокин. — Кто здесь?

Послышался короткий заячий вскрик и торжествующий вопль Фокина:

— Ага-а! Сюда, ко мне!

Комов запутался в простыне и никак не мог подняться. Он услышал тупой удар, Фокин ойкнул, и сейчас же что-то темное и маленькое мелькнуло и пропало в светлом треугольнике выхода. Комов рванулся вслед. Фокин тоже рванулся вслед, и они с размаху стукнулись головами. Комов скрипнул зубами и наконец вылетел наружу. Крыша напротив была пуста. Оглядевшись, Комов увидел, что Мбога бежит в траве вдоль улицы к реке, а за ним по пятам бегут, спотыкаясь, Лю и Татьяна. И еще одну вещь заметил Комов: далеко перед Мбога кто-то бежит, раздвигая на ходу траву. Бежит гораздо быстрее, чем Мбога. Мбога остановился, поднял одной рукой карабин дулом кверху и выстрелил еще раз. След в траве вильнул в сторону и исчез за углом крайнего здания. И через секунду оттуда, широко и легко взмахивая огромными крыльями, поднялась белая в лунном свете птица.

— Стреляйте! — заорал Фокин.

Он уже мчался вдоль улицы и падал через каждые пять шагов. Мбога стоял неподвижно, опустив карабин, и, задрав голову, следил за птицей. Птица сделала плавный бесшумный круг над городом, набирая высоту, и полетела на юг. Через минуту она исчезла. И тогда Комов увидел, как совсем низко над базой пролетели еще птицы — три, четыре, пять... Пять огромных белых птиц взмыли над местом работ киберов и исчезли.

Комов спустился с крыши. Мертвые параллелепипеды зданий отбрасывали на траву густые черные тени. Трава казалась серебристой. Что-то звякнуло под ногой. Комов нагнулся. В траве блеснула гильза. Комов пересек уродливую тень вертолета.

Послышались голоса. Мбога, Фокин, Лю и Таня неторопливо шли навстречу.

— Я держал его в руках! — возбужденно говорил Фокин. — Но он треснул меня по лбу и вырвался. Если бы он меня не треснул, я бы его не выпустил! Он мягкий и теплый, вроде ребенка. И голый...

— Мы тоже его чуть не поймали, — сказала Таня, — но он превратился в птицу и улетел.

— Ну-ну, — сказал Фокин. — «Превратился в птицу»...

— Действительно, — подтвердил Лю. — Он свернул за угол, и оттуда сразу же вылетела птица.

— Ну и что? — заявил Фокин. — Он спугнул птицу, а вы рты разинули.

— Совпадение, — сказал Мбога.

Комов подошел к ним, и они остановились.

— Что, собственно, произошло? — спросил Комов.

— Я его уже держал, — заявил Фокин, — но он треснул меня по лбу.

— Это я уже слышал, — сказал Комов. — С чего все началось?

— Я сидел в тюках, в засаде, — сказал Мбога, — и увидел, что кто-то ползет в траве прямо посреди улицы. Я хотел поймать его и вышел навстречу, но он заметил меня и повернул назад. Я увидел, что мне не догнать его, и выстрелил в воздух. Мне очень жалко, Гена, но, кажется, я напугал их.

Воцарилось молчание. Потом Фокин спросил с недоумением:

— А что вам, собственно, жалко, доктор Мбога?

Мбога ответил не сразу. Все ждали.

— Их было по крайней мере двое, — сказал он. — Одного обнаружил я, другой был у вас в палатке. Но, когда я пробежал мимо вертолета... Вот что, — закончил он неожиданно: — надо пойти и посмотреть. Наверное, я ошибаюсь.

Мбога неслышно зашагал к лагерю. Остальные, переглянувшись, двинулись за ним. У здания, на котором стоял вертолет, Мбога остановился.

— Где-то здесь, — сказал он.

Фокин и Таня немедленно полезли в черную тень под стену. Лю и Комов сверху вниз выжидательно смотрели на Мбога. Мбога думал.

— Ничего здесь нет! — сказал Фокин сердито.

— Что же я видел?.. Что же я видел?.. — бормотал Мбога. — Что же я увидел?

Раздраженный Фокин вылез из-под стены. Черная тень лопастей вертолета скользнула по его лицу.

— А! — сказал Мбога громко. — Странная тень!

Мбога бросил карабин и с разбегу прыгнул на стену.

— Прошу вас! — сказал он с крыши.

На крыше за фюзеляжем вертолета, словно на витрине магазина, были аккуратно разложены вещи. Здесь был ящик с маслом, тюк с индексом «Е-9», пара башмаков, карманный микроэлектронный измеритель в пластмассовом футляре,

четыре нейтронных аккумулятора, ком застывшего стеклопласта и черные очки.

— А вот и башмаки, — удивилась Таня. — И очки. Я их вчера утопила в речке...

— Да-а-а... — сказал Фокин и осторожно огляделся. Комов словно очнулся.

— Лю! — быстро сказал он. — Мне необходимо немедленно связаться с «Подсолнечником». Фокин, Таня, сфотографируйте эту выставку! Через полчаса я вернусь.

Он спрыгнул с крыши и торопливо пошел, потом побежал по улице к базе. Лю молча последовал за ним.

— Что же это?! — завопил Фокин.

Мбога опустилсЯ на корточки, вытащил маленькую трубку, не торопясь раскурил ее и сказал:

— Это люди, Боря. Красть вещи могут и звери, но только люди могут возвращать украденное.

Фокин попятился и сел на колесо вертолета.

Комов вернулся один. Он был очень возбужден и высоким, металлическим голосом приказал немедленно сворачивать лагерь. Фокин сунулся было к нему с вопросами. Он требовал объяснений. Тогда Комов тем же металлическим голосом процитировал:

— «Приказ капитана звездолета «Подсолнечник». В течение трех часов свернуть синоптическую базу-лабораторию и археологический лагерь, демобилизовать все кибернетические системы, всем, включая атмосферного физика Лю, вернуться на борт «Подсолнечника».

От удивления Фокин повиновался и принялся за работу с необычайным усердием.

За два часа вертолет сделал восемь рейсов, а грузовые киберы протоптали от базы до бота широкую дорогу в траве. От базы остались только пустые постройки, все три системы кибернетических роботов-строителей были загнаны в помещение склада и полностью депрограммированы.

В шесть часов утра по местному времени, когда на востоке загорелась зеленая заря, выбившиеся из сил люди тобрались у бота, и тут наконец Фокина прорвало.

— Ну хорошо, — начал он зловещим сиплым шепотом, — ты, Геннадий, отдавал нам приказания, и я их честно выполнял. Но, прах побери, я хочу наконец узнать, зачем мы отсюда уходим? Как! — завопил он вдруг фаль-

цетом, картинно выбросив руку. (Все вздрогнули, а Мбога выронил из зубов трубочку.) — Как! В течение трех веков искать Братьев по Разуму и позор-но бежать, едва их обнаружив? Лучшие умы человечества...

— Борис, Борис!.. — Таня укоризненно покачала головой.

— Ничего не понимаю! — проговорил Фокин сиплым шепотом.

— Вы думаете, Борис, что мы способны представлять лучшие умы человечества? — спросил Мбога.

Комов угрюмо пробормотал:

— Сколько мы здесь напакостили! Сожгли целое поле, топтали посевы, развели пальбу... А в районе ба-зы... — Он махнул рукой.

— Но кто мог знать? — сказал Лю виновато.

— Да, — произнес Мбога, — мы сделали много ошибок. Но я надеюсь, что они нас поняли. Они достаточно цивилизованны для этого.

— Да какая это цивилизация! — воскликнул Фокин. — Где машины? Где орудия труда? Где города, наконец?

— Да замолчи ты, Борис! — сказал Комов. — «Машины... города»!.. Хоть теперь-то раскрой глаза! Мы умеем летать на птицах? У нас есть медоносные монстры, которые к тому же дают мясо с живого тела? Давно ли у нас был уничтожен последний комар? Машины...

— Биологическая цивилизация, — произнес Мбога.

— Как? — спросил Фокин.

— Биологическая цивилизация. Не машинная, а биологическая. Селекция, генетика, дрессировка. Кто знает, какие силы покорили они? И кто скажет, чья цивилизация выше?

— Представляешь, Борька, — сказала Таня, — дрессированные бактерии!

Фокин яростно крутил ус.

— И уходим мы отсюда потому, — сказал Комов, — что никто из нас не имеет права взять на себя ответственность первого контакта.

«Ах, как жалко уходить отсюда! — думал он. — Ужасно жалко. Не хочу уходить. Хочу разыскать их. Поговорить с ними, поглядеть, какие они. Целое человечество! Не какие-нибудь безмозглые ящеры, не улитки какие-нибудь, а человечество. Целый мир, целая история... А у вас были войны и революции? А что у вас сначала было —

пар или электричество? А в чем у вас смысл жизни? А сколько языков на Леониде? А можно взять у вас что-нибудь прочитать? Первый опыт сравнительной истории человечеств... И нужно уходить. Ай-яй-яй, как не хочется уходить!.. Но на Земле уже пятьдесят лет существует Комиссия по Контактам. Пятьдесят лет изучают сравнительную психологию рыб и муравьев и спорят, на каком языке сказать первое «э»! Только теперь над комиссией уже не посмеешь. Работать им придется явно в поте лица. Интересно, кто-нибудь из них предвидел биологическую цивилизацию? Наверное. Чего они там только не предвидели. Счастливичики!»

Мбога сказал:

— Какой все-таки удивительно проницательный человек Горбовский! Он явно что-то чувствовал.

— Да, — сказала Таня. — Страшно подумать, что бы здесь Борька наделал, будь у нас оружие!

— Почему обязательно я? — возмутился Фокин. — А ты? Кто купаться ходил с электрическим резаком?

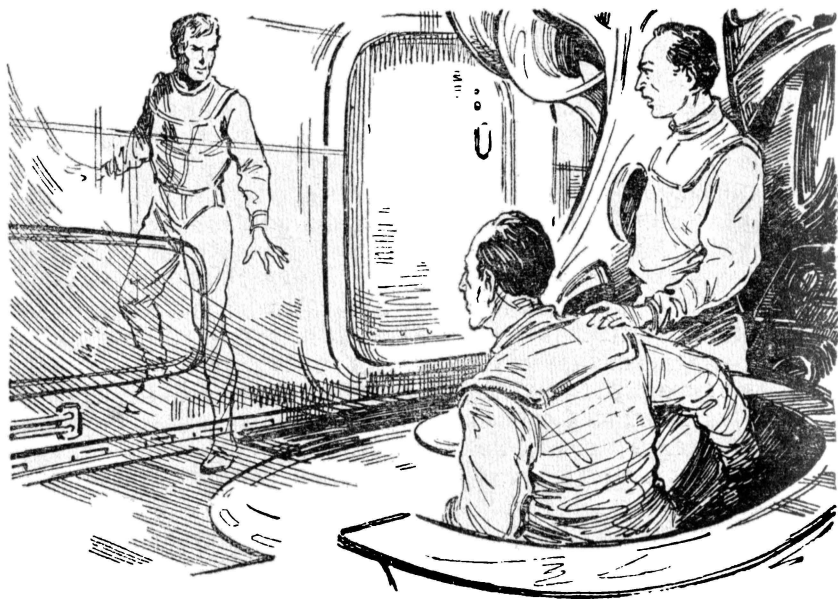
— Все мы хороши, — сказал Лю со вздохом.

Комов поглядел на часы.

— Старт через двадцать минут, — объявил он. — Прошу по местам.

Мбога задержался в кессоне и оглянулся. Белая звезда ЕН 23 уже поднялась над зелеными равнинами Леониды. Пахло влажной травой, теплой землей и свежим медом. Над далекими холмами неподвижно повисли белые растрепанные облака.

— Да, — произнес Мбога, — необычайно благоустроенная планета. Разве природе под силу создать такую?

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ

КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ

Океан был как зеркало. Вода у прибрежных камней была такая спокойная, что темно-зеленые мочала водорослей на дне, обычно колеблющиеся, висели в глубине неподвижно.

Кондратьев завел субмарину в бухту, поставил ее впритык к берегу и сказал:

— Приехали.

Пассажиры зашевелились.

— Где мой киноаппарат? — спросил Женя Славин.

— Я на нем лежу, — отозвался Горбовский слабым голосом. — Мне очень неудобно. Можно, я вылезу?

Кондратьев распахнул люк, и все увидели ясное голубое небо. Горбовский вылез первым. Он сделал по камням несколько неверных шагов, остановился и пошевелил носом сухой плавник.

— Как здесь хорошо! — вскричал он. — Как мягко! Можно, я лягу?

— Можно, — сказал Женя.

Он тоже выбрался из люка и сладко потягивался. Горбовский сейчас же лег.

Кондратьев сбросил якорь.

— Лично я, — сказал он, — лежать на плавнике не советую. Там всегда несметно песчаных блох.

Женя, неестественно растопырившись, стрекотал киноаппаратом. Он снимал командира звена субмарин в момент возвращения из ответственной операции.

— Сделай лицо, — строго приказал он.

Кондратьев сделал лицо.

— Ну что ты в самом деле! — обиделся Женя и опустил аппарат.

— Я не все понял насчет блох, — подал голос Горбовский. — Они что, Сергей Иванович, прыгают? Или могут укусить?

— Могут и укусить, — ответил Кондратьев. — Да оставь ты меня в покое, Евгений! Вот вернемся на базу, тогда и снимай хоть до белых пятен. Собирай плавник и разводи костер.

Он полез в люк и достал ведро. Женя сел на корточки и стал брезгливо копать в плавнике двумя пальцами, выбирая щепки покрупнее. Горбовский с интересом следил за его манипуляциями.

— И все-таки, Сергей Иванович, я не все понял насчет блох.

— Они прогрызают кожу, — пояснил Кондратьев, ополаскивая ведро техническим спиртом.

— Да, — сказал Горбовский и перевернулся на спину. — Это ужасно.

Кондратьев набрал в ведро пресной воды из запасов на субмарине и прыгнул на берег. Молча и ловко он собрал плавник, разжег костер, подвесил ведро над костром и достал из своих необъятных карманов леску, крючок и коробку с наживкой. Женя подошел с горстью щепок.

— Следи за костром, — приказал Кондратьев. — Я наловлю окуньков. Я мигом.

Прыгая с камня на камень, он перебрался на большую замшелую скалу, выступавшую из воды в двадцати шагах от берега, повозился там немного и застыл. Утро было тихое, солнце, выбравшись из-за горизонта, уставилось прямо в бухточку и слепило глаза. Женя сел по-турецки у костра и стал подкладывать щепочки.

— Изумительное существо — человек! — произнес вдруг Горбовский. — Проследите его историю за последние сто веков. Какого огромного развития достиг, скажем, производственный сектор! Как расширились области исследовательской деятельности! И с каждым годом появляются всё новые области, новые профессии. Вот я недавно познакомился с одним товарищем. Он учит детишек ходить. Очень крупный специалист. И он рассказал мне, что существует уже очень сложная теория этого дела...

— Как его фамилия? — быстро спросил Женя и вынул диктофон.

— Его фамилия... Елена Ивановна. А фамилию я не знаю. Но я не об этом. Я хочу сказать, что вот науки и способы производства все время развиваются, а развлечения, способы отдыха всё остаются такими же, как в древнем Риме. Если мне надоест быть звездолетчиком, я могу стать биологом, строителем, агрономом... еще кем-нибудь. А вот если мне, скажем, надоест лежать, что тогда останется делать? Смотреть кино, читать, слушать музыку или еще посмотреть, как другие бегают. На стадионах. И все! И так всегда было — зрелища и игры. Короче говоря, все наши развлечения сводятся в конечном счете к услаждению нескольких органов чувств. Даже, заметьте, не всех. Вот, скажем, никто еще не придумал, как развлекаться, услаждая органы осязания и обоняния.

— Ну еще бы, — сказал Женя. — Массовые зрелища и массовые осязалища. И массовые обонялища.

Горбовский тихонько хихикнул.

— Вот именно, — сказал он. — Обонялища. А ведь будет, Евгений Маркович! Непременно когда-нибудь будет!

— Так ведь это закономерно, Леонид Андреевич. По-видимому, законы природы таковы, что человек в конечном счете стремится не столько к самим восприятиям, сколько к переработке этих восприятий, стремится услаждать не столько элементарные органы чувств, сколько свой главный воспринимающий орган — мозг.

Женя выбрал из плавника еще несколько щепок и подбросил в костер.

— Отец рассказывал мне, что в его время кое-кто проорочил человечеству вырождение в условиях изобилия. Все-де будут делать машины, на хлеб с маслом зарабатывать не надо, и люди займутся тунеядством. Человечество, мол, захлестнут трутни. Но дело-то как раз в том, что работать гораздо интереснее, чем отдыхать. Трутнем быть просто скучно.

— Я знал одного трутня, — серьезно сказал Горбовский. — Но его очень не любили девушки, и он начисто вымер в результате естественного отбора. И все-таки я думаю, что история развлечений еще не окончена. Я имею в виду развлечения в старинном смысле слова. И обонялища какие-нибудь будут обязательно. Я хорошо представляю это себе...

— Сидят сорок тысяч человек, — сказал Женя, — и все как один принимают. Симфония «Розы в томатном соусе». И критики с огромными носами будут писать: «В третьей части впечатляющим диссонансом в нежный запах двух розовых лепестков врывается мажорное звучание свежего лука...»

— «...В огромном зале лишь немногие смогли удержаться от слез...»

Когда Кондратьев вернулся со связкой свежей рыбы, звездолетчик и писатель довольно ржали перед затухающим костром.

— Что это вас так разобрало? — с любопытством осведомился Кондратьев.

— Радуюсь жизни, Сережа, — ответил Женя. — Укрась и ты свою жизнь веселой шуткой.

— Могу, — сказал Кондратьев. — Сейчас я почищу рыбу, а ты соберешь внутренности и зароешь во-он под тем камнем. Я всегда там зарываю.

— Симфония «Могильный камень», — сказал Горбовский. — Часть первая, аллегро нон троппо.

Лицо Жени вытянулось, он замолчал и стал глядеть на роковой камень. Кондратьев взял камбалу, шлепнул ее на плоский камень и вытащил нож. Горбовский с восхищением следил за каждым его движением. Кондратьев одним ударом наискосок отделил голову камбалы, ловко запустил под кожу ладонь и мгновенно извлек камбалу

из кожи целиком, словно снял перчатку. Кожу и выпавшие внутренности он бросил Жене.

— Леонид Андреевич! — позвал он. — Принесите соли, пожалуйста!

Горбовский, не говоря ни слова, встал и полез в субмарину. Кондратьев быстро разделал камбалу и принял-ся за окуней. Куча рыбьих внутренностей перед Женей росла.

— А где соль? — воззвал Горбовский из люка.

— В продовольственном ящике, — откликнулся Кондратьев. — Направо.

— А она не поедет? — с опаской спросил Горбовский.

— Кто — она?

— Субмарина. Тут направо пульт управления.

— Справа от пульта — ящик, — сказал Кондратьев.

Было слышно, как Горбовский ворочается в кабине.

— Нашел! — радостно заявил он. — Все нести? Тут килограммов пять...

Кондратьев поднял голову:

— Как так — пять? Там должен быть маленький пакет

После минутной паузы Горбовский сообщил:

— Да, действительно. Сейчас несу.

Он выбрался из люка, держа в вытянутой руке пакетик с солью. Руки у него были в муке. Положив пакетик возле Кондратьева, он со стоном: «О мировая энтропия!..» — приноровился было снова лечь, но Кондратьев сказал:

— А теперь, Леонид Андреевич, принесите-ка, пожалуйста, лаврового листа.

— Зачем? — с огромным изумлением спросил Горбовский. — Неужели три взрослых человека не могут обойтись без лаврового листа?

— Нет уж, — сказал Кондратьев. — Я обещал вам, Леонид Андреевич, что вы хорошо сегодня отдохнете, и вы у меня отдохнете. Ступайте за лавровым листом...

Горбовский сходил за лавровым листом, а затем сходил за перцем и кореньями, а потом — отдельно — за хлебом. Вместе с хлебом он — в знак протеста — принес тяжеленный баллон с кислородом и язвительно сказал:

— Вот я принес заодно. На всякий случай, если надо...

— Не надо, — сказал Кондратьев. — Большое спасибо. Отнесите назад.

Горбовский с проклятиями поволок баллон обратно. Вернувшись, он уже не пытался лечь. Он стоял рядом с Кондратьевым и смотрел, как тот варит уху. Мрачный корреспондент Европейского информационного центра при помощи двух щепочек относил рыбы внутренности к могильному камню.

Уха кипела. От нее шел оглушающий аромат, приправленный легким запахом дыма. Кондратьев взял ложку, попробовал и задумался.

— Ну как? — спросил Горбовский.

— Еще чуть соли, — отозвался Кондратьев. — И, пожалуйста, перчику. А?

— Пожалуй, — сказал Горбовский и проглотил слюнку.

— Да, — решительно сказал Кондратьев. — Соли и перцу.

Женя кончил таскать рыбы потроха, навалил сверху камень и отправился мыть руки. Вода была теплая и прозрачная. Было видно, как между водорослями снуют маленькие серо-зеленые рыбки. Женя присел на камень и загляделся. Океан блестящей стеной поднимался за бухтой. Над горизонтом неподвижно висели синие вершины соседнего острова. Все было синее, блестящее и неподвижное, только над камнями в бухте без крика плавали большие черно-белые птицы. От воды шел свежий солоноватый запах.

— Отличная планета — Земля! — сказал Женя вслух.

— Готово! — объявил Кондратьев. — Садитесь есть уху. Леонид Андреевич, принесите, пожалуйста, тарелки.

— Ладно, — сказал Горбовский. — Тогда я и ложки заодно.

Они расселись вокруг дымящегося ведра, и Кондратьев разлил уху. Некоторое время ели молча. Затем Горбовский сказал:

— Безмерно люблю уху. И так редко приходится есть!

— Ухи еще полведра, — сообщил Кондратьев.

— Ах, Сергей Иванович, — сказал Горбовский со вздохом, — на два года не наешься!

— Так уж на Леониде не будет ухи, — сказал Кондратьев.

Горбовский опять вздохнул.

— Может быть, и не будет. Хотя Леонида — это, ко-

нечно, не Пандора, и на уху надежда есть. Если только комиссия разрешит ловить рыбу.

— А почему бы и нет?

— В комиссии желчные и жестокие люди. Они наверняка запретят мне даже лежать. Они потребуют, чтобы все мои действия соответствовали интересам аборигенов этой планеты. А откуда я знаю, какие у них интересы?

— Вы фантастический нытик, Леонид Андреевич, — сказал Женя. — Я считаю, что ваше участие в Комиссии по Контактam — ужасная ошибка. Ты представляешь, Сергей: Леонид Андреевич со всем своим душистым букетом недостатков представляет человечество перед цивилизацией другого мира.

— А почему бы и нет? — рассудительно сказал Кондратьев. — Я очень уважаю Леонида Андреевича.

— И я его уважаю, — сказал Горбовский.

— Я тоже его уважаю, — сказал Женя, — но не испортил бы он первое впечатление у граждан Леониды.

— Первое впечатление уже испорчено, — заметил Горбовский. — Между прочим, и по моей вине тоже. Но дело не в этом. Вы за меня не беспокойтесь, Евгений Маркович. На благоустроенной планете я буду тих, как улитка.

— Но этого мало! Сергей, ты читал список вопросов, которые будут обсуждаться при первой встрече?

— Читал.

— Там не хватает одного вопроса.

Горбовский с интересом посмотрел на Женю.

— Какого? — осведомился Кондратьев.

— Самого первого: «Можно я лягу?»

Кондратьев фыркнул в ложку с ухой. Горбовский посмотрел на Женю с укоризной.

— Ах, Евгений Маркович, — сказал он, — ну можно ли так шутить? Вот вы все смеетесь, а мне страшно. Я очень боюсь оплошать и навредить нашим потомкам.

— Да, плошать не стоит.

— Нельзя! Нельзя, Евгений Маркович! Ведь потомки в нас верят!

Кондратьев перестал есть и взглянул на Горбовского.

— За всех потомков, конечно, ручаться не могу, — спокойно продолжал Горбовский, — но вот Петр Петрович — тот во время последней со мной встречи вполне определенно выразился в том смысле, что он в нас верит.

— И чей же он потомок, этот Петр Петрович? — спросил Кондратьев.

— Доподлинно сказать вам не могу. Ясно, однако, что он прямой потомок какого-то Петра. Мы, знаете, об этом с ним как-то не говорили. В конце концов, это не очень важно, не правда ли?

— А о чем вы с ним говорили? — поинтересовался Женья.

Горбовский поставил пустую тарелку рядом с собой на камень, вытер рот носовым платком и сказал:

— Если вам интересно, могу рассказать. История, в общем, не длинная.

— Может, сначала посуду вымоем? — предложил Кондратьев.

— Нет. Я так не согласен. Надо сначала полежать. Верно, Евгений Маркович?

— Конечно, верно! — воскликнул Женья, тоже отставил тарелку и повалился на бок. — Рассказывайте, Леонид Андреевич.

И Горбовский начал рассказывать.

— Мы шли на «Таризле» к ЕН 6 — рейс легкий и не интересный — везли Перси Диксона и семьдесят тонн вкусной еды для тамошних астрономов, и тут у нас взорвался обогатитель. Кто его знает, почему он взорвался, такие вещи иногда случаются даже теперь. Мы повисли в пространстве в двух парсеках от ближайшей базы и потихоньку стали готовиться к переходу в иной мир, потому что без обогатителя плазмы ни о чем другом не может быть и речи. В нашем положении, как и во всяком другом, было два выхода: открыть люки сейчас же или сначала съесть семьдесят тонн астрономических продуктов и потом все-таки открыть люки. Мы с Валькенштейном собрались в кают-компанию около Перси Диксона и стали выбирать. Перси Диксону было легче всех — у него оказалась разбита голова, и он еще ничего не знал. Очень скоро мы с Валькенштейном пришли к выводу, что торопиться некуда. Это была самая грандиозная задача, какую мы когда-либо ставили перед собой: вдвоем уничтожить семьдесят тонн продовольствия. На Диксона надежды не было. Тридцать лет во всяком случае можно было протянуть, а потом можно было и открыть люки. Системы водной и кислородной регенерации у нас были в полном порядке, двигались мы со скоростью двести пятьдесят тысяч кило-

метров в секунду, и нам еще, может быть, предстояло увидеть всякие неизвестные миры, помимо Иного.

Я хочу, чтобы вы отчетливо представили себе ситуацию: до ближайшего населенного пункта два парсека, вокруг безнадежная пустота, на борту двое живых и один полумертвый — три человека, заметьте, ровно три, это я говорю вам как командир. И тут открывается дверь, и в кают-компанию входит четвертый. Мы сначала даже не удивились. Валькенштейн этак неприветливо спросил: «Что вам здесь надо?» И вдруг до нас сразу дошло, и мы вскочили и уставились на него. А он уставился на нас. Совершенно обыкновенный человек, должен вам сказать. Роста среднего, худощавый, лицом приятен, без этой, знаете, волосатости, как у нашего Диксона, например. Только глаза особенные, веселые и добрые, как у детского врача. И еще — он был одет как звездолетчик в рейсе, однако куртка была застегнута справа налево. Так женщины застегиваются да еще, по слухам, дьявол. Это меня почему-то удивило больше всего. А пока мы разглядывали друг друга, я мигнул, гляжу — куртка у него уже застегнута правильно. Я так и сел.

«Здравствуйте, — говорит незнакомец. — Меня зовут Петр Петрович. Как вас зовут, я уже знаю, поэтому время терять не будем, посмотрим, что с доктором Перси Диксоном». Он довольно бесцеремонно отпихнул Валькенштейна и сел возле Диксона. «Простите, — говорю я, — вы врач?» — «Да, — говорит он. — Немножко». И принимается сдирать с головы Диксона повязку. Так, знаете, шутя и играя, как ребенок сдирает обертку с конфетки. У меня даже мороз по коже пошел. Смотрю на Валькенштейна — Марк стоит бледный и только разевает и закрывает рот. Между тем Петр Петрович снял повязку и обнажил рану. Рана, надо сказать, была ужасная, но Петр Петрович не растерялся. Он растопырил пальцы и стал массировать Диксону череп. И можете себе представить, рана закрылась! Прямо у нас на глазах. Ни следа не осталось. Диксон перевернулся на правый бок и захрапел как ни в чем не бывало.

«Ну вот, — говорит Петр Петрович. — Теперь пусть выспится. А мы с вами тем временем пойдем и посмотрим, что у вас делается в машинном отсеке». И повел нас в машинный отсек. Мы пошли за ним, как овечки, но, в отличие от овечек, мы даже не блеяли. Просто, вы пред-

ставляете себе, у нас не было слов. Не приготовили мы слов для такой встречи. Петр Петрович открывает люк в реактор и лезет прямо в обогатительную камеру. Валькенштейн так и ахнул, а я закричал: «Осторожно! Радиация! Смертельная радиация!» Он посмотрел на нас задумчиво, затем сказал: «Ах да, верно. Идите, — говорит, — Леонид Андреевич и Марк Ефремович, прямо в рубку, я сейчас вернусь». И закрыл за собой люк. Пошли мы с Марком в рубку и стали там друг друга шипать. Молча шипали, зверски, с ожесточением. Однако не проснулись ни я, ни он. А минуты через две включаются все индикаторы, и пульт обогатителя показывает готовность номер один. Тогда Марк бросил шипаться и говорит слабым голосом: «Леонид Андреевич, вы помните, как надо крестить нечистую силу?» Едва он это сказал, вошел Петр Петрович. «Ах, — говорит он, — ну и звездолет у вас, Леонид Андреевич! Ну и гроб! Преклоняюсь перед вашей смелостью, товарищи». Затем он предложил нам сесть и задавать вопросы.

Я стал усиленно думать, какой бы вопрос задать поумнее, а Марк, человек сугубо практический, спросил: «Где мы сейчас находимся?» Петр Петрович грустно улыбнулся, и в ту же секунду стены рубки сделались прозрачными. «Вот, — говорит Петр Петрович и показывает пальчиком. — Вон там наша Земля. Четыре с половиной парсека. А там — ЕН 6, как это у вас называется. Измените курс на шесть десятых секунды и идите прямо на деритринитацию. А может быть, вас прямо, — говорит, — подбросить к ЕН 6?» Самолюбивый Марк ответил: «Спасибо, не трудитесь, теперь мы и сами...» Он прямо взял быка за рога и принялся ориентировать корабль. Я тем временем все думал над вопросом, и все время мне в голову лезли какие-то «погоды в надзвездных сферах». Петр Петрович засмеялся и сказал: «Ну ладно, вы сейчас слишком взволнованы, чтобы задавать вопросы. А мне уже пора. Меня в этих самых надзвездных сферах ждут. Лучше я вам сам все вкратце объясню. Я, — говорит, — ваш отдаленный потомок. Мы, потомки, очень иногда любим навестить вас, предков. Поглядеть, как идут дела, и показать вам, какими вы будете. Предков всегда интересует, какими они будут, а потомков — как они стали такими. Правда, я вам прямо скажу — такие экскурсии у нас не поощряются. С вами, предками, нужен глаз да

глаз. Можно такого натворить, что вся история встанет вверх ногами. А удержаться от вмешательства в ваши дела иногда очень трудно. Так вмешаться, как я, например, сейчас вмешался, — это еще можно. Или вот один мой друг. Попал в битву под Курском и принялся там отражать танковую атаку. Сам погиб и дров наломал — подумать страшно. Правда, атаку он не один отражал, так что все прошло незаметно. А вот другой мой товарищ — тот все порывался истребить войска Чингиза. Еле удержали. Вот, собственно, и все. А теперь я пойду, обо мне наверняка уже беспокоятся».

И тут я завопил: «Постойте, один вопрос! Значит, вы теперь уже все можете?» Он с этакой снисходительной ласкою поглядел на меня и говорит: «Что вы, Леонид Андреевич! Кое-что мы, конечно, можем, но в общем-то работы еще на миллионы веков хватит. Вот, — говорит, — давеча тушили-тушили одну паршивенькую галактику, да так и отступились. Слабоваты пока. А вы, — говорит, — товарищи, на правильном пути. Вы нам нравитесь. Мы, — говорит, — в вас верим. Вы только помните: если вы будете такими, какими собираетесь быть, то и мы станем такими, какие мы есть. И какими вы, следовательно, будете». Махнул он рукой и ушел прямо сквозь стену. Вот какая история.

Горбовский приподнялся на локтях и оглядел слушателей. Кондратьев спал, пригревшись на солнышке. Женя лежал на спине, задумчиво глядя в голубое небо.

— Да, небезынтересная сказочка, — медленно сказал он. — «Для будущего мы встаем ото сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы... Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Горбовский дослушал и сказал:

— Это не сказочка. Это, Евгений Маркович, было. Не верите?

— Нет, — сказал Женя.

— Спросите Валькенштейна. И поглядите на Диксона. Есть у него шрам на голове? Нет у него шрама на голове. По-моему очень убедительно.

Он помолчал немного и добавил:

— И как вообще, по-вашему, мы смогли выбраться, если у нас взорвался обогатитель плазмы?

— Милый Леонид Андреевич, — сказал Женя, — я бы тоже очень хотел повидаться с нашими потомками. Подумать только, какой путь прошел человек, и как много ему еще осталось идти! Вы знаете, Леонид Андреевич, мое воображение всегда поражала ленинская идея о развитии общества по спирали. От первобытного коммунизма, коммунизма нищих, нищих телом и духом, через голод, кровь, войны, через сумасшедшие несправедливости, к коммунизму неисчислимых материальных и духовных богатств. С коммунизма человек начал и к коммунизму вернулся, и этим возвращением начинается новая ветвь спирали, такая, что подумать — голова кружится. Совсем-совсем иная ветвь, не похожая на ту, что мы прошли. И двигает нас по этой новой ветви совсем новое противоречие: между бесконечностью тайн природы и конечностью наших возможностей в каждый момент. И это обещает впереди миллионы веков интереснейшей жизни.

Горбовский промолчал. Кондратьев вдруг открыл глаза, сладко потянулся и сел.

— Философы, — сказал он. — Аристотели. Давайте быстренько помоем посуду, искупаемся и рванем в Золотой Грот. Такого, мальчики, вы еще не видели.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава первая.</i> ДВОЕ С «ТАЙМЫРА»	5
<i>Глава вторая.</i> САМОДВИЖУЩИЕСЯ ДОРОГИ . . .	47
<i>Глава третья.</i> ЛЮДИ, ЛЮДИ...	92
<i>Глава четвертая.</i> БЛАГОУСТРОЕННАЯ ПЛАНЕТА . .	148
<i>Глава пятая.</i> КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ	244

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

*Стругацкий Аркадий Натанович,
Стругацкий Борис Натанович*

В О З В Р А Щ Е Н И Е

Ответственный редактор *В. С. Мальт.*
Художественный редактор *Л. Б. Бирюков.*
Технический редактор *Р. И. Прозоровская.*
Корректора *Л. И. Гусева и К. П. Тягельская.*

Сдано в набор 23/XI 1961 г. Подписано к печати 9/VI 1962 г. Формат
84×108¹/₃₂ — 8 печ. л. = 13,12 усл. печ. л. (13,57 уч.-изд. л.), Тираж 115 000 экз.
ТП 1962 г. № 734. А04180. Цена 66 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 1858.

66 коп.